

ВЕСТНИК
Литературного института
имени А. М. Горького

№ 1

2023

Москва
Литературный институт
имени А. М. Горького
2023

ВЕСТНИК ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА имени А. М. ГОРЬКОГО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета — С. Ф. Дмитренко, к. ф. н., доцент

Члены редакционного совета:

В. Н. Аношкина, д. фил. н., проф., заслуженный деятель науки РФ (Москва)

Валентина Бениньи, д. фил. н., профессор (Италия)

Н. П. Видмарович, д. фил. н., проф. (Хорватия)

Франк Гёблер, д. фил. н., проф. (ФРГ, Майнц)

В. П. Гребенюк, д. фил. н., проф. (Москва)

М. Н. Громов, д. ф. н., проф. (Москва)

В. Н. Захаров, д. фил. н., проф. (Москва)

М. В. Иванова, д. фил. н., проф. (Москва)

Н. В. Корниенко, д. фил. н., член-корр. РАН (Москва)

В. В. Лепахин, д. фил. н., проф. (Венгрия)

М. А. Маслин, д. ф. н., проф. (Москва)

А. В. Моторин, д. фил. н., проф. (Великий Новгород)

Алессандро Ньеро, д. фил. н., профессор (Италия)

М. В. Строганов, д. фил. н., проф. (Тверь — Москва)

А. И. Чагин, д. фил. н., проф. (Москва)

Элизабет Шорэ, д. фил. н., проф. (ФРГ, Фрайбург-им-Брайсгау)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — А. Н. Варламов, д. фил. н., проф.

Члены редакционной коллегии:

И. И. Большев, к. фил. н., доцент

С. А. Васильев, д. фил. н., проф.

И. А. Есаулов, д. фил. н., проф.

А. И. Зимин, д. ф. н., проф.

О. А. Казнина, д. фил. н., проф.

В. Г. Пантелеева, к. фил. н., доцент

Б. А. Леонов, д. фил. н., проф.

Л. М. Царева, к. экон. н., проф.

И. А. Шишкова, д. фил. н., проф.

Научный редактор — Е. Э. Юрчик, к. ист. н., доцент

Выпускающий редактор — Е. В. Дьячкова, к. п. н., доцент

Корректор — А. Г. Васильева

VESTNIK OF GORKY LITERARY INSTITUTE

EDITORIAL COUNCIL:

Chairman — S. F. Dmitrenko, Ph. D. (Philology), assistant professor

Members of the Council:

V. N. Anoshkina, Ph. D. (Philology), professor, Honoured Researcher of Russia
(Moscow)

Valentina Benigni, PhD (Philology), professor (Rome, Italy)

A. I. Chagin, Ph. D. (Philology), professor (Moscow)

Elisabeth Cheauré, Ph. D. (Philology), professor (BRD, Freiburg i. Br.)

Frank Göbler, Ph. D. (Philology), Univ.-prof. (BRD, Mainz)

V. P. Grebenyuk, Ph. D. (Philology), professor (Moscow)

M. N. Gromov, Ph. D. (Philosophy), professor (Moscow)

M. V. Ivanova, Ph. D. (Philology), professor (Moscow)

N. V. Kornienko, Ph. D. (Philology), corr. memb. of RAS (Moscow)

V. V. Lepakhin, Ph. D., professor (Hungary)

M. A. Maslin, Ph. D. (Philosophy), professor (Moscow)

A. V. Motorin, Ph. D. (Philology), professor (Novgorod)

Alessandro Niero, PhD (Philology), professor (Italy)

M. V. Stroganov, Ph. D. (Philology), professor (Tver — Moscow)

N. P. Vidmarovic, Ph. D. (Philology), professor (Croatia)

V. N. Zakharov, Ph. D. (Philology), professor (Moscow)

EDITORIAL BOARD:

Chief Editor — A. N. Varlamov, Ph. D. (Philology), professor

Members of the Board:

I. I. Bolychev, Candidate of Philology, associate professor

O. A. Kaznina, Ph. D. (Philology), professor

B. A. Leonov, Ph. D. (Philology), professor

V. G. Panteleeva, Candidate of Philology, associate professor

I. A. Shishkova, Ph. D. (Philology), professor

L. M. Tsareva, Ph. D. (Economics), professor

S. A. Vasyliiev, Ph. D. (Philology), professor

I. A. Yesaulov, Ph. D. (Philology), professor

A. I. Zimin, Ph. D. (Philosophy), professor

Scientific editor — E. E. Yurchik, Ph. D., associate professor

Managing editor — E. V. Dyachkova, Ph. D., associate professor

Proofreader — A. G. Vasileva

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Н. В. Корниенко.* Сталинградская битва: история и литература 6
- Г. Н. Воронцова.* «Чёрные дни гитлеровской армии»:
тема Сталинградской битвы в публицистике А. Н. Толстого 19
- Е. А. Папкова.* Сталинградские страницы дневника Всеволода Иванова . . . 26
- Е. В. Антонова.* Виктор Некрасов. «На краю света» — «Сталинград» —
«В окопах Сталинграда»: от первых рецензий до Сталинской премии. . . 32

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

- И. Н. Коржова.* Образ сражающегося сталинграда:
на материале центральных газет 1942–1943 гг. 41
- О. В. Осина.* Подвиг созидания:
восстановление Сталинграда после войны 49
- К. С. Дроздов.* Комиссия по истории Великой Отечественной
войны АН СССР: деятельность по документированию
Сталинградской битвы 54
- В. С. Христофоров.* Сталинградская битва в оценках участников
и очевидцев: по документам советской разведки и контрразведки 76
- Б. У. Серазетдинов.* Сталинградская битва.
Историография: проблемы в постсоветский период. 87

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

- С. Ф. Дмитренко.* Чернозёмный Гофман 103

ХРОНИКА

- «Самый спокойный из гениев русской литературы»:
Круглый стол, посвящённый 210-летию со дня рождения
И. А. Гончарова (*О. Ю. Саленко*) 110
- «Они сражались за Родину»: Круглый стол, посвящённый вопросам
изучения истории Сталинградской битвы и её отражений
в литературе и в искусстве (*А. С. Акимова*). 127

- SUMMARY 134

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LITERATURE

- Natalia V. Kornienko*. The battle of Stalingrad: history and literature. 6
Galina N. Vorontsova. The dark days of Hitler's army: The theme
of the Battle of Stalingrad in the journalism of A.N. Tolstoy. 19
Elena A. Papkova. Stalingrad pages of Vsevolod Ivanov's diary 26
Elena V. Antonova. Viktor Nekrasov. "On the edge of the earth" – "Stalingrad" –
"In the trenches of Stalingrad": From the first reviews to the Stalin Prize. . . . 32

SOCIAL SCIENCES

- Inessa N. Korzhova*. The image of the fighting Stalingrad (based
on the material of the central newspapers of 1942-1943). 41
Olga V. Osina. The feat of creation: the restoration of Stalingrad
after the war 49
Konstantin S. Drozdov. Commission on the history of the Great Patriotic
War of the USSR Academy of Sciences: activities for documenting
The battle of Stalingrad. 54
Vasily S. Khristoforov. The battle of Stalingrad in the assessments
of participants and eyewitnesses: according to the documents
of soviet intelligence and counter-intelligence 76
Boris Ur. Serazetdinov. The battle of Stalingrad: the historiography
of the problem in the post-Soviet period 87

FREE THOUGHTS

- Sergey F. Dmitrenko*. The black soil (Chernozem) Hoffmann. 103

CHRONICLE

- "The quietest genius of the Russian literature":
Round table dedicated to the 210th anniversary
of the birth Iv. Al. Goncharov (*Olga Yu. Salenko*) 110
"They fought for the Motherland": Round table (*Anna S. Akimova*). 127

- SUMMARY 134

Н. В. КОРНИЕНКО***СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА:
ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА**

Статья посвящена анализу важнейших дат исторической хроники Сталинградской битвы и их отражению в советской литературе этих лет: публицистике, стихах, прозе, эго-документах. Привлекается большой материал периодики, центральных газет, современных исторических исследований; особое внимание уделено произведениям, созданным в дни Сталинградской битвы и вошедшим в золотой фонд русской классики.

Ключевые слова: Сталинград, газета «Правда», литературная публицистика, лирика, «Василий Тёркин», «Они сражались за Родину».

Есть в истории нашей страны даты, которыми отмечены величайшие победы. Такой датой в истории Великой Отечественной войны и истории нашей литературы стало 2 февраля 1943 года — день победоносного завершения величайшего сражения, Сталинградской битвы. Как случилось, что 2 февраля не вошло в календарь красных дат нашей страны, об этом ниже.

Сначала из хроники, связанной с этой датой. 1 и 2 февраля 1943 г. все центральные газеты выйдут с самыми разными материалами о завершении Сталинградского сражения. В «Красной звезде» — блистательное философско-историческое эссе И. Эренбурга: «Сталинград — это слово с гордостью будут повторять все верные сыны России. В Сталинграде восторжествовала справедливость. В Сталинграде началось возмездие: поднявшие меч погибли от меча. Сталинград — это слово будет стоять в летописи России рядом с Чудским озером и с Куликовым полем. Город оправдал своё наименование, и правнуки, читая об эпопее Сталинграда, будут думать о мужестве и прозорливости человека, который привёл нашу армию к победе. Сталинград — это только начало. <...> Наступает Красная Армия. Наступает Россия»¹. В главной газете страны «Правда» 1 февраля вместе с принятыми сводками Совинформбюро за 31 января (с. 1)² печатаются писательские тексты. Это очерк прозаика Н. Вирты «На улицах Сталинграда», переданный по телеграфу из Сталинграда. Рассказ свидетеля об освобождённом городе,

¹ Эренбург И. Сталинград // Красная звезда. 1943. 2 февр. С. 4.

² Здесь и далее в подобных случаях, когда в тексте статьи указаны выходные данные цитируемого произведения, страницы газет даются в тексте статьи в круглых скобках.

над центральной частью которого «снова» развевается красное знамя и началась сдача в плен большой группировки фашистов: «Улицы Сталинграда снова заполнились фашистами, но уже безоружными, худыми, небритыми, одетыми в тряпьё. <...> Выходят из своих убежищ местные жители и плачут от счастья». Здесь же (с. 3) стихотворение А. Суркова «Песня гвардейская»:

Победно гремит канонада
И звонкая песня свинца
От славных твердынь Сталинграда
До снежного плёса Донца.

.....
В порывах январской метели
Мы путь пробивали штыком.
И Сталин в походной шинели
Идёт перед нашим полком.

Он в битву, по берегу Дона,
Идёт с пехотинцами в ряд.
Гвардейские наши знамёна
Огнём его славы горят.

3 февраля «Правда» выходит с шапкой: «2 февраля 1943 года войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окружённых в районе Сталинграда. Историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск» (с. 1). В этом же номере печатаются первые отклики зарубежной печати на ликвидацию Красной Армией немецко-фашистских войск под Сталинградом и в городе и захват в плен 16 генералов. О статусе Сталинградского сражения говорят сами заголовки сообщений (с. 4): «Величайшая победа в нынешней войне» (американская печать); «Под Сталинградом немцев постигла военная катастрофа гигантского масштаба» (английская печать), «Оборона Сталинграда — самая героическая глава в истории нашей эпохи». В этом же номере (с. 4) приводится заявление У. Черчилля с признанием, что успехи английской армии на Востоке — «всё это сейчас отодвинуто в сторону огромнейшими достижениями храбрых войск наших русских союзников под верховным командованием Сталина, великого полководца, имя которого будет жить в веках и будет самым любимым в истории русского народа. Вполне возможно, что поражение немцев под Сталинградом окажется решающим».

Зарубежные отклики также печатает газета «Известия». 5 февраля — сообщение шведской печати: «Сталинград будет вечно сиять, как памятник мужества русских» (с. 4). 6 февраля — поздравление американского президента Ф. Рузвельта: «Сто шестьдесят два дня эпической борьбы за город» (с. 1).

«В истории отечественной войны оборона Сталинграда займёт почётное место, и слава о Сталинграде будет жить в веках» — эти строки из

* Наталья Васильевна Корниенко — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ФГБУН Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); natalkornienko@yandex.ru

редакционной статьи «Герои Сталинграда» в газете «Литература и искусство» за 6 февраля 1943 г. (с. 1) звучали февраль 1943 г. как аксиома.

Последующие годовщины победы в Сталинградской битве отмечались ежегодно, начиная с 1944 г. и по февраль 1953 г. В юбилейных публикациях всегда подчёркивалась роль верховного главнокомандующего: «Мудрый сталинский гений привёл наш народ к исторической победе у стен Сталинграда»¹ и т. п. Практически во всех статьях и воспоминаниях цитировались слова Председателя Государственного комитета обороны И. В. Сталина о Сталинградской битве, сказанные им 6 ноября 1943 г. на торжественном собрании в честь 26-й годовщины Октябрьской революции: «Чтобы иметь представление о размерах того невиданного в истории побоища, которое разыгралось на полях Сталинграда, необходимо знать, что по окончании Сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147 тысяч 200 убитых немецких солдат и офицеров и 46 тысяч 700 убитых советских солдат и офицеров. Сталинград был закатом немецко-фашистских армий. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться»²...

Кажется, никто не только в нашей стране, но и в мире не сомневался в мировом значении этого исторического события и что этот «День нашей Родины» нужно помнить.

Вот только некоторые заголовки редакционных статей и публикаций в «Правде» 2 февраля в разные годы: 1946 — «Историческая победа у стен Сталинграда»; 1947 — «Великая победа у стен Сталинграда»; 1952 — «Немеркнущая слава Сталинграда», «Историческая победа советского народа. К девятой годовщине разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом»; 1953 — «Величие Сталинграда».

Со смертью Сталина начинается новая историческая эпоха, что ярко демонстрирует исчезновение 2 февраля из календаря памятных дат страны. Тема Сталинграда не упоминается в «Правде» (а за ней и в других изданиях) уже в 1954 г., а затем — в 1955, 1956, 1957 гг. В 1958 г. всё-таки необходимо было как-то вспомнить 15-летнюю годовщину Сталинградской битвы. 2 февраля «Правда» открывается редакционной статьёй «Настойчиво выполнять решения XX съезда КПСС» (одна из главных задач съезда — развенчание культа личности Сталина), и только на 3-й странице размещаются материалы, связанные с юбилеем.

В статье генерала армии И. Крылова «Историческая победа (К 15-летию разгрома фашистских войск под Сталинградом)» естественно нет вообще упоминания главнокомандующего и председателя ГКО Сталина, но отмечается выступление Н. С. Хрущёва, в 1942–1943 гг. члена Военного совета Сталинградского фронта, на митинге в Сталинграде 4 февраля 1943 г. Из краткой информационной справки «Торжественное заседание в Сталинграде» (с. 3) можно узнать, как и где отмечался 15-летний юбилей и что в Сталинград приехали командующий защищающей Сталинград 62-й армией В. И. Чуйков (по его завещанию похоронен на Мамаевом кургане, рядом с

¹ Галактионов М., генерал-майор. Историческая победа у стен Сталинграда // Правда. 1946. 2 февр. С. 2.

² Правда. 1943. 7 ноября. С. 1; Известия. 1943. 7 ноября. С. 1.

воинами своей армии, погибшими в Сталинградской битве) и командующий Сталинградским фронтом А. И. Ерёменко.

20-летие отмечать уже было проще, потому что с карты страны исчезло имя самого героического города — в 1961 г. в рамках программы десталинизации Сталинград был переименован в Волгоград. 2 февраля 1963 г. «Правда» открывалась редакционной шапкой: «Сегодня исполняется 20 лет завершения великой битвы на Волге»; в редакционной статье «Героизм народа» цитируется выступление Хрущёва «Уроки битвы на Волге», подчёркивается, что «это была победа наших доблестных Вооружённых сил», «организаторского таланта советских военачальников», а «не какой-то особый военный гений Сталина, как изображалось в период культа личности».

Статья министра обороны СССР маршала Р. Я. Малиновского «Великий подвиг» также начинается с цитирования выступления Н. С. Хрущёва. О «выдающейся роли» Хрущёва в дни этого сражения идёт речь и в других публикациях, а имя Сталинграда вообще исчезает, вместо него события 1942–1943 гг. именуется теперь как «битва на Волге». Порой эта замена приводила и вовсе к таким нелепым характеристикам событий военных лет, как «наступление на Волгоград» (?!). Несмотря на то что в мире именование «Сталинградской битвы» не менялось, рубрика с откликами в мировой печати называлась так: «Мы будем вечно благодарны героям Волгограда (Мировая общественность об исторической победе Советской Армии на Волге)» (с. 4).

Со смещением Хрущёва (1964) ситуация несколько изменяется. Теперь хотя бы под фотографиями 1943 г. не пишут «Бои в Волгограде», а в 1968 г., когда отмечается 25-летие исторического события, в публикации возвращается имя города («Сталинград») и само понятие Сталинградской битвы. В «Правде» 2 февраля: «Сегодня исполняется 25 лет со дня победоносного завершения Сталинградской эпопеи — великой битвы на Волге» (с. 1). Этот исторический разворот, правда, отчасти половинчатый, вернул тему Сталинградской битвы в поле исторических исследований, увековечения памяти героев Сталинградской битвы (открытие в 1967 г. в Волгограде на Мамаевом кургане мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы»), а также в литературу.

Оставим за рамками нашего рассмотрения то, как отмечалась в 1993 г. 50-летняя годовщина Сталинградской битвы; это уже принципиально новая историческая эпоха, с которой разворачивается масштабная кампания дегероизации Великой Отечественной войны и её главных сражений.

Этот краткий экскурс нужен нам, чтобы обозначить важнейшие вехи темы Сталинградской битвы в истории нашей литературы.

Историки выделяют в Сталинградской битве оборонительный период сражения за Сталинград (17 июля 1942 — до 18 ноября 1942 г.) и с 19 ноября — начало контрнаступления, которое привело к полному освобождению Сталинграда (2 февраля 1943 г.). Ноябрь 1942 г. принято считать началом второго периода войны, когда произошёл «коренной перелом в ходе Второй мировой войны, крушение наступательной стратегии фашистского блока» [4, 6].

В дни Сталинградской битвы отмечалось 25-летие Октябрьской революции. 18 ноября на юбилейной сессии Академии наук СССР, посвящённой этому событию, с докладом «Четверть века советской литературы» выступил

писатель и академик А. Н. Толстой. Три положения из не потерявшего значимости данного выступления хотелось бы особо акцентировать:

«И впервые, как колокол града Китежа, зазвучали в советской литературе слова: *святая Родина*»;

«...все устремления советской литературы — *подняться до уровня* моральной высоты и героических дел русского воюющего народа. Литература наших дней — подлинно народное и нужное всему народу высокое гуманитарное искусство»;

«Девятьсот советских писателей — романистов, драматургов, поэтов, очеркистов, журналистов — находятся в рядах Действующей армии, *среди воюющего советского народа*» [3, 11, 14, 39. Курсив наш. — Н. К.].

Если резюмировать смысл этих положений, то отчётливо обозначается особая позиция советского писателя и литературы в дни Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.: не перевоспитывать и воспитывать народ, как это рекомендовалась раньше «инженерам человеческих душ», а самим «подняться» до морального уровня сражающегося на поле боя солдата, что и диктует место писателя в дни войны — «*среди*» воюющего народа.

Страницы просмотренных нами только четырёх газет за июль 1942 — январь 1943 г. («Правда», «Красная звезда», «Известия», «Литература и искусство») представляют масштабную и яркую картину переплетения и переключек исторических документов (приказов, ежедневных сводок с отдельных фронтов, редакционных статей и др.) с литературными текстами: писательской публицистикой, стихами, песнями, очерками, рассказами, фельетонами. Весь июль и август 1942 г. сводки «От Советского информбюро» сообщают об обстановке на юге страны, складывающейся там трагической картине. В июле к событиям на юге — «на Дону», «ожесточённым боям на Дону», «в большой излучине Дона» — прикована вся страна.

Возьмём только две даты из летнего календаря 1942 г., когда после окружения сначала под Харьковом (май), затем под Миллеровом (июль) «рухнул» Юго-Западный фронт (12 июля Юго-Западный фронт переименовали в Сталинградский); в этой тяжелейшей ситуации, когда немцы вели контрнаступление на Сталинград и Кавказ, выстраивалась оборона на Дону и в его большой излучине [2, 4].

18 июля 1942 г. (газета «Правда»):

«От Советского информбюро. Утреннее сообщение» (с. 1): «Юго-восточнее Миллерово идут напряжённые бои. Наши войска, отходя под напором численно превосходящих сил противника, изматывают немцев на промежуточных рубежах и наносят им большой урон. На одном из участков наши танкисты и пехотинцы разгромили прорвавшуюся вперёд часть противника. Уничтожено 11 немецких танков и 1800 гитлеровцев. Наши артиллеристы и миномётчики обстреляли пехоту и танки противника, скопившиеся у переправы через реку. Сожжено и подбито 14 танков, истреблено до 600 немецких солдат и офицеров».

Редакционная статья «Бить врага наверняка» (с. 1): «На Дону развернулась ожесточённая битва. Враг, не считаясь ни с какими потерями, бросает на поле битвы всё новые и новые дивизии. <...> Наши мужественные пехотинцы, не знающие страха танкисты, бронебойщики, искусные артиллеристы, отважные лётчики проявляют в этих боях изумительную стойкость, храбрость, умение».

«От Советского информбюро. Вечернее сообщение» (с. 1): «Южнее Миллерово продолжаются ожесточённые атаки противника...»

На странице 2 печатается статья военных корреспондентов Я. Макаренко и М. Мержанова «Бои на юге», и на этой же странице — стихотворение Е. Долматовского «В трудные дни» с датировкой: «Юго-Западный фронт, 10 июля 1942 г.». Казалось бы, рассказ о тех же событиях — отступлении, прорыве обороны, оставленных сёлах, но говорится об этом даже точнее, чем в сводках, и по-другому. Стихотворение строится как доверительная беседа поэта и воина на передовой, беседа, в которой немыслима ложь или полуправда:

Да, друг, нам нечего скрывать,
 Что этот час нелёгок.
 Бои жестокие опять
 И бомбы на дорогах,
 И пыль на нежных листьях лоз,
 И женщина у хаты.
 В её глазах, как капля слёз,
 Немой вопрос: куда ты?
 И ты стоишь с лицом, как медь,
 И отвечать не в силе.
 Сурово, просто ей ответь:
 Да, здесь нас потеснили.
 Проклятый немец фронт прорвал
 И рвётся вновь к востоку,
 Идёт тяжёлый танков вал
 К прозрачных рек истоку.

 Оружье крепкое у нас
 И ярости немало.
 Нам надо выстоять сейчас —
 Отчизна приказала.

 Не раз уж наша правда зло
 В сраженьях разбивала.
 А то, что нынче тяжело,
 Так тяжелей бывало.

18 июля в «Красной звезде» (с. 3) публикуется стихотворение-лозунг К. Симонова «Убей его!». В поздних редакциях заглавие этого стихотворения давалось по первой строке («Если дорог тебе твой дом...»), «немца» заменили на «фашиста» и написание слова «Родина» с прописной — на строчную. Приведём лишь один фрагмент по первой публикации в «Красной звезде»:

Если ты не хочешь отдать
 Немцу с чёрным его ружьём
 Дом, где жил ты, жену и мать,
 Всё, что Родиной мы зовём,
 Знай — никто её не спасёт.
 Если ты её не спасёшь.
 Знай — никто его не убьёт,
 Если ты его не убьёшь.

И пока ты его не убил.
Ты молчи о своей любви —
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей Родиной не зови.

В июле немецкие самолёты бомбили родную станицу М. Шолохова, когда там был писатель. При бомбёжке Вёшенской 8 июля на глазах писателя погибла его мать; из письма от 15 июля : «...налетели немцы, первый раз — 4 самолёта, второй раз — 12, и сбросили около 100 фугасных и осколочных бомб, прочесали улицы из всех пулемётов, зажгли станицу и улетели. Во время второго налёта на моих глазах была убита моя мать. <...> Я лежал в траве около дома и видел, как немцы пикировали и сыпали бомбы, у меня ничего не было, кроме нагана. <...> У меня было тяжело на сердце, когда я лежал в этой проклятой траве, безоружный и бессильный хоть как-то обороняться от обнаглевших врагов. <...> 10-го прилетало их уже 16 штук» [5, 229]. Шолохов ещё не оправился от тяжелейшей контузии, полученной в феврале. 22 июня 1942 г. в «Правде» печатается его рассказ «Наука ненависти». В июле — писатель на Сталинградском фронте. Июлем датируются события в первых главах романа «Они сражались за Родину», который создаётся в эти трагические для страны и для писателя дни.

«Наша судьба, конечно, решается на юге», — запишет О. Берггольц в дневнике **18 июля** 1942 г. по прочтении очередной сводки Совинформбюро о «катастрофе» на юге: «Эти сводки — как пульс держишь у больного, любимейшего человека <...>. О, вытяни, выдержи, выстои, земля моя, моё войско, потому что я хочу жить, потому что ты сможешь жить, даже пролив столько крови» [1, 210].

Вторая дата из календаря «горького лета», «страшного лета 1942 года» [6, 47, 97] — это **28 июля** 1942 г. Этой датой отмечен приказ № 227 Наркома обороны СССР, вошедший в историю под названием «Ни шагу назад»:

«Враг бросает на фронт всё новые силы, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперёд, рвётся в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и сёла, насилует, грабит и убивает советское население. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге, хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории. Мы потеряли 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Надо в корне пресечь разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступить, что у нас много территории, что наша страна велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончать

отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв...»¹.

Приказ читался в частях действующей армии, но в открытой печати тогда не появился. При этом страна знала, о чём идёт речь в этом правдивом и суровом документе. Знала, в том числе, и из литературной публицистики. Уже **29 июля** в «Красной звезде» (с. 3) теме приказа № 227 посвящено эссе И. Эренбурга «Остановить»: «Боец Юга, стой, и ты остановишь немца. Стой, и от тебя отступит смерть! Товарищу скажи: “Стой!”. Другу скажи: “Не уйдём!”. Родине ответь: “Я здесь на посту”. Бей немца...» В «Правде» 29 июля (с. 2) — очерк прозаика В. Кожевникова «Кровь, пролитая тобой» и стихотворение-призыв А. Суркова «Песня гнева»:

Друг мой! Брат мой! Доколе
Нам терпеть поруганье?
.....
В грозном пушечном громе
Мерьте с недругом силы.
На донском чернозёме
Ройте немцам могилы.

30 июля в центральных газетах печатается Указ Президиума Верховного совета СССР «Об учреждении воинских орденов» Суворова, Кутузова и Александра Невского. В этот же день в «Известиях» об этом редакционная статья «Вдохновляющий образ наших великих предков» (с. 1) и статья А. Толстого «К подвигам, к славе» (с. 2):

«Отдают жизнь — за победу, жизнь за родину. Драгоценна жизнь красного воина, драгоценна его святая кровь. Затуманены скорбью прекрасные глаза её. Но эти жертвы священны и необходимы.

В эту войну наш взор часто обращается к истории нашего народа, — события, как будто забытые за давностью лет, выплывают из тумана веков, и ответ героической борьбы наших предков падает на них».

30 июля в «Красной звезде» (с. 3) печатаются глава «В окопах» из сталинградской повести В. Гроссмана «Народ бессмертен» и очерк П. Павленко «Александр Невский»...

3 августа «Правда» открывалась публицистическим изложением основного пафоса приказа № 227: «Остервенелый враг продолжает лезть в глубь нашей страны, сжигает наши города и сёла, убивает, угоняет в рабство тысячи советских людей. Воин Красной Армии! Всё будущее нашей страны, твоих детей властно требует от тебя: останови гитлеровского зверя, отведи разбойничью руку, занесённую над твоей отчизной!» (с. 1). На отдельной литературной странице с редакционным призывом «Защищать каждую пядь родной земли до последней капли крови» (с. 2) печатаются статья А. Толстого «Ни шагу назад!», рассказ А. Колосова «Алёнушка» и стихотворение И. Уткина «Клятва»:

¹ Приказ НКО СССР от 28.07.1942 № 227 [Электронный ресурс] // <https://ru.wikisource.org/wiki/>

Клянусь: назад ни шагу!
Скорей я мёртвый сам
На эту землю лягу,
Чем эту землю сдам!

Клянусь, мы будем квиты
С врагом... Даю обет,
Что кровью будут смыты
Следы его побед!

А если я нарушу
Ту клятву, что даю.
А если вдруг я струшу
Перед врагом в бою,

Суровой мерой мерьте
Позор моей вины!
Пусть покарает смертью
Меня закон войны!

Запись в блокадном дневнике О. Берггольц, сделанная **4 августа**, посвящена также приказу № 227: «Жестокий приказ — но правильный. Война требует большой крови. Иначе — нельзя. А по малости отдавать её — только переводить, — дистрофировать»; «Надо написать о сегодняшнем моменте — об отступлении нашем, о том, что нужно всё выдержать — в ОДИНОЧЕСТВЕ выдержать, без второго фронта, ведь они, буржуи, они ненавидят нас, — вот о чём надо писать, я знаю...» [1, 217].

Публицистические прозаические и стихотворные тексты, опубликованные в эти дни в центральных газетах, составляют и дополняют документальную историческую хронику Сталинградской битвы. В эти же летние дни 1942 г. создаются такие литературные шедевры, вошедшие в золотой фонд русской классики, которые вряд ли можно отнести к публицистическим текстам. Это рассказ-реквием «Одухотворённые люди» А. Платонова, стихотворение М. Исаковского «В прифронтовом лесу» и первые главы поэтического эпоса А. Твардовского «Василий Тёркин (Книга про бойца)». В каждом из этих текстов тема человека на войне обретает толстовскую психологическую глубину, высокую философичность и пронзительную лирическую интонацию. Это те базовые составляющие, что входят в понятие художественной правды, правды художественного образа.

Ольга Берггольц, пронзительный поэтический голос блокадного Ленинграда, так сформулирует отличие лирического текста от публицистического: «Я хотела бы написать несколько лирических песен-стихов, которые человек мог бы петь или бормотать один на один с собою, — ведь война идёт через сердце всё глубже» [1, 220; запись в дневнике от 20 августа 1942 г.].

В этом признании поэта по-своему выражена одна из важнейших — сокровенных по своему духовному статусу — тем «Войны и мира» Толстого. О ней в романе размышляет Пьер Безухов, проведя весь день — перед Бородинским сражением — среди «наших», солдат, офицеров и ополченцев: «Тот вопрос, который с Можайской горы и во весь этот день тревожил Пьера, теперь представился ему совершенно ясным и вполне разрешённым. Он понял

теперь весь смысл и всё значение этой войны и предстоящего сражения. Всё, что он видел в этот день, все значительные, строгие выражения лиц, которые он мельком видел, осветились для него новым светом. Он понял ту **скрытую** (*latente*), как говорится в физике, **теплоту патриотизма**, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти»¹.

Художественный опыт «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира» представлял, по точному определению А. Н. Толстого, ту «линию русской литературы», которая «протягивается прямо к Сталинграду, к тем героям Красной Армии, которым изумляется мир» [3, 7]. Эта толстовская линия по-разному представлена в прозе 1943 г. о Сталинградском сражении («Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Дни и ночи» К. Симонова), а затем — в повести в «Окопах Сталинграда» (1946) В. Некрасова, в романах «Жизнь и судьба» (1960) В. Гроссмана, «Солдатами не рождаются» (1964) К. Симонова, «Горячий снег» (1969) Ю. Бондарева.

Художественный опыт 1943 г. составляет особую, быть может, самую сильную страницу литературной летописи Сталинградского сражения.

Символично, что на самые тяжёлые дни Сталинградского сражения приходится юбилейная дата — 130-летие Бородинского сражения, о значении художественного опыта Толстого для понимания происходящего на фронтах Великой Отечественной пишут в сентябре 1942 г. все центральные издания. 7 сентября «Правда» выходит с редакционным лозунгом: «Сегодня 130 лет со дня Бородинского сражения. Бородино увенчало немеркнувшей славой оружие и боевые знамёна русской армии. Бойцы и командиры Красной Армии! Будьте достойны наших великих предков!»

Целая страница газеты посвящена этому событию в истории России: битва на Волге сравнивается с Бородинским сражением (редакционная статья «1812 — Бородинская битва — 1942»); даётся информация об открытии в Историческом музее выставки о Бородинском сражении; об «уроках истории» речь идёт в статьях военных корреспондентов, а также в стихотворении Сергея Васильева «Поле русской славы»: «Помни, что ты правнук и праправнук / Доблестных солдат Бородино» и др.

Как никогда более — за весь XX век! — именно в тяжёлом 1942 году пишут об особом значении не только для писателей, но и для всего народа романа «Война и мир» Л. Н. Толстого: «Рука бойца, не выпуская оружия, тянется к героическому рассказу об Отечественной войне 1812 года и находит его в эпопее Льва Толстого “Война и мир”. Никогда ещё гениальная книга Толстого не имела такого замечательного читателя, как в наши дни. Кто же, как не советские бойцы и командиры, могут оценить по достоинству мужественную правду, силу и народную мудрость того сказания о 1812 годе, которое сложил Лев Толстой»². К толстовскому образу «Бородинского побойща»³ восходит «Сталинградское побойще» в докладе Сталина 1943 г.

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1980. С. 218.

² Дурылин С. «Отечественная война 1812 года» (спектакль Малого театра) // Правда. 1942. 11 окт. С. 3. См. также: Шкловский В. Бородино в романе «Война и мир» // Литература и искусство. 1942. 12 сент. С. 2.

³ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. С. 229.

Используя определение Ольги Берггольц, можно сказать, что Исаковский в стихотворении «В прифронтовом лесу» соединил две темы «Войны и мира». Сначала превратил в «лирическую песню-стих» толстовскую тему «скрытой теплоты патриотизма», а затем от неё протянул нить к «грозной и величественной силе», что явлена в «дубине народной войны»¹. Лирический сюжет отдыха солдат перед грядущим боем, когда они слушают довоенную песню «Осенний вальс» и думают о сокровенном — о мире и доме («И каждый слушал и молчал / О чём-то дорогом»), о трудной дороге к дому — «через войну», сменяется в стихотворении толстовской картиной грядущего испытания солдата порогом смерти, которая обещает встречу с родным домом и любимой только в вечности, и народным взглядом на смерть: «А коль придётся в землю лечь, / Так это ж только раз». Вторая часть стихотворения переводит тему дороги к дому, на пути к которому стала война, в иную эмоциональную плоскость; она и ритмически организована по-другому, не лирической, а «походной песнью»:

Так что ж, друзья, коль наш черёд, —
 Так будет сталь крепка! —
 Пусть наше сердце не замрёт,
 Не задрожит рука;

 Настал черёд, пришла пора, —
 Идём, друзья, идём!
 За всё, чем жили мы вчера,
 За всё, что завтра ждём...

Стихотворение Исаковского печатается 21 сентября 1942 г. в газете «Правда» (с. 2).

Своеобразную линию соотношения языка документальной хроники Сталинградского сражения и поэтического образа представляет глава «Переправа» из поэмы «Василий Тёркин». Глава печаталась в разных изданиях, а 20 сентября 1942 г. — в газете «Правда» (с. 2). В кратких сводках Совинформбюро лета 1942 г. постоянно шли сообщения об ожесточённых боях вокруг переправы через Дон. Даже по опубликованным в газетах сводкам можно в целом представить, какими огромными жертвами оплачивалась будущая победа. Эти данные и сегодня уточняют историки, извлекая из архивов всё новые и новые документы. Реалистические детали переправы через реку (устойчивый архетипический сюжет в мировой культуре — переход от одного берега к другому, от жизни к смерти, от смерти к бессмертию, от реального к нереальному и т. п.) переплавляются Твардовским в ряд образов, которые воссоздают панорамную и одновременно почти экзистенциальную картину события: «Переправа, переправа! / Берег левый, берег правый... / Кому память, кому слава, / Кому тёмная вода, — / Ни приметы, ни следа...» Затем после большого плана даются портреты солдат, «этого стриженного народа», и эпизоды неудачной погибельной переправы («Люди тёплые, живые / Шли на дно, на дно, на дно...»); они вырастают до эпической картины большого плана, которую венчает тема «вечной памяти»: «Из Рязани, из Казани / Из Сибири, из Москвы / Спят бойцы. Своё сказали / И уже — навек правы». Появившийся в этой картине гибели солдат на

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1981. С. 131.

переправе «живой» Василий Тёркин переключает трагическую картину в почти бытовую картинку спасения героя с весёлыми разговорами и диалогами («Дали стопку — начал жить...»), а финальные строки главы — «Бой идёт святой и правый, / Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле» — символизируют победу жизни над смертью.

Позже в статье, посвящённой истории создания поэмы, Твардовский скажет: «...глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первого дня отличила её от каких бы то ни было иных войн и тем более военных кампаний»¹.

В отличие от периодизации Сталинградской битвы, принятой историками, Шолохов в главах из романа «Они сражались за Родину» предложил вести историю «Сталинградского побоища» не с июля, а с мая 1942 г., с неудачного освобождения Харькова, результатом чего стало окружение и гибель частей Красной Армии. Первые главы рождались практически сразу — по горячим следам событий на Дону лета 1942 г. В письме от 31 января 1943 г. Шолохов сообщает, что «после ремонта» (госпиталя) работает («пишу»): «... собираюсь ехать вслед за фронтом по донской земле. <...> Много пришлось повидать мне порушенных мест, но, когда это — родина, во сто крат больнее. Прошлогодня история свалилась, как дурной сон, и как-то до сих пор мысль не мирится с тем, что война отгремела на Дону» [5, 233].

С 5 мая 1943 г., когда битва за Сталинград была уже победно завершена, в «Правде» (с. 3) начинают печататься главы романа «Они сражались за Родину», посвящённые июльскому «отступу» 1942 г., когда до победы было слишком далеко. Хроника этих горьких месяцев войны предстаёт в романе в воспоминаниях героев «разбитого полка» и в описываемых событиях июля-августа 1942 г.: «начало этого большого отступления», «неудачное Харьковское наступление» лета 1942 г.; «идут от Харькова»; «тяжёлые дни зимних боёв на харьковском направлении», «выход из полуокружения»; «скоро уже Дон, а потом Сталинград»; «фронт наш прорван на широком участке», «уходят в отступ»; «горькое отступление», «немец уже миновал... на Волгу рвётся. А там Сталинград»... Словно с военных карт и из сводок Совинформбюро списана топонимика глав романа: хутор Сухой Ильмень (Сталинградская область) — станица Клетская — Россось (Воронежская область) — хутор Подъёмский — город Серафимович...

Предложенную в главах романа периодизацию Шолохов закрепит затем и в биографии главного героя рассказа «Судьба человека» Андрея Соколова, который попадает в плен под Лозовеньками (топоним Харьковской области, отмечен в современных исторических исследованиях Великой Отечественной войны).

В романе Юрия Бондарева «Горячий снег» (1969) о «Харьковской катастрофе» мая 1942 года вспомнит санинструктор Зоя: «...тогда под Харьковом пришлось оставить раненых. Я помню, как они кричали...»². Так, можно сказать, в русской литературе выстраивалась своя внутренняя периодизация исторических событий 1942 года.

¹ Твардовский А. Как был написан «Василий Тёркин» (Ответ читателям) // Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1966. С. 386.

² Бондарев Ю. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1984. С. 424.

Мы остановились лишь на некоторых сюжетах из истории Сталинградской битвы, как она отразилась в исторической хронике и литературных текстах июля 1942 — начала 1943 года.

1943 год обозначил коренной перелом не только в ходе войны, но и в литературном процессе.

Но это уже другая тема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 3: 1941–1974. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 840 с.
2. *Исаев А.* Сталинград. Трудное начало // *Родина*. 2013. № 1. С. 5–14.
3. *Толстой А. Н.*, акад. Четверть века советской литературы. М.: Советский писатель, 1943. 39 с.
4. *Христофоров В. С.* Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2008. 240 с.
5. *Шолохов М. А.* Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 480 с.
6. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга пятая и шестая. М.: Советский писатель, 1966. 750 с.

REFERENCES

1. *Berggolts O. F.* Moj dnevnik. T. 3: 1941–1974 [My diary. Vol. 3: 1941–1974] Moscow: Kuchkovo pole Muzeon Publ., 2020. 840 p.
2. *Isaev A.* Stalingrad. Trudnoe nachalo [Stalingrad. A difficult beginning] // *Rodina*. 2013. № 1. Pp. 5–14.
3. *Tolstoj A. N.*, akad. Chetvert veka sovetskoj literatury [A quarter of a century of Soviet literature] Moscow.: Sovetskij pisatel' Publ., 1943. 39 p.
4. *Khristoforov V. S.* Stalingrad: Organy NKVD nakanune i v dni srazheniya. [NKVD organs on the eve and in the days of battle]. Moscow: ОАО «Moskovskie uchebniki i KartolitografiYA», 2008. 240 p.
5. *Sholokhov M. A.* Pis'ma [Letters] Moscow: IMLI RAN, 2003. 480 p.
6. *Ehrenburg I.* Lyudi, gody, zhizn'. Kniga pyataya i shestaya [People, years, life. Book five and six]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1966. 750 p.

© Н. В. Корниенко

УДК: 821.161.1

DOI 10.24412/2408-9451-2023-1-19-25

Г. Н. ВОРОНЦОВА*

**«ЧЁРНЫЕ ДНИ ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ»:
Тема Сталинградской битвы
в публицистике А. Н. Толстого**

В статье представлен аналитический обзор статей А. Н. Толстого, написанных в период Сталинградской битвы: «К подвигам, к славе!», «Ни шагу назад!», «Русский и немец», «Чёрные дни гитлеровской армии». Особое внимание уделено гражданской позиции писателя в годы Великой Отечественной войны, а также жанровым особенностям произведений, которые стали неотъемлемой частью публицистической летописи военных лет.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, Великая Отечественная война, Сталинградская битва, публицистические статьи.

С лета 1942 г. внимание всех, кто писал о положении на фронтах Великой Отечественной войны, было приковано к событиям на юге страны. Статьи Алексея Николаевича Толстого, написанные в период с 17 июля 1942 г. по конец января 1943 г., тоже так или иначе были связаны со Сталинградской битвой и могут быть восприняты в качестве её информационного сопровождения.

К теме Сталинградской битвы писатель впервые обратился в статье «К подвигам, к славе!», которая была опубликована в газете «Известия» 30 июля 1942 г. в связи с учреждением новых боевых орденов — Александра Невского, А. В. Суворова и М. И. Кутузова. Её название в какой-то степени восходит к первым строкам стихотворения А. А. Блока «О доблестях, о подвигах, о славе / Я забывал на горестной земле». Толстой писал: «Мы слышали и навсегда запомнили, как в Севастополе красноармейцы и моряки с гранатами в руках и за пазухой кидались под гусеницы танков. Сейчас на Южном фронте отмечается уже много подобных проявлений ярости к врагу, когда всё поле до горизонта дымится горящими фашистскими танками и в атаку мчатся новые и новые, и те из наших бронейщиков, у кого остались

* Галина Николаевна Воронцова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей литературы и литературы русского зарубежья ФГБНУ Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); Voroncova.96@mail.ru

только гранаты в руках, отдают свою жизнь за гибель вражеского танка с пятью ненавистными врагами»¹.

Речь в статье шла о боях в районах городов Воронежа и Батайска, станиц Цимлянская и Клетская, которая находилась в ста километрах от Сталинграда.

Публицистика Толстого периода Великой Отечественной войны буквально пронизана образами русской истории. Так, в статье «Родина», одной из самых популярных, написанной тревожной осенью 1941 года, писатель определял доминанту истории России как общенародную борьбу за укрепление силы и независимости государства и видел в войне советского народа продолжение дела «оттич и дедич». Основополагающий вектор отечественной истории он прокладывал через «красные щиты Игоря в половецких степях», «стоны русских на Калке», «установленные над хоругвями Дмитрия мужицкие копы на Куликовом поле», через «кровью залитый лёд Чудского озера», время «Грозного царя», «раздвинувшего единые, отныне нерушимые пределы земли от Сибири до Варяжского моря», и, наконец, через эпоху «медного всадника», «поднявшего коня на берегу Невы, указывая путь в великое будущее...»².

Учреждение новых боевых орденов позволило Толстому обратиться к более близкому периоду, концу XVIII — началу XIX века. Из трёх военачальников — Александра Невского, Суворова и Кутузова — он особо выделил фигуру Александра Васильевича Суворова, одержавшего когда-то на Волге победу над армией Емельяна Пугачёва, пленившего народного героя и сопроводившего его, посаженного в клетку, из Уральска в Симбирск. Однако всё это, видимо, отошло на второй план в свете других побед полководца, которые должны были стать примером для сражающегося народа.

В статье «К подвигам, к славе!» Толстой писал: «В конце XVIII века, когда замечательные и блестящие русские люди укрепляли величие государства, русский солдат был призван к трудным подвигам. И он нашёл своего великого полководца. Даже Александр Македонский, Юлий Цезарь и Наполеон бывали биты, — Суворов не проиграл ни одного сражения. Он любил своего солдата, понимал его простое и скромное величие, его гордость званием русского <...> Суворов сам был первым солдатом. Его гений был гением русского народа»³.

Трудно определённо сказать, кого имел в виду Толстой, когда писал о «блестящих русских людях» конца XVIII века, которые «укрепляли величие государства». При этом на ум невольно приходят имена Екатерины II и представителей когорты её сподвижников, которые ещё совсем недавно в подобном контексте упомянуть было невозможно.

Следующая статья писателя была напечатана в газете «Правда» 3 августа 1942 г. и называлась «Ни шагу назад!» Возникает вопрос, что первично: статья Толстого с характерным названием или просторечное название известного приказа, в связи с которым она и была написана.

Приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении отхода с боевых позиций», ставший следствием резкого обострения стратегической обстановки на юге страны, отступления к Волге и Северному Кавказу, был зачитан личному составу Красной Армии 28 июля

¹ Известия. 1942. 30 июля. С. 2.

² Правда. 1941. 7 ноября. С. 4

³ Известия. 1942. 30 июля. С. 2.

1942 г. Опубликован он был лишь в 1988 г. на страницах «Военно-исторического журнала» (№ 8).

Статья Толстого, как нам представляется, написана по следам содержания этого документа. Так, в приказе отмечалось: «Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жёны, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик»¹.

Толстой в свою очередь писал: «Верховное германское командование торопится упредить неизбежные, страшные ему события. Оно пытается захватить как можно больше советской земли и воспользоваться не им посеянным хлебом на Дону и Кубани и этим ещё раз подхлестнуть настроение у себя в тылу и на фронте <...> Германское командование намеревается вырваться к богатейшим районам нашей страны, к хлебу и нефти»².

В приказе: «...надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог»³.

У Толстого: «Больше нельзя оглядываться на наши необъятные просторы и думать, что у нас ещё очень много земли, куда можно попятиться, собираясь с силами. Силы собраны, взор во взор — пусть немец опустит глаза, в которых ужасом мелькнёт тень смерти. Немцев должно остановить. Перед силой русского оружия упадут фашистские знамёна»⁴.

Генерал армии П. Н. Лашенко в статье «Продиктован суровой необходимостью», сопровождавшей публикацию Приказа № 227 в «Военно-историческом журнале», писал: «Приказ этот появился не вдруг, он вызревал, он, в конце концов, оказался ответом на ход войны. А ход войны в тот момент катился к трагедии <...> в сорок втором году мы восприняли приказ 227 как управу на паникёров и шкурников, маловеров и тех, для кого собственная жизнь дороже судьбы своего народа, своих родных и близких, пославших их на фронт» [1, 76].

Безусловно, в статье «Ни шагу назад!» писатель обращался прежде всего к бойцам, сражавшимся на юге страны. Вернувшись в Москву из эвакуации, он пристально следил за продвижением немецких войск к Волге и делился своими наблюдениями с близкими друзьями, в том числе с находившимися на фронте.

Драматургу Петру Леонтьевичу Петрову-Соколовскому, комиссару 528-го стрелкового полка 130-й стрелковой дивизии 1-й ударной армии, Толстой

¹ Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73.

² Правда. 1942. 3 августа. С. 2.

³ Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 74.

⁴ Правда. 1942. 3 августа. С. 2.

писал в конце августа 1942 г.: «Августовские бои очень показательны, хотя ещё рано говорить о переломе, но тенденция истощения от перенапряжения сил у немцев уже наметилась. Это такой процесс, который поправить нельзя. Он может только ухудшаться. Он может давать вспышки подъёма, но вслед за каждой такой вспышкой последует ещё более заметное ухудшение. Вся наша задача сейчас — в стойкости, упорстве сопротивления, это основная тактика теперешнего периода войны. Ты видел когда-нибудь бокс? Противник взял инициативу и бешено наступает, стараясь ошеломить и дезорганизовать своего партнёра. Противник не щадит своей морды и сердца, вместо лица у него сплошной кровавый бифштекс, где не разберёшь, где нос, где рот, глаза заплыли, весь он в кровище. Вот тогда его партнёр, которого он загоняет в угол, должен быть всё хладнокровнее, всё упорнее, всё расчётливее... И победа будет за ним. Я видел такой бокс в Лондоне... Бешено наступающий противник — публика ему кричит в восторге: “Ну-ка, Билл, наддай, ударь ещё, ну-ка посильней!” — вдруг получил от партнёра двойной удар в сердце и в челюсть, пошатнулся и упал замертво... Так будет и с немцем»¹, — что, собственно, и произошло в Сталинграде.

Были ли у писателя основания на тот момент делать такие прогнозы? Кажется, что да, так как именно в августе был сорван план немцев стремительно, с ходу прорваться к Сталинграду. За три недели войскам Вермахта удалось продвинуться вперёд лишь на 6080 километров, что потребовало корректировки первоначальных военных планов Германии.

Вместе с тем 23 августа и в последующие дни город был подвергнут чудовищной бомбардировке, в результате которой более половины жилого фонда довоенного Сталинграда было полностью уничтожено.

Ещё одна статья Толстого, на которую хотелось бы обратить внимание, была напечатана 5 ноября 1942 г. в газете «Красная звезда» накануне 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и за две недели до операции Красной Армии «Уран», целью которой было окружение 6-й армии Паулюса. Называлась она «Русский и немец».

То, что Сталинградская битва по времени совпала с четвертьвековым юбилеем революции, придавало ей дополнительную политическую остроту. Практически ни одно публичное выступление не обходилось без обращения к этому событию. Вот почему свой доклад «Четверть века советской литературы», прочитанный 18 ноября 1942 г. в Свердловске на юбилейной сессии Академии наук СССР, Толстой начал с характеристики современной войны: «В нынешней войне, особенной и небывалой, человечество потрясено в основах бытия, и народные массы призваны к повышенному волевому и моральному состоянию. Нынешняя война — это война моторов. Это так, но это не полное определение: моторов и силы преодоления страданий, нравственной силы. В этой войне не счастье, не случай и не только талант полководца принесут победу; победит та сторона, у которой больше моторов и твёрже нравственный дух народа»².

¹ О друзьях-товарищах. Сборник воспоминаний бойцов и командиров 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии. М.: Московский рабочий, 1975. С. 48–49.

² Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М.: Худож. лит., 1986. С. 375.

Саму же Сталинградскую битву, её участников, бойцов Красной Армии, писатель связал с целым рядом героев русской классической литературы: «С позиций сегодняшнего дня мы окидываем путь, пройденный классической и советской литературой. Достоевский говорил о русских писателях, что все мы вышли из гоголевской “Шинели”. Но так ли это? Наряду с галереей “униженных и оскорблённых”, наряду со сладкой российской бездеятельной тоской, с монстрами города Глупова, — проходят образы простых, отважных, честных русских патриотов — Гринёвы, Тушины, Денисовы, герои “Севастопольских рассказов”, “Войны и мира”. Эта линия русской литературы протягивается прямо к Сталинграду, к тем героям Красной Армии, которым изумляется мир»¹.

Но вернёмся к статье «Русский и немец», которая, на наш взгляд, стала своего рода ответом на статью Й. Геббельса *Die sogenannte russische Seele* («О так называемой русской душе»), опубликованной в самом начале Сталинградской битвы, 19 июля 1942 г., в еженедельнике *Das Reich* («Империя»). Пафос последней сводился к очевидному раздражению автора разговорами «о так называемой русской душе», которую необходимо тщательно изучить, чтобы разгадать её «тайны», к утверждению того, что Вермахт сражается с силой мирового масштаба, которая угрожает немецкой нации, и к уверенности в победе высшей расы над низшей.

Что же противопоставлял Толстой Геббельсу? По сути, писатель отвечал на вопрос: «...почему русский солдат с сердцем, переполненным любовью к Родине, бьётся под Сталинградом, а немецкие дивизии тонут в своей крови и не могут пройти»².

Начав с противопоставления приземлённой философии современного немца и силы духа русского (советского) солдата, он писал о последнем: «Русский солдат был тот самый солдат, кто десять веков отважно оборонял отечество ото всяких иноземных полчищ, напиравших с востока и запада. Готовясь к бою, он всегда, по русскому обычаю, надевал чистую рубаху, чтобы в смертном деле быть чистым и душой и телом. Суворов завещал солдату своё сердце и славу. В отечественную войну он по колена в крови недвижимо стоял на дымном бородинском поле. Через столетие <...> он под красным знаменем в зимнюю вьюгу, примерзая босыми ногами к стремянам, с презрением атаковывал саму смерть, потому что дороже жизни была ему справедливость, свобода и родина»³.

Закончил статью Толстой тем же тезисом, с которого начал потом свой доклад, посвящённый 25-летию советской литературы: «Нынешняя мировая война есть война моторов. Но победит тот, у кого больше моторов и твёрже нравственный дух народа», — и добавлял: «Страдать деятельно можно только во имя высокой задачи, бесцельное страдание — разрушительно <...> На допросе пленный немец сказал: “Мы защищаем родину”. Какую чёртову родину он защищает? Безумие, честолюбие Гитлера, лопающийся от золота кошелёк Геринга, акции германских промышленников, да ещё — свою возможность улизнуть от суда за все уголовные преступления фашистской армии»⁴.

¹ Там же. С. 376.

² Красная звезда. 1942. 5 ноября. С. 2.

³ Там же.

⁴ Там же.

Здесь же писатель сформулировал понятие «родина» для русского солдата. Это и «надежда», и «путь в будущее», и «утешительница», и «слава». Но прежде всего «тот тихий свет воспоминаний, от которых сладко сжимается сердце»¹.

Апогеем темы Сталинградской битвы в публицистике Толстого стала статья «Чёрные дни гитлеровской армии», опубликованная 28 января 1943 г. в газете «Известия», за три дня до сдачи в плен генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса. Однако судьба Сталинграда к тому времени была уже решена.

Начинал писатель с цитаты из западных средств массовой информации: «...На Восточном фронте происходит самое ожесточённое сражение этой войны, — одновременно оно является самым великим сражением в истории... Нажим русских войск поистине страшен по своей силе... Русские сражаются с необычайной яростью... Положение на фронте весьма серьёзно...»².

Кратко упомянув в статье о том, как разворачивались события (а из текста видно, что Толстой знал чуть больше того, о чём сообщалось в газетах), он писал и о собственном понимании значения исхода Сталинградской битвы, опираясь в том числе на свой опыт военного корреспондента Первой мировой войны: «...битва, какую не знала мировая история, — “Красный Верден”, как её назвали немцы. Но Верден был механической мясорубкой, немецкие и французские дивизии по очереди проходили через его огненный котёл, сменяясь через несколько дней. Верден поглотил не один десяток дивизий, но не повлиял на исход войны ни в ту, ни в другую сторону. Здесь, под Сталинградом, сцепились тело к телу два противника — русский и немец, решая судьбу мировой войны, судьбу свободы и счастья человечества, в последнем счёте. В великой битве под Сталинградом немцы воочию увидели преобладание русского духа и русского оружия»³.

Таким образом, в публицистических статьях А. Н. Толстого периода Сталинградской битвы (19 июля 1942 г. — 2 февраля 1943 г.) нашла отражение гражданская позиция писателя, неоднократно озвученная им как до, так и после указанного события, — твёрдая уверенность в победе советского народа над фашизмом, Советского Союза над фашистской Германией.

В дни Сталинградской битвы, её заключительных аккордов, 10 января 1943 г., Алексей Толстой отмечал своё 60-летие. 13 января в Московском клубе писателей состоялось его чествование. В кратком ответном слове юбиляр поблагодарил собравшихся за внимание и сказал: «Дожил я до шестидесяти лет. В мирные времена тут-то бы и начать писать мемуары и сажать розы. Но другая сила зовёт нас под старость снова в шумный, грозный водоворот жизни. Все силы отдать нашему народу в его борьбе с фашизмом и после победы все силы отдать для реконструкции нашего Отечества — вот что лишает нас всякого права ощущать свою старость. Наша молодость — в любви и преданности нашему народу, который выполняет великую историческую миссию спасения человечества и гуманитарной культуры от неслыханной опасности...»⁴.

¹ Там же.

² Известия. 1943. 28 января. С. 3.

³ Там же.

⁴ Литература и искусство. 1943. 16 января. С. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лащев П. Н.* Продиктован суровой необходимостью // Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 76–78.

REFERENCES

1. *Lashchev P. N.* Prodiptovan surovoy neobkhodimost'yu [Dictated by severe necessity] // *Voенno-istoricheskiy zhurnal* [*Military History Magazine*]. 1988. № 8. S. 76–78.

© Г. Н. Воронцова

УДК: 821. 161. 1

DOI 10.24412/2408-9451-2023-1-26-31

Е. А. ПАПКОВА*

СТАЛИНГРАДСКИЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

В статье рассматриваются дневниковые записи писателя и военного корреспондента Всеволода Иванова, сделанные в конце 1942 — начале 1943 г. и посвящённые обороне Сталинграда и победе в Сталинградской битве. Отмечено, что информация о происходящем на фронте рассматривается Ивановым в контексте его понимания международных отношений, прежде всего с союзниками, и внутренней политики в стране. Содержание и стиль записей дневника писателя сопоставлены с его военными статьями данного периода. Сделан вывод о том, что приведённые Ивановым факты и отмеченные детали делают более объёмной картину великого сражения.

Ключевые слова: Сталинградская битва, дневник Всеволода Иванова, газетные статьи, международные отношения, внутренняя политика.

26 октября 1942 г. писатель Всеволод Иванов вернулся из ташкентской эвакуации в Москву. К этому моменту Великой Отечественной войны он являлся военным корреспондентом газет «Красная звезда» (с 25 июня 1941 г.) и «Известия» (с 27 июня 1941 г.). В этих изданиях в течение 1941 года регулярно появлялись статьи писателя «Патриоты Родины», «Мысли народа», «Рассказ политрука Веремея», «Фашизм — враг славянства» и др. С конца 1942 по май 1943 г. Иванов находился в столице, жил, как и некоторые другие писатели (В. Василевская, Л. Сейфуллина, И. Андроников и др.), в гостинице «Москва» (9-й этаж, № 21). Только весной 1943 г. ему удалось уехать на фронт, на Орловско-Курскую дугу.

Всё время до поездки на фронт Иванов ведёт дневник, записи в котором посвящены более всего анализу фронтовых сводок. Их он слышит по радио, читает в газетах, узнаёт от приехавших в тыл партизан, у которых берёт интервью, от знакомых писателей. С этих новостей обычно начинается дневниковая запись, затем следует краткий рассказ о том, какие статью или рассказ написал, с кем встречался и разговаривал. Как правило, информация о происходящем на фронте рассматривается Ивановым в контексте его понимания международных отношений, прежде всего с союзниками, и внутренней политики страны.

* Елена Алексеевна Папкина — доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБУН Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); elena.iv@bk.ru

Короткие записи о Сталинграде появляются ещё в ташкентском дневнике.

17 сентября 1942 г.: «Бои на окраинах Сталинграда. Волга?!»¹ (136).

18 сентября: «Немцы ворвались в Сталинград, но были выбиты» (137).

20 сентября: «...Комиссар <...> сказал, что от падения Сталинграда зависит позиция Японии и Турции, которые выжидают, чтобы вцепиться» (139).

Продолжаются сталинградские страницы в Москве, где Иванов в ноябре-декабре ведёт переговоры о поездке на фронт, в том числе и на Сталинградский, с историком И. Минцем, возглавлявшим комиссию АН СССР по истории Великой Отечественной войны.

10 декабря: «...И. Минц — в сапогах, лысый, весёлый и такой оптимистический, что даже непонятно — откуда? Всё хорошо — немцев окружили и раздавили у Сталинграда, скоро (намёки!) союзники изменят позицию и, развязавшись в Африке, — должны будут развивать свои действия и высаживаться в Италии или на Балканах. <...> Мы договорились с ним, что я напишу для “Энциклопедии героев Отечественной войны” биографию какого-нибудь героя, а равно и историю какой-нибудь дивизии, а равно и съезжу с ним на фронт» (217).

12 декабря: «Позвонил ночью Минц и предложил поехать в Латышскую дивизию под Сталинград. Я обещал дать ответ в понедельник. Наверное, поеду» (219).

На фоне рассуждений Минца «сталинградские» записи Иванова выглядят странно короткими. Отчасти он сам объясняет это в дневнике.

1 января 1943 г.: «...Радость и вместе с тем опасения — а вдруг сорвется — по поводу окружения немцев под Сталинградом» (234).

Отметим, что язык и стиль дневниковых записей Иванова до определённого момента существенно отличаются от стиля его собственных статей о Сталинграде, более многословного и приподнятого. Читаем в статье «Русское поле», которая была напечатана 16 января 1943 г. в «Известиях» и посвящена командиру эскадрильи штурмовиков лейтенанту Гавриилу Ивановичу Игнашкину, совершавшему артиллерийские обстрелы военной техники противника под Сталинградом в конце 1942 г.: «У него не было ни одного случая, чтобы он не выполнил боевого задания. Игнашкин сделал девяносто семь удачных боевых вылетов. Если вы попытаете помножить эти девяносто семь боевых вылетов на количество уничтоженных танков и самолётов противника, то получится цифра, которая вполне определяет силу ненависти, наполняющей лейтенанта Игнашкина»². Сравним запись в дневнике:

17 января: «Великая радость: добивают две немецкие дивизии под Сталинградом. Пожалуй, это первая — бесспорная — победа над немцами за всё время войны, исключая, ясно, поражения их под Москвой. Однако очереди говорят не о победе, а о том, что “ничего не объявляют” по карточкам» (243).

Дневник Иванова, передавая хронику событий под Сталинградом, раскрывает некоторые подробности работы военных корреспондентов и журналистов. Иванов записывает:

¹ *Иванов Вс.* Дневники / Под ред. А. М. Ушакова. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. Страницы указаны в тексте статьи в скобках.

² *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1978. С. 123.

25–26 января 1943 г.: «Написал статью с цитатой из Э<дгара> По. В два часа ночи приехала Войтинская — надо вставку о том, что 22 дивизии у Сталинграда добились. Написал, передал по телефону» (249).

Речь идёт о статье «Они пишут завещание», опубликованной в газете «Известия» 27 января 1943 г. Новости о происходящих под Сталинградом событиях, переданные Ольгой Сергеевной Войтинской — в это время заведующей Отделом искусств газеты «Известия», — отразились в следующих словах статьи писателя: «Это оно, наше русское оружие, окружило, искромсало и превратило в прах двадцать две немецких дивизии, зажатые в кольцо под Сталинградом»¹.

Запись от 1 февраля содержит сообщение о победе:

«...Сегодня — удивительное сообщение о полной ликвидации немецкой группировки под Сталинградом. Взяли фельдмаршала и 15 генералов. Конечно, для нас это замечательно».

Рядом с радостным известием — не слишком весёлые размышления о военной политике союзных стран: США, Англии и Франции:

«Союзники уже нас ненавидят и боятся. В сводке “Информбюро” сообщение, что журналисты французский и американский сообщают, что немцы перебросили на запад 50 дивизий. Оттого-то, мол, и побеждают русские и оттого-то, мол, и мы не выступаем. Мы огрызнулись, выразив недоумение по поводу выступления наших союзников» (252).

Опыт осмысления темы военных союзников России Иванов уже имел в 1919 г., когда наблюдал политику союзников и предательство ими Российского Правительства адмирала А. В. Колчака, отражённые им в пьесе и сценарии «Бронепоезд 14-69» (1927, 1963) [2, 230–249]. Так что для него двойственная позиция союзников новой не являлась. Незадолго до победы в Сталинградской битве, в ноябре 1942 г., Иванов иронически комментировал открытие союзниками второго фронта:

11 ноября 1942 г.: «Тема для карикатуры. Человек стоит перед московскими афишами, на которых всюду напечатано: “А. Корнейчук. Фронт” и говорят: “Они не могут открыть второго, а мы сразу открыли четыре”».

У газет много людей. Читают через плечи друг друга — всё об Африке. Всюду повеселевшие лица» (191).

Имеется в виду высадка союзных войск во французской Северной Африке, Марокко и Алжире, где располагался ограниченный контингент германских войск.

Столь же ироническое замечание Иванова находим в записи от 9 марта 1943 г. Комментируя выступление американского посла в СССР о том, что «советские газеты не публикуют сведений об американской помощи», Иванов пишет:

«Скандал! Что это? Мы вели переговоры о сепаратном мире? Или Америка хочет выскочить вперёд? <...> Так как нас бьют, то отношения наши с союзниками должны улучшиться, а равно и прекратится печатание в газетах той оскомины, которая вызывается “дружбой народов”... <...> Опять воскреснет русский народ» (285).

¹ Известия. 1943. 27 янв. С. 4.

Замечание писателя насчёт «воскрешения русского народа» отражает реальную ситуацию в периодической печати, причём не только западной, но и советской:

«Когда немцы нас бьют, они кричат, что бьют русских, потому что бить советских не так лестно. Когда немцев бьют наши, они кричат, что их бьют советские, так как это и страшно, и необычайно. — Мы, кажется, поступаем вроде них. Когда нас бьют, мы кричим, что гибнет Россия и что мы, русские, не дадим ей погибнуть. Когда мы бьём, мы кричим, что побеждают советцы...» (258).

Известно, что именно после перелома в Великой Отечественной войне, наступившего после победы под Сталинградом, опора в идеологии на русскую историю, на исторические корни Советской страны, «славянство» в целом, о которых много писали в 1941 г., постепенно сошла на нет. Об этом Иванов напишет позднее в незавершённом фантастическом рассказе «Генералиссимус» (1956–1963): «Газеты, подшивку из военного клуба, он просмотрел и за весь прошлый год. Слово “русский”, которым так щеголяли в начале войны, стало исчезать со страниц газет... <...> Война заканчивалась победоносно, <...> слово “русский” упоминалось всё реже и реже» [1, 650–651].

Записи, сделанные в дневнике в последующие после 1 февраля несколько дней, полны осознания значимости победы, передают разнообразные чувства не только самого Иванова, но и его товарищей по писательскому делу, москвичей, солдат на фронте. Отметим, что текст дневниковых записей и написанных в это же время статей во многом совпадает.

3 февраля 1943 г.: «Написал статью — Битва при Волге. Газеты: пленённые немецкие генералы и фельдмаршал Паулюс. Очереди за газетами, лица сияют, показывают друг другу газеты. Ну и дела-то, действительно, не шуточные» (254).

Речь здесь идёт о фотографии, сделанной во время допроса немецкого фельдмаршала Фридриха Паулюса и помещённой на первой странице газеты «Известия» от 3 февраля. В статье Иванова «Час расплаты», опубликованной в «Известиях» на следующий день, рассказано о том же: «Я шёл по улицам Москвы. Громаднейшие очереди стояли у киосков, продающих газеты с приказом Верховного Главнокомандующего. <...> И лица всех были радостные, сияющие, и незнакомые люди показывали фотографии в газетах, где были видны советские генералы и пленный фельдмаршал Паулюс»¹. В этой же статье Иванов пишет об историческом значении Сталинградской битвы: «2 февраля 1943 года закончилось одно из величайших сражений всех времён и народов — битва при Волге. <...> Миф о непобедимой Германии погиб навсегда»².

Далее приведём несколько записей Иванова в дневнике, передающих то, о чём вряд ли можно было прочитать в газетах. Детали этих записей делают более объёмной общую картину величайшего сражения:

6 февраля 1943 г.: «...Сидели Бажаны, Федин. Шёл разговор о том, что будем делать с Европой и что останется от Украины. Бажан высказал правильную мысль, что Украина деревенская уцелеет. Словом, делили места и говорили о том, что европейцы нас дальше пределов нашей родины не пустят.

¹ Там же. 4 февр. С. 4.

² Там же.

Удержаться трудно, но настроение действительно удивительное. “Медовый месяц”, как говорится» (256).

14 февраля: «...Шербаков сказал, что Н. Вирта выгнан из Сталинграда за сообщение в “Правду” о сдаче генерала (а в это время ещё шёл бой) <...> Выгнали тоже двух корреспондентов “Правды”, и газете дали нагоняй за статью, где описывался обед с пленными генералами. Уж и порадоваться нельзя!» (263).

15 февраля: «...Рисунок победы: заняли Сталинград. Немцев пленили. Фронт прекратился. Пустынный, холодный, одни стены — город. Жгут фюзеляжи немецких самолётов. Костры. Выдали водки много — по 100 гр. полагаются, но т. к. выдавали по спискам, а не по фактическому числу (много раненых и убитых), получили по литру. Выпили. Сидят у костров. И скучно. Взяли в руки немецкие ракетницы и начали для развлечения пускать ракеты. Всю ночь над Сталинградом горели разноцветные ракеты» (264).

Подводя итоги, приведём ещё одну запись из дневника Всеволода Иванова. 10 марта 1943 г. он записывает свои мысли по поводу документального фильма «Сталинград», снятого в 1943 г. на Центральной студии кинохроники режиссёром Л. Варламовым. В фильм, длительность которого составляла 75 минут, вошли киносъёмки от пятнадцати фронтовых операторов; кроме этого, были использованы немецкие трофейные киноматериалы. В тот же день, 10 марта, в газете «Известия» Е. Кригер высоко оценивал фильм «Сталинград»: «Его авторам великолепно удалось показать одно из самых крупных сражений в истории войн»¹. Восприятие Иванова было другим, но бесспорно, что и на него картина произвела сильное впечатление:

10 марта 1943 г.: «...Фильм — страшен. Такой фильм может появиться только в военное время и смотреть его можно тоже только в военное время, так как основное в фильме — человеческий разум и победа его — показано лишь словами, а фото сняло пальбу и маловыразительные лица военных, которым было не до выразительности, то взаимное истребление кажется бессмысленным. С моей точки зрения, такой фильм вреден. Он пугает, а не вдохновляет.

И после всего этого жизнь твоя кажется чудом. <...>

Ещё о фильме. Мне подумалось, что сегодня мы видели *фон* нашей жизни, на котором её увидят потомки. Всё будет казаться поразительным на этом фоне — то, что я вёл этот, наверное-таки, довольно глупый дневник; то, что у меня был иногда сахар к чаю; то, что я мог даже читать Спенсера, а того удивительнее Шахматова <...>; то, что люди говорили о любви и писали лирические стихи. Ибо фон этот будет ужасен. Стоны людские оглушительны. Страдания безмерны. Да так оно и было на самом деле» (285–286).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов Вс.* Генералиссимус. Рассказ / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Л. В. Суматохиной // *Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества* / Отв. ред. Е. А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 636–679.
2. *Папкова Е. А.* «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова: Опыт исторического комментария к теме союзники России в Гражданской войне // *Studia Litterarum*. 2017. № 4. С. 230–249.

¹ Там же. 10 марта. С. 3.

REFERENCES

1. *Ivanov Vs. Gtneralissimus. Rasskaz [Generalissimo. Novel] / Vstup. stat'ya, podgotovka teksta i primech. L.V. Sumatokhinoy // Neizvestnyy Vsevolod Ivanov: Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov: Materials of biography and creativity] / Otv. red. E.A. Papkova. Moscow: IWL RAS, 2010. — P. 636–679.*
2. *Papkova E. Bronepoezd 14-69° Vsevoloda Ivanova: Opyt istoricheskogo kommentariya k teme soyuzniki Rossii v Grazhdankoy voyne [The experience of historical commentary on the topic of Russia's allies iv the Civil var]. — *Studia Litterarum [Literary studies]*. — 2017. — No. 4. — P. 230–249.*

© Е. А. Папкива

УДК: 821.161.1

DOI 10.24412/2408-9451-2023-1-32-40

Е. В. АНТОНОВА*

**ВИКТОР НЕКРАСОВ. «НА КРАЮ СВЕТА» —
«СТАЛИНГРАД» — «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА»:
от первых рецензий до Сталинской премии**

Статья посвящена уточнению истории обсуждения романа В. П. Некрасова «Сталинград» (известен также под заглавиями «На краю земли», «В окопах Сталинграда») в издательстве «Советский писатель» и в редакции журнала «Знамя». Также на основании архивных источников анализируется отношение к данному произведению А. А. Фадеева и, шире, обстоятельства выдвижения романа на Сталинскую премию. В связи с этим впервые публикуются внутренние рецензии на роман, относящиеся к февралю–апрелю 1946 г. (А. Твардовского, А. Тарасенкова и др.), и текст выступления критика В. Александрова на заседании президиума Союза советских писателей в декабре 1946 г.

Ключевые слова: В. П. Некрасов, роман «Сталинград», внутренние рецензии, А. А. Фадеев, Сталинская премия.

История выхода в свет и последующей критики в конце 1946 — начале 1947 г. романа В. П. Некрасова «Сталинград» (позднее — «В окопах Сталинграда»), приобретшая не без помощи самого автора некоторые мифологические черты, всё более проясняется в наше время. В этой связи стоит отдать должное обширной публикации относящихся к этому произведению архивных материалов, осуществлённой В. В. Огрызко[1]. Тем не менее вопрос не может считаться исчерпанным. Мы предлагаем вниманию читателя ещё четыре не публиковавшихся ранее документа — отзывы на роман А. Твардовского, С. Разумовской, А. Тарасенкова и Л. Субоцкого, написанные в феврале–апреле 1946 г., в то время, когда произведение носило заглавие «На краю света» и каждая из подобных оценок, в прямом смысле слова, становилась для него судьбоносной. К сожалению, отзыв первооткрывателя романа критика В. Александрова пока что не обнаружен. По этой причине мы воспроизводим здесь выступление Александрова на обсуждении романа 26 декабря 1946 г., тем более что сам критик отмечал в отношении сказанного: «...я, примерно, повторил кое-что из своей рецензии»¹.

¹ ОРФ ГЛИМ. Ф. 134. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 1.

* Елена Викторовна Антонова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); antonova.imli@gmail.com

Новые документы позволяют считать, что первой официальной инстанцией, куда, вероятно, в самом начале 1946 г. поступил роман, была редакция издательства «Советский писатель». Более того, определённая с выпуском книги Некрасова «Советским писателем» до какого-то момента представлялась участникам этого процесса большей, нежели с выпуском журнальной публикации. Тот же Александров 14 марта 1946 г. писал Некрасову: «Дорогой Виктор Платонович, большое спасибо за письмо и за добрую память. <...> А теперь по существу: дело с Вашим романом понемножку двигается. В «Советском писателе» Ярцев, хоть и не разделяет оценку Твардовского¹ и мою, всё же считает вещь интересной. Даст её ещё кому-нибудь на отзыв (м. б. — Субоцкому), и если этот отзыв не будет отрицательным (а я считаю — не может быть и не будет отрицательным) — роман пойдёт. Как в «Новом мире» — не знаю, не связан с редакцией. Есть ещё один ресурс — возобновляющаяся «Молодая гвардия». В общем уверен, что всё будет хорошо. Как приняли тарасенковское письмо?»²

Предположим, что упомянутое Александровым «тарасенковское письмо» Некрасову являлось по своему содержанию расширенным аналогом публикуемого нами отзыва (см. документ 3). Насколько можно понять, Александров был в курсе оценок, полученных романом в «Знамени», и пока что, на середину марта, не считал Некрасова согласившимся на условия редакции.

Существенную роль в том, что «Знамени» всё же удалось обойти возможных претендентов на публикацию романа, сыграл тот энтузиазм, с которым отнеслись к роману и его автору сначала Тарасенков, а затем и Вс. Вишневский. В силу того, что Вишневский активно включился в подготовку публикации лишь в мае, когда Некрасов привёз в Москву уже переработанный текст, создаётся впечатление, будто Тарасенков первоначально с какой-то целью замкнул на себя общение с новым автором. Ситуация объясняется тем, что Вишневский в феврале-марте 1946 г. находился за границей — на Нюрнбергском процессе, и как раз в феврале его планируемое возвращение в Москву в очередной раз оказалось отсроченным. В действительности Тарасенков практически сразу, уже 26 февраля, сообщил Вишневскому о появлении перспективного автора: «Нашли нового очень талантливого автора — киевлянина Некрасова, архитектора, командира батальона под Сталинградом. Написал прекрасную книгу о Сталинграде — наша окопная правда, книга большой правды, большой силы, большого трагизма»³.

По приезде Некрасова в Москву в середине мая журнал заключил с автором договор на публикацию романа, тогда как в «Советском писателе» дело особо не продвигалось. Об этом, к примеру, свидетельствует тот факт, что рукопись, по совету Твардовского, была предложена ещё и в издательство «Московский рабочий»⁴, которое достаточно оперативно (23 июля), в сравнении с «Советским писателем» (20 сентября), отправило текст в на-

¹ Твардовский, как и упоминаемый далее Субоцкий, являлись членами редсовета издательства.

² ОРФ ГЛМ. Ф. 134. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 1.

³ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 3123. Л. 70.

⁴ ОРФ ГЛМ. Ф. 134. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 7 об.; письмо матери (З. Некрасовой) В. Некрасову от 29–30 мая 1946 г.

бор¹. Однако после такого бодрого начала выжидательную позицию заняли и в «Московском рабочем», так что подписание книги в печать состоялось лишь 6 ноября — всё равно, однако, раньше, чем в «Советском писателе» (16 декабря). Впрочем дискуссии, развернувшиеся вокруг романа на рубеже 1946–1947 гг., явно не ускорили выход его отдельного издания В итоге «Советский писатель» выпустил книгу лишь в апреле 1947 г., а «Московский рабочий» — в июне, после оглашения имён лауреатов Сталинской премии².

Стоит сказать здесь и несколько слов относительно широко распространенного мнения о недоброжелательном отношении А. Фадеева к роману Некрасова, вплоть до вычёркивания его в последний момент из списков произведений, представляемых на Сталинскую премию. Ни один из выявленных на сегодня документов подобного мнения не поддерживает. Напротив, сразу после обсуждения романа на Военной комиссии Союза писателей (6 января 1947 г.) несколько человек написали Некрасову, который не имел возможности посетить заседание лично, о том, что Фадеев выступал «хорошо»³ и «положительно»⁴. Наиболее подробно суть выступления Фадеева изложил в своём письме от 8 января представитель редакции «Знамени» Б. Закс: «Самое важное для обоих дней обсуждения это выступление А. Фадеева, который дал в очень спокойных тонах ясную положительную оценку книге. Он отметил, что это книга целиком советская, которая могла быть написана только на советском материале и только советским автором. Он отвёл целый ряд претензий к отдельным героям книги и отрицал неясность и недоговорённость в обрисовке характеров. Он отверг и обвинение в ремаркизме. Помимо того, что его выступление имело особый смысл, ибо это говорил генеральный секретарь Союза писателей, оно было чрезвычайно умно и убедительно и сделало ясным многое из того, о чём спорили. Были критические замечания и у него, но вывод, повторяю, был таков: “Книгу надо оценить со знаком плюсом”» [1]. Убедиться в объективности этой оценки Некрасов мог, ознакомившись с присланной ему стенограммой выступлений, доступной также и современным исследователям⁵.

Не выказывал каких-либо опасений в связи с возможной позицией Фадеева и Вишневский; в письме от 8 января 1947 г. он, в частности, сообщил Некрасову: «Когда Фадеев был в Праге, он на пресс-конференции ещё в октябре отметил Вашу книгу» [1]. Более того, накануне обсуждения между Фадеевым и Вишневским произошёл обмен письмами (Вишневский находился на лечении в Кремлёвской больнице), в которых затрагивалась судьба «Сталинграда». Письмо Фадеева нам не известно, однако сохранилось ответное письмо Вишневского от 4 января, начинающееся обращением «Мой дорогой Саша!» Тон этого письма вполне доверителен: «...меня беспокоит

¹ Сведения приводятся по выходным данным обеих книг. Необходимо отметить, что, помимо прочего, «Советский писатель» в это время испытывал серьёзные сложности с полиграфической базой, см. стенограмму заседания, посвящённого этому вопросу: РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 1872.

² См.: Книжная летопись. 1947. № 15. С. 46; Там же. № 24. С. 51.

³ ОРФ ГЛМ. Ф. 134. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 1. Письмо П. Марковича от 7 января 1947 г.

⁴ Там же. Ед. хр. 35. Л. 1. Письмо В. Александрова от 15 января 1947 г.

⁵ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 13. Ед. хр. 39.

судьба романа В. Некрасова. Твоё письмо очень мне внутренне помогло. Я читаю стенограмму обсуждения Некрасова¹. Ряд высказывавшихся товарищей абсолютно не понимают ни войны, ни самого факта появления нового талантливого писателя. Ряд здравых мыслей развивали Субоцкий и Горбатов. А также Дайреджиев. Меня удивляет, что критик Нагорный в “Литературной газете” написал очень прохладную кислую статью, повторяющую всё сказанное в статье Б. Соловьёва в “Известиях”², а на дискуссии развивал в целом мысль другого, позитивного направления. Тут что-то есть “нашим и вашим”. Мне лично хотелось бы одного — серьёзного литературно-философского анализа романа, сличения его с романами, например, с “Народ бессмертен” В. Гроссмана, “Дни и ночи” К. Симонова и т. д. и т. д. Ко мне лично поступили прекрасные отзывы ряда военных работников, порой крупных»³.

Сохранилась и стенограмма заседания президиума ССП 23–24 января 1947 г., посвящённого выдвижению на Сталинскую премию за 1946 г. Помимо 16 представителей правления, президиума и секретариата ССП в заседании участвовали ещё 57 писателей и критиков. Реплика Фадеева о романе занимает в стенограмме всего три строки: «Роман Некрасова “В окопах Сталинграда” подвергся довольно всесторонней и суровой критике, но произведение несомненно талантливое»⁴. Можно, конечно, предполагать, что Фадеев поручил высказаться за отклонение романа выступавшим далее по этому поводу Субоцкому и В. Ермилову, но и в таком случае решение, записанное в графе «Постановили», не являлось единоличным и кулуарным. Субоцкий действительно сделал отсылку к выступлению Фадеева на Военной комиссии: «Количество недостатков этой вещи и её идейное несовершенство таковы, что я не выдвигал бы её на Сталинскую премию. <...> А. А. Фадеев правильно сформулировал основу этих идейных недостатков, сказал, что эта книга написана писателем из среды интеллигенции, получившей эстетическое воспитание. Это правильно, и это сказалось <...> и на структуре вещи, и в характере тех обобщений, которые делает писатель. Это очень талантливая вещь, будем ждать, что Некрасов напишет другую книгу, в которой учтёт нашу критику»⁵. Ермилов выступал более раздражённо: «...у него есть некоторая поза: не агитируйте меня за советскую власть, мы отлично знаем, мы солдаты, мы всё отлично понимаем и мы об этом не говорим. Эта поза ощущается во всей вещи, а он забывает, что у него есть задача быть страстным, идейным агитатором, и эта поза очень мешает вещи. И, конечно, в образе героя есть некоторая ограниченность и отсутствие идейной страстности»⁶.

¹ Имеется в виду стенограмма обсуждения на Президиуме ССП 26 декабря (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 779). Фадеев в этом обсуждении не участвовал; стенограмма включает выступления С. Нагорного, Е. Златовой, А. Караваевой, Б. Дайреджиева, Б. Соловьёва, А. Суркова, К. Осипова, В. Герасимовой, Л. Субоцкого, В. Александрова, Б. Горбатова.

² *Нагорный С.* Человек на войне // Литературная газета. 1946. 21 декабря. С. 3; *Соловьёв Б.* «Сталинград» // Известия. 1946. 29 ноября. С. 3.

³ РГАЛИ. Ф. 1628. Оп. 2. Ед. хр. 600. Л. 11.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 806. Л. 84.

⁵ Там же. Л. 85.

⁶ Там же. Л. 85–86.

Вишневский, который по состоянию здоровья пропустил и заседание 23–24 января, был как редактор журнала в целом доволен результатами выдвижения на премию: первая публикация трёх одобренных прозаических произведений (В. Панова — «Спутники», П. Вершигора — «Люди с чистой совестью», Г. Берёзко — «Ночь полководца») состоялась именно в журнале «Знамя». В дневниковой записи от 12–13 февраля 1947 г. он отмечает: «В ЦК (в лит. отделе) поздравили “Знамя” с тем, что на Сталинскую премию выдвинуты три напечатанных у нас прозаических произведения (Панова, Вершигора, Берёзко). Сейчас главная задача: укрепить отдел критики. Строгий отбор авторов: выверка тем...»¹, — но ни в этом, ни в других случаях Вишневский никак не упоминает о Некрасове.

Дальнейшее развитие эта история получила 23 марта на заседании секции литературы Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Во время этого заседания от члена комитета писателя Твардовского поступило предложение «о включении в список рекомендаций по разделу художественной прозы произведения В. П. Некрасова “В окопах Сталинграда”»². Это предложение было поддержано присутствующими: председателем секции Н. Тихоновым, А. Еголиным, Я. Коласом и А. Корнейчуком. Кстати, и Твардовский, и Тихонов по каким-то причинам отсутствовали на задании президиума ССП 23–24 января.

В итоге в 1947 г. журнал «Знамя» смог отпраздновать лауреатство трёх своих прозаиков: В. Пановой (Сталинская премия 1-й степени), П. Вершигоры и В. Некрасова (премии 2-й степени).

ПРИЛОЖЕНИЕ

<1>

«На краю света» <sic!> — повесть участника Сталинградской обороны, офицера инженерной службы В. Некрасова, до войны молодого архитектора. Первое очевидное достоинство книги — то, что, лишённая внешне-сюжетных, фабульных приманок, она заставляет прочесть себя до конца одним духом. Большая достоверность свидетельства о тяжких и величественных днях борьбы накануне «великого перелома», простота и отчётливость повествования, драгоценнейшие детали окопного быта и т. п. — всё это качества, предвещающие несомненный успех книги у читателя. О её существенном содержании можно сказать примерно так. Это правдивый рассказ о великой победе, складывавшейся из тысяч маленьких, неприметных приобретений боевого опыта и морально-политического превосходства наших воинов задолго до того, как она, победа, прозвучала на весь мир. И рассказ этот литературно полноценный, своеобразный, художнически убедительный, хотя и не без недостатков, легко впрочем устранимых.

Хорошим редактором мог бы быть Вл. Бор. Александров, «открывший» талантливого автора и уже проделавший с ним порядочную работу.

А. Твардовский

8. II-46 г.

Печатается по авторизованной машинописи: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 11. Ед. хр. 137. Л. 74.

На верхнем поле листа чернилами вписан адресат: «т. Ярцеву Г. А.»; в тексте чернилами исправлены опечатки, проставлена подпись рецензента и дата, а также указан телефон Александрова.

¹ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 2137. Л. 3.

² РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 16.

<2>

В. Некрасов. «На краю земли».

Начало повести (примерно страниц 100) не представляет особого интереса. Отступление лета 1942 г. описано автором с узко-личных позиций, как-то уж очень легковесно. Чувствуется, что автор недостаточно глубоко осмыслил грандиозность и в то же время трагизм происходящих событий. Повесть приобретает интерес с того момента, когда герой попадает в Сталинград. Это правдивое, серьёзное повествование о героических защитниках Сталинграда несомненно заслуживает внимания. Повесть в целом носит хроникальный характер, автор описывает события в порядке последовательности, день за днём. Не все подробности здесь значительны и интересны, многие звучат наивно, но эти недостатки поправимы.

Мне кажется всё же, что «Знамя» должно заинтересоваться повестью Некрасова. Хотелось бы иметь её в портфеле редакции.

Разумовская

18.II.46 г.

Печатается по машинописи: РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 13. Ед. хр. 29. Л. 13.

<3>

В. Некрасов. «На краю земли».

Рукопись, несомненно, интересна. Автор описывает события, участником которых он, несомненно, был сам. Это — отступление лета 1942 года и Сталинград. Начало книги Некрасова бледно, вяло, но события Сталинграда даны очень сильно, впечатляют они своей жизненной правдой такой силы, какой ещё не было до сих пор ни в одном произведении о Сталинграде. Однако в рукописи много существенных недостатков, над которыми надо очень серьёзно работать и автору, и будущему редактору его книги. Начало (первые страниц сто — сто двадцать) надо резко сжать, в два-три раза. Надо удалить чересчур большое количество литературных и художественных реминисценций (автор то и дело, часто без нужды, вспоминает и Блока, и Левитана, и Гумилёва, и Гогена, и сотни других имён вплоть до Олеси). Неприятное чувство производят сцены с женщинами, они не чисты. Я здесь вовсе не пурист. Но как-то это идёт у Некрасова вразрез с традициями русской литературы. Надо сократить по меньшей мере вдвое пессимистические, почти пораженческие разговоры, которые ведут многие герои романа. Надо иметь после нашей победы чувство пропорции в изображении такого рода вещей, а этим чувством автор не обладает. В описании сталинградских «оборонительных» будней надо внимательно посмотреть, нет ли следов влияния Ремарка. Мне, например, сцена многочасового сидения в воронке под огнём артиллерии определённо напомнила Ремарка или кого-то из этой плеяды. Но, повторяю, многое в книге Некрасова (это не роман, а скорее беллетристическая хроника, нечто вроде дневника) написано отлично, точно, правдиво, и это его великая заслуга. Книга ещё не завершена. Очевидно, будет написана третья часть. Без неё — книга производит впечатление оборванной на полуслове. Следует подождать, пока автор её напишет. В перспективе, я считаю, что книга Некрасова должна быть опубликована на страницах «Знамени». Но, повторяю, работы предстоит ещё много. Язык в основном хорош, редаKTура должна идти главным образом за счёт купюр. Во всяком случае я за то, чтобы вступить уже сейчас с Некрасовым в деловые отношения, разумеется, если он согласится с критикой его работы, если он согласится работать над своей книгой в указанном выше направлении.

Ан. Тарасенков

18 февраля 1946 г.

Печатается по машинописи: РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 13. Ед. хр. 29. Л. 14.

<4>

В. Некрасов. «На краю земли».

Трудно пересказать фабулу этой вещи — она, по сути дела, безфабульна в обычном смысле этого слова. И вместе с тем она читается с огромным интересом, неотрывно. Это — правдивый и честный рассказ о том, что пришлось пережить лейтенанту Керженцеву за пять месяцев 1942 года на Юго-Западном и Сталинградском фронтах, это — бесхитрое описание летне-осеннего отступления Красной Армии через Дон к Сталинграду и первых месяцев сталинградской обороны (до наступления 19 ноября). В этой книге — большая сила человеческого документа и, наряду с этим, в ней виден свежий литературный талант автора, зоркость его писательского зрения, умение отобрать самое необходимое для того, чтобы охарактеризовать события и людей. Мне довелось проделать как раз тот же самый путь отступления через Дон, и я могу засвидетельствовать достоверность всего, что изображает В. Некрасов.

Сравнивая эту книгу начинающего, неопытного литератора с «Днями и ночами» Симонова и с многими другими повестями военных лет, я должен сказать, что написанное Некрасовым производит гораздо более сильное впечатление — дело здесь, видимо, именно в том, что автор не побывал в этих местах, а пожил в них, не наблюдал со стороны, а был непосредственным участником событий.

Я считаю безусловно желательным издание этой книги. Она нуждается в тщательной редакции. Автор правильно делает, когда изображает действительность так, как она представляется его герою — маленькому винтику армейского механизма. Но там, где этот герой допускает неправильное обобщение, недопустимую аналогию (наприм<er>, наше отступление и Капоретто¹), неверный вывод — автор должен найти способ (прямо или через другого героя — это его дело) высказать своё, авторское отношение к мыслям Керженцева. Ведь автор должен видеть дальше своего героя, быть умнее его. В книге надо устранить элементы этого объективизма автора при рассказе о мыслях героя, отнюдь не устраняя самых мыслей. Это избавит книгу от некой «хемингуэвской» интонации, наличествующей в ней. Я отметил (синим карандашом) ряд мест, которые должны быть обязательно пересмотрены в этом плане. Здесь же ограничусь общим определением характера переработки и редакции. Лейтенанту Керженцеву всё отступление обязательно должно было казаться «драпом», он не смог охватить всю оперативно-тактическую ситуацию (прорыв немцев через боевые порядки ЮЗФ в тылы Южного фронта) и не видел того организующего начала, которое всё же существовало в хаосе и неразберихе отступления. Оно существовало, и кое-какие признаки его видел Керженцев (свежие части, идущие навстречу отходящим, работа штабов), но он не мог их по-настоящему оценить. Однако автор обязан это сделать — иначе книга будет отвечать требованиям маленького жизненного правдоподобия, но не ответит полностью на требование большой правды, которое мы можем и должны к ней предъявить. Я полагаю, что сделать необходимые поправки — очень легко. А в остальном это хорошая яркая книга, в ней есть чудесные образы — Валега, Чумак и другие бойцы, Карнаузов, Ширяев, Фарбер и другие офицеры, в ней есть сильное изображение обороны Сталинграда, батальных сцен и т. д. Успех её у читателя — обеспечен.

Л. Субоцкий

13/IV-46 г.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 11. Ед. хр. 137. Л. 79–81.

¹ Имеется в виду битва при Капоретто (1917) во время Первой мировой войны.

<5>

ВЫСТУПЛЕНИЕ КРИТИКА АЛЕКСАНДРОВА
на заседании президиума ССП 26 декабря 1947 г.

За последние годы мне довелось прочесть несколько сот рукописей произведений, написанных молодыми авторами-фронтовиками. Среди них была рукопись Некрасова, переданная мною в редакцию журнала «Знамя». Говорю я это вот к чему. Боюсь, что среди таких самотёчных рукописей теряются или, по крайней мере, залёживаются другие произведения, может быть, менее яркие, но всё же интересные и достойные печати. Их нужно как-то вылавливать. Поэты у нас выплывают легко, иногда, может быть, даже слишком легко, а с прозаиками дело обстоит плохо.

Здесь, наряду с правильными вещами, было сказано много очень странных вещей и о примате инстинкта над интеллектом, и о том, что в книге будто бы отсутствует оценка людей. Докладчик¹ этот вопрос, по-моему, разобрал очень хорошо. Он прекрасно показал, как оценивает Керженцев людей и как эта оценка дана в романе. В частности, Лисогор, — по-моему, толкование этой фигуры у докладчика устранило все возможные недоразумения, и выступать с такими вещами, с какими выступил т. Соловьёв, после того, что было сказано уже докладчиком, можно было, только не слушая того, что докладчик говорил.

К вопросу о большей или меньшей ограниченности кругозора в книге. Ограниченность кругозора можно понимать в разных значениях, и не нужно этих возможных значений смешивать друг с другом. Узость кругозора в смысле военно-стратегическом — это одно. Да. Первоначально название романа было не «Сталинград». Речь шла действительно о пути одного из сталинградцев и только таков был замысел книги. Так к этому и нужно подходить и так нужно это оценивать.

Другой вопрос — существует ли ограниченность общественная, идейная и мирозрительная, отгородились ли герои на этом маленьком участке от тех мыслей и чувств, которыми живёт вся страна? Здесь уже много говорили в пользу того, что этой отгороженности нет, что это советские люди, что они живут тем же, чем живёт страна. Я остановлюсь только на одной стороне дела, которую здесь мало заметили, когда говорили об идейном облике романа.

Вспомним о прошлом Юрия Керженцева. Кстати, докладчик совершенно правильно сказал, что ни в коей мере не нужно отождествлять Юрия Керженцева и Некрасова. Уютный диван, кот Фракас, шесть друзей, которые вместе сдают конкурсы, говорят об архитектуре, ездят на пляж и т. д. Это прошлое очень уютное, но оно чрезвычайно ограничено, ограничено до уродливости. Если бы Юрий Керженцев тогда встретился с такими людьми, как Седых, как Ширяев, как Карнаухов, даже как Фарбер, он отнёсся бы к ним пренебрежительно. Они для него не существовали. С ними нельзя было поговорить о Парофеноне, о Карфагене, о Левитане и т. д. Здесь он с этими людьми встретился. Между прочим — Валега, — тут от прошлого Керженцева остались некоторые привычки: он слишком легко принимает его услуги. Это уже нехорошо и неправильно. Но Валега, разумеется, не просто денщик, и не просто Савельич. Здесь уже другие отношения, не денщицкие: «Сколько ночей мы с тобой провели...» (цитата)

Здесь он встречается с такими людьми, как Валега, как Седых, как Ширяев, и он начинает их понимать. Всего этого в прежней жизни он не видел.

По-другому такой переход к какой-то большей широте кругозора имеется и у Фарбера. Эта тема вообще очень серьёзная тема. Высокое достоинство советского интеллигента не даётся автоматически. Оно требует от каждого интеллигента какого-то самостоятельного почина, самостоятельной работы по расширению и

¹ Т. е. основной докладчик обсуждения — писатель С. Нагорный.

укреплению своих связей с народом, и пусть не полно и недостаточно, но эта тема в романе Некрасова есть, и это уже должно вносить существенную поправку в характеристику об идейной стороне этого произведения.

Я не хочу сказать, что роман свободен от недостатков — вообще нет. Та же самая тема отношений интеллигента и народа, обязательств интеллигента перед народом — она могла быть поставлена и шире, и глубже, и ярче выражена. Место о чернозёме, которое здесь вспоминали, — я в первой же рецензии отмечал, что здесь могло быть больше историчности, чем у автора.

Отдельные частности и отдельные фигуры. Образ Калужского. Прав т. Субоцкий — люди бывают разные, но для такого типа хотелось бы не такой откровенности, с которой он в этой главе высказывается...

(Сурков: Это довольно жизненный тип — такой честный на войне сукин сын.)

Но в мирном быту они проявлялись по-другому.

Затем не понравилась мне фраза насчёт Идена, что мы многому должны у него учиться. Это, правда, фраза действующего лица, а не самого автора, но это произносится как бы при молчаливом сочувствии автора.

Затем неудачен эпизод с Люсей. Если всё произведение в целом, как небо от земли, далеко от Хемингуэя, то здесь не обошлось без Хемингуэя, скажем прямо.

Так что недостатки в произведении есть, но достоинства произведения намного перевешивают его недостатки.

Печатается по машинописи: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 779. Л. 72–75.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Огрызко В.* Не понравившаяся Фадееву святая правда: Как пробивалась настоящая проза о войне // Литературная Россия. 2018. № 22 [Электронный ресурс]. URL: <https://litrossia.ru/item/ne-ponravivshajasja-fadeevu-svjataja-pravda/> (дата обращения 21.03.2023).

REFERENCES

1. *Ogryzko V.* Ne ponravivshayasya Fadeevu svyataya pravda: Kak probivalas' nastoyashchaya proza o voyne [The holy truth that Fadeev did not like: How the 'real prose about the war' made its way] *Literaturnaya Rossiya* [*Literary Russia*]. 2018. № 22. URL: <https://litrossia.ru/item/ne-ponravivshajasja-fadeevu-svjataja-pravda/>

И. Н. КОРЖОВА*

ОБРАЗ СРАЖАЮЩЕГОСЯ СТАЛИНГРАДА: на материале центральных газет 1942–1943 гг.

В статье исследованы статьи 1942–1943 гг., освещающие Сталинградскую битву и воссоздающие образ воюющего города. Подробно рассмотрен образ дома-крепости, ставший ключевым в статьях об обороне города. Воссоздавая облик домов, как и типы коренных сталинградцев, публицисты обращаются к принципу антитезы. Установлена важность мотива наследования побед под Царицыном, где преемниками выступают как бойцы, так и весь сражающийся город. Также отмечена продуктивность сравнения города с крепостью: отрицая сходство Сталинграда с Верденом, публицисты используют это сопоставление как основу метафоры города-крепости.

Ключевые слова: очерк, Сталинградская битва, образ города, образ дома, дом-крепость, город-крепость.

Теме обороны Сталинграда, наступления на Сталинградском фронте и освобождения города на протяжении нескольких месяцев были посвящены передовицы центральных газет — «Известий», «Правды», «Красной звезды». Жанровый диапазон опубликованных в этот период статей достаточно широк: от фактографических репортажей до очерков, смыкающихся с рассказами. Поскольку публицистический материал той поры необыкновенно широк, в нашей работе будут рассмотрены только те публикации, в которых отображено сражение в черте города.

Положение в городе первоначально освещалось в сводках сухо, во второй половине августа статьи в «Известиях» ещё имеют подзаголовки «Северо-западнее Сталинграда», «Юго-западнее Сталинграда». Впервые о боях на окраине города 15 сентября написала «Правда», 16 сентября появляются аналогичные сообщения в «Известиях» и «Красной звезде». О событиях первых страшных дней, когда враг прорвался к городу и в результате бомбардировок 23 августа часть Сталинграда была превращена в руины, газеты не сообщали. Только в статье В. Полторацкого, М. Рузова «Северо-западнее Сталинграда» от 30 августа произошедшее показано вскользь, буквально на периферии панорамы: «Мы проезжаем мимо разрушенных зданий по

* Инесса Николаевна Коржова — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы Московского финансово-промышленного университета (Москва, Российская Федерация); clean24@yandex.ru

улицам, на которых ещё дымятся пожарища. Огибаем площадь, взрытую глубокими воронками» [23, 1]. Отметим, что бои в городе перестают быть основным информационным событием в декабре 1942 г. — первых декадах января 1943 г., когда основное внимание переключается на Котельниковскую операцию, продвижение на Дону и Северо-Кавказскую наступательную операцию. Непосредственно городу посвящены лишь отдельные публикации. Вновь Сталинград оказывается в центре внимания печати во время полного освобождения города и сдачи армии Паулюса.

Предмет изображения в статьях о Сталинграде, разумеется, определён самой спецификой боёв. Так, бои в Сталинграде превращали в важные оборонительные пункты все объекты в черте города, в частности дома. В. Гроссман в статье «Царицын—Сталинград» отметил один из будущих символов стойкости сталинградцев: среди героев, достойных вечной памяти, он назвал «имя сержанта Павлова, который уже 50 дней со своим отделением держит дом у одной из площадей Сталинграда. “Павловский дом” — называется в официальных сводках это здание» [7, 2]. Батальонный комиссар Е. Коринь часть статьи, опубликованной в «Правде», посвящает как раз превращению обиходного наименования «дом Павлова» в имя собственное и, главное, чутко улавливает, что это название стало частью истории сопротивления Сталинграда, её символом: «Так и начал свою историю “дом Павлова”. Приходили новые люди — бойцы, командиры. Они восприняли все традиции части, и в их обиходе тоже появились эти два слова — “дом Павлова”, хотя многие из них и не знали содержания этих слов» [10, 2].

Превращение каждого дома в крепость не только становится важной темой, но и обретает устойчивость речевой формулы. Призыв защищать каждую улицу, каждый дом звучит в лозунгах, которые публикуются в шпигеле центральных газет: «Превратите каждую улицу, каждый дом в неприступную крепость!» [9, 1], «Превратите каждую улицу в неприступный рубеж, каждый дом — в бастион!» [14, 1]. Авторы редакционной статьи в «Красной звезде» предупреждали: «Защитники Сталинграда, ведущие уличные бои, обязаны помнить: каждый дом — это крепость, а подразделение, которое его защищает, — это гарнизон, не имеющий права сдать её врагам» [26, 1]. Такое уподобление, несмотря на его устойчивость, не было фигурой речи: в этой же статье проанализирована тактика боя в домах, обосновываются принципы защиты отдельных этажей. На следующий день газета публикует статью Л. Высокоостровского, в которой вновь говорится о новых реалиях боёв, когда «ареной кровопролитных стычек стал каждый дом, сарай, киоск, трансформаторная будка, даже опрокинутый автомобиль» [4, 2].

Но наиболее красноречивы те статьи и очерки, в которых детально изображается эта замкнутая арена схватки, и прежде всего дом. Дом в народной концептосфере представляется как место, защищающее человека, обитель покоя и уюта. Но в Сталинграде недавно мирное пространство становилось местом смертельной борьбы. Под пером мастеров слова это трагическое несоответствие воссоздаётся с помощью острого противопоставления деталей. Так, Б. Полевой в очерке «Дом 21/а» свой рассказ об обороне дома лейтенантом Цветковым начинает с описания экстерьера: тюльпаны, лепные фронтоны — всё это было бы обычной картиной, «если бы не...». Эта конструкция

несколько раз изменяет тон описания. Уже начало статьи, благодаря такому синтаксическому параллелизму, настойчиво свидетельствует о противном самому естеству жизни вторжению войны. Вводя читателя внутрь дома, Полевой описывает и продуманную обстановку чужого кабинета, избранного под КП, и неприступную баррикаду из домашнего скарба. Журналист следует через комнаты, изображение каждой из которых строится на приёме контраста: «В другой, угловой комнате пулемётчики Жуков и Евтифеев у станкового пулемёта. В этой комнате сохранился детский уголок — крохотная смешная мебелишка и какие-то коврики со зверушками на стенах» [21, 2]. Этот очерк воздействует не только с помощью отбора жёстких фактов, но и благодаря фону, постоянно напоминающему о норме и антинорме жизни.

Антитезу использует и В. Коротеев в статье «Битва за Сталинград». Он создаёт контрастный фон для описания разрушений и смерти, опираясь на самый глубинный уровень представлений. Ареной боёв становится сад — место, где сходится природное жизнеутверждающее начало, плоды созидательного труда и война. Заметка В. Коротеева начинается с зарисовки, которую сложно даже назвать пейзажной — это уничтоженная природа: «Этот сад стал теперь ареной кровопролитного боя. Его деревья почти начисто скошены снарядами и минами и превратились в обгорелые обрубки стволов с двумя-тремя ветками. Лужайки и цветники разворочены бомбами, дорожки завалены разбитыми деревьями, кирпичом, щебнем» [11, 2]. Несмотря на последующий сугубо информационный стиль изложения, статья оказывает сильное эмоциональное воздействие именно благодаря началу.

Интерес представляет тот факт, что бои за Мамаев курган, стратегически важную высоту и символический ключ к городу, упоминаются лишь в считанном количестве статей, поскольку враг до последнего сохранял контроль над частью высоты. Л. Высокоостровский в статье «Бои за Мамаев курган» [3, 4] с военной точностью говорит о важности высоты и размещённых на ней «куполов» — водяных баков. Но статья появляется ближе к исходу Сталинградской битвы.

Первым о взятии господствующей высоты пишет В. Гроссман в статье «Сталинградская битва». Не называя её прямо, он использует яркий символический перифраз: «Красным курганом назовут его. Железным курганом назовут его — весь покрылся он колючей чешуёй минных и снарядных осколков, хвостами-стабилизаторами германских авиационных бомб, тёмными от пороховой копоти гильзами, рубчатými, рваными кусками гранат, тяжёлыми стальными тушами развороченных германских танков» [6, 3]. Лишь после взятия Мамаева кургана рассказывает о нём и К. Михайлов: «С осени курган несколько раз менял свою окраску. Из бурого он стал красным, потому что тысячи бомб, снарядов и мин выворотили из его недр целое море мелкого красного песка. В солнечный день он казался от этого сплошь залитым кровью. Потом зима накрыла курган снежным покровом, но ненадолго. Скоро зияющие воронки свежих разрывов слились, образовав огромные чёрные пятна. Не было на кургане места, куда не упали бы бомба, мина или снаряд» [20, 3]. Описание, включённое в эту в целом близкую к сводке статью, отразило в истории кургана все этапы долгой битвы и тем самым выдвинуло его в качестве её символа.

Устойчив в статьях о городе и образ коренного сталинградца. Часто его глазами показан страшный контраст между цветущим городом и руинами, мирным бытом города в прошлом и военной действительностью. В очерке «Сталинградские улицы» Е. Кригер в словах героев материализует образ прежнего Сталинграда. Страшно звучат их слова, прерываемые предупреждениями об обстрелах: «Старожилы, раздирая ладонями оглохшие уши, предаются воспоминаниям: красивая улица, красивая. Они видят её и теперь, как живую. И опять прижимаются лицом к битому кирпичу. Мина!» [18, 2].

Порой публицисты заостряют ситуацию, делая своими героями коренных сталинградцев, которым приходится разрушать собственные дома, тружеников, которые уничтожают дело своих рук. Таков герой очерка В. Коротеева «Волгарь» — старый плотник, а теперь миномётчик, Поляков, участник боёв под Царицыном. «Весь город был для него одним гигантским домом, в котором он знал каждую комнату, каждый этаж. Он воевал с немцами в своём родном доме» [13, 2]. Это ощущение усиливает трагизм ситуации, также автор не забывает упомянуть, что все сражающиеся на батарее Полякова — люди мирного труда.

Воссоздавая образ города, публицисты не только обращались к контрасту с недавним прошлым, но и устанавливали преемственность с событиями более отдалёнными. Защитники города показаны как наследники красноармейцев, оборонявших Царицын, но линии наследования несли различные смыслы. Так, среди молодых солдат изображали пожилых бойцов, участников обороны города в 1918–1919 гг. Защитники Сталинграда могли быть связаны прямым кровным родством с теми, кто когда-то отстоял город. Даже сама армия в статье В. Величко «Шестьдесят вторая армия» изображена как постепенно мужеющий воин, перенимающий славу отца-Царицына. Памятники и кладбища Гражданской войны показаны как своеобразные святыни: за них идут наиболее ожесточённые бои.

Обращение к прошлому связано с темой исторической ответственности, но одновременно былая победа невольно проецируется на будущее, воспринимается как вселяющий убеждённость в грядущей победе прецедент: «Вровень с героями Царицына поднялись сейчас стойкие защитники Сталинграда. Неповторимой казалась слава царицынской обороны. С новой силой повторяется она в богатырском бою 33-х героев, остановивших 70 вражеских танков, в стойкости батареи Тимофеева, подбившей 29 танков, в храбрости гвардейцев, в отваге моряков Волжской военной флотилии, в мужестве сталинградских рабочих» [12, 2]. Наконец, сам успех в битве под Сталинградом воспринимается как достойное ознаменование юбилея победы в ходе первой и второй обороны Царицына в 1918 г. Если в очерке «Царицын — Сталинград» В. Гроссман ещё оперирует цифрой некруглой, говорит о прошедших двадцати четырёх годах, то Вс. Иванов связывает победу с преддверием славного юбилея (отметим, что его статья вышла полугодом позже): «Как раз в нынешнем году, во второй половине его, исполняется ровно двадцать пять лет того, как немцы через своих подручных “красновцев” шли на Дон и пытались захватить Царицын. Исполняется двадцатипятилетие обороны Царицына в 1918 году, когда войска красного Царицына наголову разбили белогвардейцев и тем спасли Советскую Россию, всю нашу страну от ига оккупантов» [8, 4].

Проецируется битва в Сталинграде и на другие исторические события. Если образ дома-крепости является очевидной, лишённой внутренней полемичности метафорой, то образ Сталинграда-крепости генетически более сложен.

Образ города-крепости появился ещё у К. Симонова, в статье от 24 сентября. Тогда образ не стал ключевым, остался на периферии: «Небо чёрное, но остовы домов ещё черней. Их изуродованные карнизы, наполовину обломанные стены врезаются в небо, и когда где-то далеко вспышка бомбы делает небо на минуту красным, развалины домов кажутся зубцами крепости. Да это и есть крепость» [24, 3]. Отметим характерную для всего корпуса текстов об обороте Сталинграда парадоксальность. Именно после разрушения город становится крепостью. Образ уже родился, но не был вынесен в сильную позицию автором.

Закрепилась метафора «город-крепость» благодаря устойчивому сравнению города с Верденом, действительно бывшим крепостью: во время Первой мировой войны германские войска не смогли овладеть Верденом (1916, захватили только один форт), сражение длилось две недели и стало одним из самых кровопролитных в той войне. Такое уподобление изначально возникло в иностранных публикациях и затем стало объектом полемики и одновременно исходной точкой для построения публицистических метафор уже в советской печати. Статья «Битва за Сталинград (обзор зарубежной печати)» [1, 4] показывает, насколько широко бытовало сравнение. Хотя прямую аналогию поддерживала прежде всего немецкая пресса, объясняя неудачи в попытках овладеть городом его укреплённостью. В прессе союзников сравнение имело свои особенности.

Необоснованность устойчивого сравнения битв вскрывает М. Галактионов, говоря о большем количестве военной силы, преобладании иных родов войск (танковых и артиллерии) под Сталинградом. Корреспондент подчёркивает изначальное различие: «Сталинград не является крепостью» [5, 4]. Алексей Толстой в статье «Чёрные дни гитлеровской армии» тоже отвергает название «Красный Верден», оценивая сражение Первой мировой как «механическую мясорубку» [27, 3], не изменившую исход войны.

Опровергает буквальный смысл выражения «крепость Сталинград», прозвучавшего из уст корреспондента «Дейче рундшау», И. Эренбург: «Сталинград — не крепость, Сталинград — город. Но каждый город, каждый дом становится крепостью, когда его защищают мужественные бойцы» [29, 3]. Отрицание даже исключительно метафорического уподобления Сталинграда крепости происходит в статье Е. Кригера «Это — Сталинград!». В своей статье он не берётся перечислять различия с точки зрения военного дела, а развивает рассуждение исключительно в сфере словесной. Уподобление Сталинграда Вердену используют сами немцы, это, но в качестве метафоры, автор сначала готов принять: «Теперь они толкуют о Вердене. Да, Верден — в сердце каждого из защитников Сталинграда» [19, 2].

Но даже такое условное уравнивание не удовлетворяет автора, и статью он завершает словами: «Это не Верден. Это — новое в истории войн» [Там же], эта фраза объясняет название статьи «Это — Сталинград!» Однако уравнивание невозможно не по соображениям военным или инженерным, а по принципу сугубо культурному. Великой битве не нужно брать прецедентное имя, её название уже начинает претендовать на самостоятельный символ.

О других крепостях — линии Мажино — напоминает Е. Кригер: «Хрупкий камень сталинградских домов кажется немцам чуть ли не второй линией Мажино». Рефреном его статьи «Где немцам чудится форт...» является чуть варьируемая фраза: «Всюду, где русские люди решили стоять, немцам чудятся железобетонные крепости», «Нет и не было крепостей ни на пути к Сталинграду, ни в городе. Есть упорство русских людей», «Немцы твердят о сталинградских фортах. Но пробитый снарядами форт выходит из строя. Раненые русские люди остаются в бою, продолжают сражаться» [16, 2].

Образ укрепления связывает со Сталинградом Л. Соболев, но делает это, переворачивая актанты. Не советская армия, а армия противника сравнивается с неприступным укреплением. Статья «Удар за ударом» [25, 3] построена на тотальной развёрнутой метафоре. Неуязвимость вражеской армии уподобляется виденной в Финляндии бетонной стене дота в линии обороны Маннергейма. Казавшаяся непробиваемой, она всё же треснула под ударами снарядов. Упорство обороны Сталинграда автор сопоставляет с настойчивостью артиллериста.

Борис Полевой начинает свой очерк «Стена Сталинграда» с цитирования курьёзного письма немецкого солдата, который со слов командира с ужасом сообщает жене о том, что Сталинград окружён каменной стеной. Этот совсем уже гротескный образ служит основой для публицистических метафор: «Воинская стойкость, боевое упорство, героическая любовь советских людей к городу Сталина — вот та стена, крепкая и неприступная, о которую одна за другой разбиваются немецкие дивизии и корпуса» [22, 2]. Метафору живой стены использует И. Эренбург, вспоминая сообщения немецкого командования, что город почти взят, он продолжает: «это “почти” было стеной из человеческих грудей, живой стеной, и стена не дрогнула» [30, 2].

Метафора города-крепости, крепости людского сопотворения могла разворачиваться в целый сюжет метаморфозы. Е. Кригер неоднократно обращается к такому приёму. Не только сам город, но и его жители буквально превращаются в камень. «Люди Сталинграда оказались более крепкими, чем камень, из которого сложены его дома», «Каждый камень стрелял в немцев. Каждая стена нависала над ними тяжёлой могильной плитой» [17, 4]. Соседство этих фраз в статье показывает готовность образов слиться в один. В другой статье Е. Кригера, «В Сталинграде», это и происходит, метафора разворачивается полностью, обнажая свои мифологические основы: «Люди вросли в камень, слились с городом в единое целое, и камни города стали живыми. В них слышны шорохи, человеческое дыхание, стук закладываемой обоймы. <...> Когда снаряд попадает в стену, из камня сочится кровь» [15, 2].

В. Величко создаёт в статье «Шестьдесят вторая армия» историю архаической образности и эпической широты. «Армия срослась с городом. Каждый солдат стал камнем этого города. Город же, рождённый стоять, отступить не может» [2, 3]. Метаморфоза превращения бойцов в камень обретает логическую чёткость.

Нами были рассмотрены статьи и очерки, большинство из которых не делает своим центром подвиг отдельного бойца, а воссоздаёт обобщённый образ сражающегося города. В его воссоздании чрезвычайно важны все защитники Сталинграда без различия между жителями города и солдатами,

как и ещё более обобщённые образы людей, ставших твердыней, вросших в камни города. Широко распространена метафора дома-крепости, которая не исключает детализации образа дома. Особую выразительность и устойчивость имеет полемическая метафора Сталинграда как крепости духа. Уже в публицистике, непосредственно отражающей ход битвы, начинается выдвигание таких символов стойкости Сталинграда, как дом Павлова и Мамаев курган.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Битва за Сталинград (обзор зарубежной печати) // Правда. 1942. 27 октября.
2. *Величко В.* Шестьдесят вторая армия // Правда. 1943. 31 января.
3. *Высокоостровский Л.* Бои за Мамаев курган // Красная звезда. 1943. 6 января.
4. *Высокоостровский Л.* На улицах Сталинграда // Красная звезда. 1942. 23 сентября.
5. *Галактионов М.* Сталинград и Верден // Красная звезда. 1942. 3 октября.
6. *Гроссман В.* Сталинградская битва // Красная звезда. 1942. 27 октября.
7. *Гроссман В.* Царицын — Сталинград // Красная звезда. 1942. 13 ноября.
8. *Иванов Вс.* Час расплаты // Известия. 1943. 4 февраля.
9. Известия. 1942. 17 сентября.
10. *Коринь Л.* Сталинградские дни // Правда. 1942. 19 ноября.
11. *Коротеев В.* Бои за Сталинград // Красная звезда. 1942. 13 октября.
12. *Коротеев В.* В Сталинграде // Красная звезда. 1942. 25 сентября.
13. *Коротеев В.* Волгарь // Красная звезда. 1942. 22 ноября.
14. Красная звезда. 1942. 24 сентября.
15. *Кригер Е.* В Сталинграде // Литература и искусство. 1942. 14 ноября.
16. *Кригер Е.* Где немцам чудится форт... // Известия. 1942. 28 октября.
17. *Кригер Е.* Ответ Сталинграда // Известия. 1943. 17 января.
18. *Кригер Е.* Сталинградские улицы // Известия. 1942. 1 ноября.
19. *Кригер Е.* Это — Сталинград! // Известия. 1942. 25 октября.
20. *Михайлов К.* Мамаев курган // Известия. 1943. 27 января.
21. *Полевой Б.* Дом 21/а // Правда. 1942. 14 октября.
22. *Полевой Б.* Стена Сталинграда // Правда. 1942. 23 октября.
23. *Полторацкий В., Рузов М.* Северо-западнее Сталинграда // Известия. 1942. 30 августа.
24. *Симонов К.* Дни и ночи // Красная звезда. 1942. 24 сентября.
25. *Соболев Л.* Удар за ударом // Правда. 1943. 24 января.
26. Стойко защищать каждую улицу Сталинграда // Красная звезда. 1942. 22 сентября.
27. *Толстой А.* Чёрные дни гитлеровской армии // Известия. 1943. 28 января.
28. *Цивьян Т. В.* Дом в фольклорной картине мира // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Вып. 10.
29. *Эренбург И.* Бить и бить! // Красная звезда. 1942. 10 сентября.
30. *Эренбург И.* Наступление продолжается // Красная звезда. 1942. 27 ноября.

REFERENCES

1. Bitva za Stalingrad (obzor zarubezhnoy pechati) [The Battle for Stalingrad (review of the foreign press)] // *Pravda*. — 1942. October 27. — S. 4.
2. *Velichko V.* Shest'desyat vtoraya armiya [Sixty-second army] // *Pravda*. — 1943. January 31. — S. 3.
3. *Vysokoostrovskiy L.* Boi za Mamaev kurgan [Battles for Mamaev Kurgan] // *Krasnaya zvezda*. — 1943. January 6. — S. 4.

4. *Vysokoostrovskiy L.* Na ulitsakh Stalingrada [On the streets of Stalingrad] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. September 23. — S. 2.
5. *Galaktionov M.* Stalingrad i Verdun [Stalingrad and Verdun] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. October 3. — S. 4.
6. *Grossman V.* Stalingradskaya bitva [The Battle of Stalingrad] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. October 27. — S. 3.
7. *Grossman V.* Tsaritsyn — Stalingrad [Tsaritsyn — Stalingrad] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. November 13. — S. 2.
8. *Ivanov Vs.* Chas rasplaty [The Hour of reckoning] // *Izvestiya*. — 1943. February 4. — S. 4.
9. *Izvestiya*. — 1942. September 17. — S. 1.
10. *Korin' L.* Stalingradskie dni [Stalingrad days] // *Pravda*. — 1942. November 19. — S. 2.
11. *Koroteev V.* Boi za Stalingrad [Battles for Stalingrad] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. October 13. — S. 2.
12. *Koroteev V.* V Stalingrade [In Stalingrad] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. September 25. — S. 2.
13. *Koroteev V.* Volgar' [Volgar] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. November 22. — S. 2.
14. *Krasnaya zvezda*. — 1942. September 24. — S. 1.
15. *Kruger E.* V Stalingrade [In Stalingrad] // *Literatura i iskusstvo*. — 1942. November 14. — S. 2.
16. *Kruger E.* Gde nemtsam chuditsya fort... [Where the Germans see a fort ...] // *Izvestiya*. — 1942. October 28. — S. 2.
17. *Kruger E.* Otvet Stalingrada [The answer of Stalingrad] // *Izvestiya*. — 1943. January 17. — S. 4.
18. *Kruger E.* Stalingradskie ulitsy [Stalingrad streets] // *Izvestiya*. — 1942. November 1. — S. 2.
19. *Kruger E.* Eto — Stalingrad! [This is Stalingrad!] // *Izvestiya*. — 1942. October 25. — S. 2.
20. *Mikhaylov K.* Mamaev kurgan [Mamaev kurgan] // *Izvestiya*. — 1943. January 27. — S. 3.
21. *Polevoy B.* Dom 21/a [House 21/a] // *Pravda*. — 1942. October 14. — S. 2.
22. *Polevoy B.* Stena Stalingrada [The Wall of Stalingrad] // *Pravda*. — 1942. October 23. — S. 2.
23. *Poltoratskiy V., Ruzov M.* Severo-zapadnee Stalingrada [North-west of Stalingrad] // *Izvestiya*. — 1942. August 30. — S. 1.
24. *Simonov K.* Dni i nochi [Days and nights] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. September 24. — S. 3.
25. *Sobolev L.* Udar za udarom [Blow by blow] // *Pravda*. — 1943. January 24. — S. 3.
26. *Stoyko zashchishchat' kazhduyu ulitsu Stalingrada* [Staunchly defend every street of Stalingrad] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. September 22. — S. 1.
27. *Tolstoy A.* Chernye dni gitlerovskoy armii [The Black days of the Hitlerite army] // *Izvestiya*. — 1943. January 28. — S. 3.
28. *Civ'yan T.V.* Dom v fol'klornoj kartine mira // *Trudy po znakovym sistemam*. Tartu. — 1978. — Vyp. 10. — S. 65–85.
29. *Erenburg I.* Bit' i bit'! [Beat and beat!] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. September 10. — S. 3.
30. *Erenburg I.* Nastuplenie prodolzhaetsya [The offensive continues] // *Krasnaya zvezda*. — 1942. November 27. — S. 2

УДК 372. 882

DOI 10.24412/2408-9451-2023-1-50-54

О. В. ОСИНА*

ПОДВИГ СОЗИДАНИЯ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Сталинград — символ стойкости и мужества нашего народа, начала коренного перелома в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Сталинград — один из наиболее пострадавших от военных действий городов. В статье на основании архивных материалов реконструируются планы восстановления города после завершения Сталинградской битвы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, восстановление, воинский подвиг, трудовой героизм.

В 2023 году исполняется восемьдесят лет со дня победы советских войск в Сталинградской битве — ключевом сражении Второй мировой войны, изменившем ход мировой истории.

Историческая судьба Сталинграда удивительна. Это история идей и устремлений, желаний, которые становились мобилизационной и вдохновляющей силой для нескольких поколений людей нашей страны. Начиная с 1925 года, когда Поволжский Царицын переименовывают в Сталинград, город становится настоящим полигоном для материального претворения в жизнь социалистических представлений об идеальном городе. Выгодное экономико-географическое положение, развитие водного и железнодорожного транспорта, весомый удельный вес предприятий общесоюзного значения позволили считать Сталинград одним из наиболее важных стратегических центров страны [1].

О том, как происходил процесс становления г. Сталинграда — социалистического города, можно узнать из Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 21 апреля 1933 г. Город делился на четыре района (Металлистов, Центральный, Химиков, Красноармейский). Именно от этого разделения на районы зависело размещение промышленных площадок (Металлистов — металлообрабатывающие предприятия, Центральный — предприятия лёг-

* Ольга Владимировна Осина — кандидат исторических наук, главный специалист Отдела изучения и подготовки к публикации архивных документов, Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ; Москва, Российская федерация); olgavlshenk@rambler.ru

кой и деревообрабатывающей промышленности, Химиков — химической и лесообрабатывающей промышленности, Красноармейский — предприятия судостроительной промышленности). Основная железнодорожная сортировочная станция и порт размещались в районе Красноармейска. Основной административный и социально-культурный центр — в Центральном районе. Предполагаемое расчётное количество населения — 730 тыс. человек. Любопытно и то, как должно было проходить расселение жителей по районам. 250 тыс. — Металлистов, 300 тыс. — Центральный, 100 тыс. — Химиков, 80 тыс. — Красноармейский. Рассчитывались размеры районов, сколько будет отведено площади под жилые кварталы, сколько под промышленные сооружения. Было принято решение о переносе за черту города нефтяных и лесозаготовочных предприятий [2].

К 1941 г. в городе имелась хорошо развитая городская инфраструктура. К услугам жителей было четыре театра: областной драматический, музыкальной комедии, юного зрителя, кукольный; два цирка (летний и зимний); областная филармония; 14 кинотеатров; библиотеки; клубы; два музея. В образовательно-педагогической сфере имелись 119 детских яслей; 124 школы; семь техникумов; училища специального назначения, среди которых были: медицинское, музыкальное, художественное; четыре института: механический, педагогический, медицинский, учительский.

В транспортной инфраструктуре города важное место занимал трамвай, имевший в 1941 г. 143 пассажирских и 35 грузовых вагонов, 2 трамвайных парка, общую протяжённость эксплуатационной линии 80 км, перевозивший за год до 100 млн. человек [3].

7 октября 1942 г. Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Сталинградской области И. Ягодкин информирует Председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) А. А. Андреева о том, что в связи с приближением фронта непосредственно к г. Сталинграду обстановка в области крайне осложнилась. 23 августа из-за слабой подготовки города к обороне немецкая авиация бомбила и поджигала город. В первые дни бомбёжки были выведены из строя все заводы, водопроводы, электростанции. Поджоги охватили буквально все улицы и кварталы центрального района города.

Ужасно обстояли дела с эвакуацией жителей. Было вывезено всего около 5500 подростков в возрасте от 14 до 17 лет. Большинство городского населения под разными предлогами отказались от эвакуации. В Сталинграде осталось около 200 тыс. человек мирного населения [4].

После успешного контрнаступления Штаб Донского фронта 2 февраля 1943 г. в 18:30 доложил: «закончен разгром и уничтожение окружённой сталинградской группировки противника». Территория площадью 1400 кв. км была полностью очищена. Было захвачено в плен 91 тыс. солдат, 2500 офицеров и 24 генерала [5].

В таких условиях председатель городского комитета обороны, секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) Алексей Семёнович Чуянов и председатель исполкома Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся Иван Фёдорович Зименков, через газету «Сталинградская правда», 3 февраля 1943 г. обратились к рабочим, служащим, интеллигенции, ко всему населению города с призывом возродить Сталинград.

4 апреля 1943 г. Постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) было принято решение «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и Сталинградской области». Конечно, первоочередной задачей было восстановление Сталинградского тракторного завода им. Дзержинского и металлургического завода «Красный Октябрь», лесозавода им. Ермана.

Наркомстройматериалов СССР обязали организовать производство деревянных строительных деталей и других материалов. Наладить поставку угля, мазута. Решался вопрос с хранением и транспортировкой зерна. В кратчайшие сроки планировалось восстановить хлебозавод-автомат № 5. Решения требовали вопросы сельского хозяйства, утверждение плана посевных площадей.

Постановлением ГКО Совет народных комиссаров РСФСР должен был организовать в составе Наркомхоза РСФСР «Управление по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства г. Сталинграда». В первую очередь восстановлению подлежали: Дом Советов, Дом связи, автоматическая телефонная станция, драматический театр, гостиница, универмаг, больница, родильный дом, поликлиника, бани и прачечные. Планировалось выделить на цели восстановления городского хозяйства Сталинграда 102 млн рублей. 300 квалифицированных рабочих из других областей переводились для проведения этих работ.

В апреле 1943 г. планировалось оборудовать 2,5 тыс. больничных коек, откомандировать 175 врачей. К 1 сентября восстановить 8 школ в городской черте, по Сталинградской области — 25 школ. На эти мероприятия отпускалось 12 млн рублей [6].

Особенно важным является восстановление жилищно-коммунального хозяйства. В развитие предыдущего решения от 4 апреля 1943 г. СНК СССР 22 мая 1943 г. постановил: обязать Комитет по учёту и распределению рабочей силы при Совнаркоме СССР направить во 2-м квартале 1943 г. в Сталинград 3000 человек рабочих разных специальностей и квалификации (по области 5000 человек). Предлагалось освободить от призыва мобилизованных на восстановление города. И если в постановлении от 4 апреля говорилось, что восстановление города должно проходить по утверждённому генеральному плану г. Сталинграда, то уже 22 мая постановлением СНК СССР Совнаркому РСФСР разрешалось вносить изменения в утверждённый генеральный план города, улучшающие планировку города [7].

На заседании XV пленума Сталинградского обкома ВКП(б) (29–30 мая 1944 г.) слушали доклад секретаря обкома А. С. Чуянова «О ходе жилищного и культурно-бытового строительства в г. Сталинграде». Сталинграду были нанесены колоссальные жилищно-коммунальные и культурно-бытовые разрушения. Полностью были уничтожены 1210 многоэтажных и 3866 малоэтажных жилых домов. Разрушено 2 музея, 46 зданий больниц, 88 школ, 7 театров и прочих жизненно необходимых объектов инфраструктуры. За период 1943 г. удалось восстановить и построить 11 093 дома, в которых заселились 111 522 человека. Было восстановлено 33 административных здания, 40 школ, 21 здание больниц и поликлиник, 12 бань и других культурно-бытовых зданий [8].

Наркомхозу РСФСР и Академии архитектуры СССР поручалось привлечь академиков архитектуры К. С. Алабяна, Б. М. Иофана, А. В. Щусева к составлению проектов строительства Дома Советов и т. д. [9]

В РГАНИ хранятся предложенные архитекторами проекты восстановления г. Сталинграда. В августе 1943 г. Борис Михайлович Иофан — лауреат Сталинской премии второй степени (1941 г.), один из ведущих представителей сталинской архитектуры, автор неосуществлённого проекта Дворца Советов, предложил свой проект Дворца Советов, а в феврале 1944 г. Алексей Викторович Щусев — русский и советский архитектор, академик архитектуры (1910), академик АН СССР (1943), предложил свой проект. Это является подтверждением того, что Сталинград — важный стратегический центр, ведь вопросами восстановления города начали заниматься ещё до окончания войны.

Возвратимся к планированию города. Уже было отмечено постановление СНК СССР от 22 мая 1943 г. и разрешение на изменение генерального плана города. Постановлением СНК РСФСР от 6 февраля 1944 г. «О планировке г. Сталинграда» утверждалась схема планировки города, которую было необходимо согласовать с Академией архитектуры СССР не позднее 1 марта 1944 г. Планируя размещение объектов строительства, требовалось не допустить стихийной застройки города [10].

Докладная записка председателя Совета народных комиссаров РСФСР А. Н. Косыгина и председателя Комитета по делам архитектуры при СНК СССР А. Г. Мордвинова заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотову, датированная 25 июля 1944 г., свидетельствует о новой планировке города Сталинграда. Госпланом СССР было установлено расчётное количество населения в 650 тыс. человек. Предусматривался вывод вредных предприятий из жилых районов, изменялись транспортные узлы. 9 кв. метров были приняты за расчётную норму жилой площади на одного человека [11].

Вопрос «О планировке г. Сталинграда» обсуждали на заседании бюро Сталинградского обкома ВКП(б) 31 июля — 7 августа 1944 г. Размещение бетонных и металлургических заводов считать временным, занимаемую ими территорию в дальнейшем планировалось освободить под жилые кварталы. Комиссия по установлению исторических памятников и мест, с последующим направлением этих материалов Академии архитектуры для отражения в проекте планировки г. Сталинграда [12].

Важным было восстановить жилой фонд разрушенных городов. В постановлении СНК СССР от 28 сентября 1945 г. говорилось о том, что недопустимо дальнейшее проживание населения в землянках. Совнаркомы автономных республик районов РСФСР, подвергавшихся оккупации, были обязаны организовать в кратчайшие сроки строительство новых и восстановление разрушенных жилых домов. По Сталинградской области планировалось построить 1054 дома для колхозника, и выделить на это из Красной армии 10 специалистов — инженеров и техников-строителей [13].

Мобилизация необходимых материальных, финансовых, трудовых ресурсов, а также их эффективное использование позволило проводить весьма успешное восстановление разрушенного хозяйства сразу же после освобождения оккупированных врагом территорий.

Задачи, которые были поставлены перед страной по возрождению Сталинграда, были успешно выполнены.

СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 61. Д. 271. Л. 90.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-259. Оп. 17. Д. 68.
3. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 5. Д. 4. Л. 11.
4. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 597. Л. 9–19.
5. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 440. Л. 128, 129.
6. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 272. Л. 50–69.
7. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 272. Л. 76–83.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 44. Д. 1321. Л. 2–10.
9. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 272. Л. 76–83.
10. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 46. Д. 748. Л. 58–59.
11. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 46. Д. 748. Л. 67–69.
12. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 44. Д. 1332. Л. 109(a), 110, 137–140.
13. РГАНИ Ф. 3. Оп. 31. Д. 16. Л. 156–178.

REFERENCES

1. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii (RGANI). F.3.Op.61.D.271.L.90
2. Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj federacii (GA RF). F. A-259. Op.17. D.68
3. Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO). F. 71. Op. 5. D. 4. L. 11
4. RGANI. F.6.Op.6.D.597.L.9-19
5. RGANI. F.3. Op. 50. D. 440. L.128,129
6. RGANI. F.3.Op.61.D.272.L.50-69
7. RGANI. F.3.Op.61.D.272.L.76-83
8. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F.17. Op.44.D.1321.L.2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10
9. RGANI. F.3.Op.61.D.272.L.76-83
10. GA RF. F.R-5446. Op.46. D.748. L.58-59
11. GA RF. F.R-5446. Op.46. D.748. L.67-69
12. RGASPI F.17.Op.44.D.1332.L.109(a), 110, 137, 138, 139, 140
13. RGANI F.3.Op.31.D.16.L.156-178

К. С. ДРОЗДОВ*

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ АН СССР: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ДОКУМЕНТИРОВАНИЮ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

В статье представлена краткая история работы сотрудников «Комиссии Минца» по сбору интервью в 1943 г. у активных участников Сталинградской битвы — командиров, политработников и бойцов 62-й армии и её соединений. На примере бесед с В. И. Чуйковым, Н. И. Крыловым, Л. Н. Гуртьевым, И. М. Брысиным и другими воинами предпринята попытка провести подробный сравнительно-исторический анализ сталинградских стенограмм бесед, собранных сотрудниками комиссии, и дневниковых записей В. С. Гроссмана из его записных книжек, в которых писатель кратко фиксирует беседы и свои впечатления от встреч с этими же самыми людьми осенью–зимой 1942 г.

Ключевые слова: Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР, Сталинградская битва, И. И. Минц, стенограммы бесед, В. С. Гроссман, дневники.

В конце декабря 1942 г., когда ещё шли ожесточённые бои с окружённой в Сталинграде 6-й немецкой армией Ф. Паулюса, из Москвы на фронт выехали сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Президиуме АН СССР, чтобы записать интервью с непосредственными участниками Сталинградской битвы. Комиссия эта была создана буквально год назад, в декабре 1941 г., когда только-только началось советское контрнаступление под Москвой. Её сотрудники во главе с научным руководителем — историком И. И. Минцем — должны были записывать интервью с бойцами, командирами и политработниками, отличившимися в ходе обороны Москвы. В период с января по начало июля 1942 г. ими были записаны первые интервью: с командующим 5-й армией Западного фронта Л. А. Говоровым, лётчиками-истребителями из 1-го и 12-го гвардейских авиаполков, кавалеристами из частей Л. М. Доватора и П. А. Белова, танкистами М. Е. Катукова, а также с оставшимися в живых бывшими московскими ополченцами, партизанами Подмосковья¹.

¹ Подробнее об истории создания Комиссии и её деятельности в годы войны см.: [1].

Но война продолжалась, второй год войны начался вновь с тяжелейших поражений Красной Армии на юге советско-германского фронта — под Харьковом, в Крыму и Севастополе. Советские войска стремительно отступали от Северского Донца к нижнему течению Дона и к Волге, от Севастополя к предгорьям Северного Кавказа.

В середине июля 1942 г. начались бои в большой излучине Дона, на дальних подступах к Сталинграду. Осенью стало понятно, что у стен Сталинграда разыгрывается грандиозное сражение, от исхода которого во многом будет зависеть весь ход дальнейших событий не только на восточном фронте, но и в целом во Второй мировой войне. И. И. Минц решил, что нужно, не теряя времени, начинать опрашивать участников сталинградских боёв и записывать с ними интервью. Но пока на Волге шла ожесточённая битва, историкам попасть в Сталинград не было никакой возможности. Тогда сотрудники комиссии решили провести беседы с защитниками Сталинграда, находившимися на излечении в госпиталях Москвы и Подмосковья. Так во второй половине ноября — начале декабря 1942 г. были записаны первые интервью с отличившимися воинами из 35-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии Сталинградского фронта: Героем Советского Союза политруком Иннокентием Петровичем Герасимовым (1918–1992) и его однополчанами из 101-го гвардейского стрелкового полка. Тем самым в комиссии было положено начало записей интервью с участниками Сталинградской битвы.

О том, какой ад пришлось пережить в Сталинграде командирам и бойцам дивизии, рассказал в своём интервью от 17 декабря 1942 г. командир 101-го гвардейского стрелкового полка подполковник Александр Акимович Герасимов (однофамилец И. П. Герасимова и его однополчанин). В августе-сентябре 1942 г. дивизия вела бои на ближних подступах к Сталинграду, а затем в самом городе, где несколько дней держала оборону в районе элеватора. 8 сентября в бою погиб командир дивизии В. А. Глазков. По данным командующего 62-й армией В. И. Чуйкова, вся 35-я гвардейская стрелковая дивизия к 12 сентября насчитывала не более 250 боеспособных солдат (активных штыков). Два полка дивизии к этому времени были фактически уничтожены, оставшиеся бойцы были влиты в полк А. А. Герасимова. Полк удерживал некоторое время позиции возле элеватора на южной окраине Сталинграда, но 20 сентября был окружён со всех сторон противником. От нового командира дивизии подполковник Герасимов получил приказ прорваться со своими людьми через немецкие позиции и выйти к командному пункту дивизии в устье реки Царицы. Об этом прорыве командир полка так говорил в своём интервью: «Это был самый интересный бой. Сейчас бы я его не повторил. Это был самый тяжёлый, кризисный момент, думаю: не буду жив, люди придут, расскажут» [4, 455]. Из всего пережитого им в Сталинграде А. А. Герасимов в интервью вспоминает со всеми подробностями именно этот ночной бой по прорыву окружения:

Когда я выбежал вперёд, все красноармейцы и комсостав бросились за мной. Всё сразу перемешалось: и немцы, и наши в рукопашной схватке. Уже

* Константин Сергеевич Дроздов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник/заведующий научным архивом Института российской истории РАН (ИРИ РАН) (Москва, Российская Федерация); k-drosdow@yandex.ru

началась штыковая схватка. Темно было: подбегает, видит — свои, бежит дальше. Если в куртке, значит, немец. Тут и гранаты в ход пошли. Они очень сыпали в нас гранатами ручными, но и мы крепко били. Тут мы побили их больше ста человек. Всё перемешалось, не поймёшь ничего. Кто кричит: «За родину!», кто кричит: «За Сталина!», кто матерится. Я всё время кричал: «Вперёд, от меня не отставать, не отставать, ближе к Волге!». У немцев визг пошёл, раненые стонут. Наши говорят: «Я ранен, меня захватите». Немцы орут раненые. Какой-то кошмар был.

Когда я пошёл в атаку, огонь из винтовок и автоматов прекратился со стороны немцев, начался бой только ручными гранатами и штыковая схватка, видимо, не заряжено оружие было, патроны израсходовали, а в атаке некогда перезаряжать. Тут и наши патроны были на исходе. Помню, у одного лейтенанта от ППШ оторвался ремень, он берёт его за конец и по головам лупит. Немцы бросились бежать. Мы — за ними. Сзади меня пристроился один немец и бежит. Старший лейтенант Кулинич говорит:

— Товарищ командир, немец.

Я как из автомата дал, тот повалился. Немец бежал даже без винтовки. Здесь погиб младший лейтенант Паничкин.

Когда я бросил две гранаты, вижу, что начинается такая схватка, выхватил третью гранату из кармана, взял пистолет в левую руку, взвёл гранату. Там была ещё группа человек 5–8 немцев. Только развернулся, хотел бросить гранату, немец бросил ручную гранату, и она мне попала в грудь. До разрыва от неё какая-то искра появляется, детонатор горит. Она отскочила от груди, метрах в пяти стукнулась. Я только успел закрыть лицо руками. Нужно было лечь, но я немножко растерялся. В это время произошёл взрыв, граната ударила меня в предплечье правой руки — два осколка — и в левую ногу выше колена.

В это время комиссар крикнул: «Ура!», и в этот момент ему в рот влетела пуля, задела язык, сшибла зубы и вышла в подбородок. Вторая пуля попала в левую скулу. Он крикнул мне:

— Александр Акимович, я ранен!

Я говорю:

— Я тоже ранен. Ты можешь идти?

— Могу.

— Давай выходи, а я буду вытягивать людей.

Старший лейтенант Кулинич тоже крикнул, что ранен <...>

Я раненый руководил боем минут 40 без перевязки. Выбежал, часть людей уже вышли, а часть ведёт бой. Я выбежал к матросам. Встретил меня командир станково-пулемётного взвода из 92-й бригады. Спрашивают, где люди. Собрали человек 18 людей, направил обратно с командиром взвода. Они вернулись назад, вступили в бой и под прикрытием этих людей вывели остальных и вытащили всех раненых.

Тут я почувствовал себя слабым, потому что минут 40 без перевязки прошло. Кричу, а глотка сохнет после ранения, пить хочется. Мне матрос принёс в каске воды, она пахнет нефтью, так я почти полную каску выпил воды. Тут вызвали лекпома (лекарского помощника), меня перевязали. Наши соединились со своими. Мы стали отходить на командный пункт дивизии. Я уже идти не мог. Меня и комиссара тащили на руках. Пришёл на командный пункт, доложил командиру дивизии о том, что штаб отошёл. Докладывал через посыльного, потому что идти туда нужно было ещё с полкилометра. Получил разрешение эвакуироваться немедленно за Волгу, а всех людей передать в распоряжение старшего лейтенанта Павлова. С этого времени дивизия пошла на отдых — 25-го, а я раненый уехал 23-го числа в саратовский госпиталь. Первую ночь я всё время воевал на койке [4, 460–463].

Вскоре И. И. Минцу удалось положительно решить вопрос в Главном политическом управлении (ГЛАВПУ) РККА о выезде на Сталинградский фронт сотрудников комиссии. Ещё 8 декабря 1942 г. он направил в адрес заместителя начальника ГЛАВПУ РККА генерал-майора И. В. Шикину письмо с соответствующей просьбой:

Комиссия по истории Великой Отечественной войны просит Вас дать командировку на Сталинградский фронт для сбора материалов по истории 35 гвардейской с. д., Латышской гвардейской дивизии¹ и других соединений научным сотрудникам Комиссии: 1. Герою Советского Союза гвардии политруку Герасимову Иннокентию Петровичу. 2. Учёному секретарю т. Белкину Абраму Александровичу. 3. Стенографистке Комиссии т. Шамшиной Анастасии Ивановне. Тов. Герасимов является участником боёв 35 гвард. дивизии и прикомандирован ГЛАВПУ РККА к Комиссии. Тов. Белкин — старший научный сотрудник, неоднократно выезжал в воинские части, выполняя однородные задания Комиссии. Тов. Шамшина — стенографистка, допущенная к секретным материалам².

В результате первая группа сотрудников в составе учёного секретаря Комиссии / старшего научного сотрудника А. А. Белкина, стенографистки А. И. Шамшиной и Героя Советского Союза политрука И. П. Герасимова, который на месяц был прикреплен к Комиссии Минца, выехала на фронт 25 декабря 1942 г., вернулись они в Москву 17 января 1943 г.³ В одном из писем в ГЛАВПУ РККА в конце января 1943 г. по поводу продления сроков командировки И. Н. Герасимову, прикомандированному к Комиссии, А. А. Белкин сообщал, что «выезд произошёл не 20.XII.42 г., а 25.XII.42 г. ввиду ожидания самолёта. В Политуправление фронта мы приехали лишь 30.XII.42 г. Затем, по указанию командующего фронтом генерал-полковника т. Ерёменко, мы побывали не только в 62-й армии, но и в 64-й, что увеличило задержку ещё на несколько дней»⁴.

А буквально через месяц, 18 февраля 1943 г., Минц написал письмо начальнику политуправления Сталинградского фронта генерал-майору Чекалину⁵ о выезде из Москвы для сбора интервью второй группы научных сотрудников:

¹ Здесь И. И. Минц ошибался, 201-я (затем 43-я гвардейская) Латышская стрелковая дивизия в Сталинградской битве участия не принимала.

² Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 78.

³ См. приказы по Комиссии № 35 от 28 декабря 1942 г. и № 38 от 19 января 1943 г. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 34. Л. 103, 100.

⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 96.

⁵ На самом деле, М. В. Чекалин не был начальником политуправления Сталинградского (с 1 января 1943 г. — Южного) фронта, он занимал должность начальника отдела пропаганды и агитации политуправления фронта. Кроме того, он состоял в звании полковника, а не генерал-майора, как ошибочно указывал в письме Минц. Но эта путаница со званиями вполне объяснима, так как именно в это время после упразднения института военных комиссаров и соответствующих званий военно-политического состава (приказ НКО № 307 от 09.10.1942 г.) в армии и на флоте происходила постепенная переаттестация политработников всех уровней, когда им присваивались новые воинские звания.

В январе сего года в частях Вашего фронта работала наша бригада по сбору материалов о героической обороне Сталинграда. По возвращении бригады я доложил о результатах её работы начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) тов. Александрову, который предложил продолжить эту работу. Направляю к Вам научных сотрудников — д.и.н. профессора Генкину Э. Б., научного сотрудника капитана Белецкого П. И., прикомандированного Резервом ГлавПУ РККА, и стенографистку (засекреченную) Рослякову О. А. для продолжения собирания материалов в воинских частях, оборонявших Сталинград. Позволю себе поблагодарить Вас за приём и помощь в работе первой бригады¹.

В этот же день аналогичного рода письмо было направлено и в адрес первого секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) А. С. Чуюнова. В нём, в частности, сообщалось:

На Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) возложена работа по собиранию материала по истории Отечественной войны. По распоряжению тов. Александрова, председателя Комиссии², направляем в Вашу область бригаду в составе научных сотрудников: доктора исторических наук, профессора Э. Б. Генкину, научного сотрудника, прикомандированного к Комиссии Резервом ГлавПУ РККА, капитана П. И. Белецкого и стенографистку (засекреченную) О. А. Рослякову. В задачи Комиссии входит собирание материалов по героической обороне Сталинграда и участию в ней партийных и советских органов, а также населения Сталинграда³.

Как свидетельствуют приказы по Комиссии, вторая группа сотрудников находилась в командировке в Сталинграде с 20 февраля по 10 марта 1943 г.⁴

В ходе этих поездок в Сталинград были взяты интервью у командования 62-й армии, включая её легендарного командарма В. И. Чуйкова, а также у наиболее отличившихся командиров дивизий, таких как А. И. Родимцев (13-я гв.), Н. Ф. Батюк (284-я), И. И. Людников (138-я), С. С. Гурьев (39-я гв.), В. П. Соколов (45-я) стрелковые дивизии. Кроме того, сотрудникам комиссии удалось опросить также командование соседней 64-й армии, включая командующего М. С. Шумилова, а также командиров 38-й мотострелковой бригады (И. Д. Бурмаков), 36-й гв. (М. И. Денисенко) и 38-й (Г. Б. Сафиуллин) стрелковых дивизий 64-й армии, которые проявили себя в ходе уничтожения окружённой группировки противника в январе 1943 г., в том числе во время пленения командующего 6-й немецкой армией Ф. Паулюса.

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 207.

² Формально руководителем Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Президиуме АН СССР значился Г. Ф. Александров, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), доктор философских наук, но фактически всей текущей научно-организационной работой занимался на всём протяжении существования Комиссии его заместитель — член-корреспондент (и будущий академик) И. И. Минц (1896–1991). Поэтому историки Комиссию часто называют «Комиссией Минца».

³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 208.

⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 34. Л. 89. Однако лётчики-истребители 102-го авиаполка, как следует из титульного листа стенограммы беседы с ними, были опрошены Генкиной и Росляковой 16 марта 1943 г. Значит, по всей видимости, командировка в Сталинград второй группы сотрудников Комиссии была продлена как минимум на неделю.

Однако некоторых командиров дивизий, прославившихся в обороне Сталинграда, сотрудники комиссии уже не застали на месте: их части были выведены в резерв на переформирование. Так, И. И. Минц в письме от 17 апреля 1943 г. на имя генерал-майора Л. Н. Гуртьева писал следующее:

Уважаемый товарищ Гуртьев! По указанию ГЛАВПУ РККА Комиссии по истории Великой Отечественной войны поручено создать историю обороны Сталинграда и в первую очередь историю 62-й Армии. Для собирания материалов нами были посланы в декабре и в январе 1942–43 гг. научные сотрудники в 62-ю армию, застенографировавшие и Военный Совет армии, и большинство командиров дивизий. Однако Вас в декабре месяце в Сталинграде уже, к сожалению, не застали¹. Поэтому обращаемся к Вам с большой просьбой: если у Вас найдётся хотя бы час свободного времени — зайти в Комиссию по истории Великой Отечественной войны для того, чтобы застенографировать Ваши воспоминания о боевых делах дивизии и договориться о формах создания истории Вашей доблестной части. Наш адрес: Москва, ул. Коминтерна, д. 9².

В итоге уже в начале мая 1943 г. научный сотрудник комиссии П. М. Федосов и стенографистка М. П. Лапутина выехали в 10-дневную командировку в д. Лаптево Тульской области, где в это время на отдыхе и переформировании находилась 308-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Л. Н. Гуртьева, и записали несколько десятков интервью с военнослужащими этой части, включая и её комдива, который через три месяца погибнет на Курской дуге. И. И. Минц в письме от 11 мая 1943 г. на имя генерал-майора Л. Н. Гуртьева писал следующее:

Уважаемый товарищ Гуртьев! Направляем к Вам научного сотрудника Комиссии по истории Великой Отечественной войны майора т. Федосова и стенографистку т. Лапугину М. П. для застенографирования Вашего рассказа о боевом пути дивизии и её героическом участии в обороне Сталинграда. Тов. Федосов имеет также задачу застенографировать по Вашему указанию некоторых участников сталинградской обороны вашей дивизии. Это послужит первоначальным материалом для создания истории боевого пути вашей дивизии. Просим Вас оказать т. Федосову содействие в его работе³.

Наконец, в начале июня 1943 г. три сотрудника комиссии, прикомандированные к ней Наркоматом военно-морского флота, выехали в штаб Волжской военной флотилии (ВВФ) для записи интервью с моряками, которые принимали участие в Сталинградской битве.

Комиссия по истории Великой Отечественной войны по заданию директивных органов приступила к сбору материалов по героической обороне Сталинграда. Для сбора материала об участии Волжской военной флотилии мы направляем к Вам прикомандированных приказом Народного Комиссара ВМФ к Комиссии капитанов административной службы Мазунина Н. П.,

¹ 3 ноября 1942 года 308-я стрелковая дивизия передала оборону завода «Баррикады» 138-й стрелковой дивизии и была выведена во второй эшелон на отдых и доукомплектование. За образцовое выполнение боевых заданий командования в битве на Волге 308-я стрелковая дивизия награждена орденом Красного Знамени.

² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 256–256 об.

³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 4. Оп. 1. Д. 24. Л. 280.

Дивина В. А. и старшего лейтенанта Криницына Ф. С. Просим Вас оказать содействие в сборе материалов: 1) О действиях Волжской военной флотилии в период Сталинградской эпопеи. 2) О боевой деятельности Гвардейских и Краснознамённых кораблей и частей ВВФ. 3) Стенографирование и запись воспоминаний участников обороны Сталинграда по Вашему указанию <...>», — писал И. И. Минц в письме от 7 июня 1943 г. на имя командующего Волжской военной флотилией контр-адмирала Ю. А. Пантелеева¹.

За эти две поездки на фронт — с января по март 1943 г. (с учётом также майской командировки в 308-ю стрелковую дивизию) — научные сотрудники Комиссии Минца записали 130 стенограмм с военнослужащими тринадцати стрелковых дивизий, одной моторизованной бригады, одного механизированного корпуса и одной авиационной дивизии. В числе первых проинтервьюированных были командующие 62-й и 64-й армий В. И. Чуйков и М. С. Шумилов. Большинство опрошенных военнослужащих принадлежали к старшему и среднему командному составу. Были проинтервьюированы также 12 сержантов и рядовых. А всего (с учётом июньских командировок сотрудников Комиссии в штаб Волжской военной флотилии и в Сталинградский обком партии²) им дали интервью 215 участников и свидетелей Сталинградской битвы, в том числе моряки нескольких гвардейских катеров, ответственные партийные и советские работники г. Сталинграда, рабочие и инженеры сталинградских заводов [См.: 4, 132–133, 141].

Стенограммы бесед с защитниками Сталинграда начинались, как правило, с просьбы сотрудников Комиссии рассказать свою биографию: детство, образование, этапы трудовой деятельности, начало войны и призыв в армию. Затем следовало подробное описание боевого пути военнослужащего в Сталинградской битве.

«Историки в Сталинграде не ставили себе задачу охватывать как можно больше свидетелей: их целью было плотное изображение боевых действий с максимальным стереоскопическим эффектом. Поэтому они сосредоточили своё внимание на трёх армиях (62-й, 64-й и 57-й), которые ещё со времён отступления в донских степях летом 1942 г. были соседями. На уровне дивизий, полков, а в нескольких случаях и рот историки брали интервью у нескольких военнослужащих одной и той же части, так что вместе эти беседы складывались в единую картину событий, изображённую с нескольких точек зрения. Главная событийная канва — ход битвы в целом, а также местные бои и другие события — повторялась из беседы в беседу, но с разными индивидуальными перспективами и акцентами» [4, 133].

В целом за время войны (и первые два послевоенных года) сотрудники комиссии провели около пяти тысяч интервью с военнослужащими, партизанами и гражданскими лицами. Коллекция сталинградских интервью стала одной из самых больших в архиве Комиссии, уступая по количеству лишь стенограммам, в которых были зафиксированы беседы с участниками битвы за Москву. Самые короткие из застенографированных и затем перепечатанных интервью умещаются на двух-трёх страницах; объём большей

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 4. Оп. 1. Д. 24. Л. 297.

² Речь идёт о научной командировке капитана П. И. Белецкого в Сталинградский обком ВКП(б), которая проходила с 6 по 30 июня 1943 г.

части стенограмм составляет от 8 до 15–20 страниц, в некоторых случаях он достигает даже 30 страниц. При этом одни опрошенные говорили только о периоде боёв под Сталинградом, другие рассказывали более пространно — о своей довоенной жизни, о том, как они попали на войну. «Это разнообразие отвечало пожеланиям историков, потому что от них требовалось показывать “живого человека”, не стричь всех под одну гребёнку» [4, 135]. «Одна из особенностей метода интервьюирования, избранного московскими историками, состояла в том, что они опрашивали по несколько представителей одной и той же дивизии, полка или завода. Таким образом, они создали значительное количество стенограмм, которые в совокупности освещали то или иное локальное событие очень полно и подробно» [4, 142].

Приведём несколько фрагментов сталинградских интервью, взятых сотрудниками Комиссии Минца в это время. Из стенограммы беседы с командующим 62-й армией генерал-лейтенантом В. И. Чуйковым, 5 января 1943 г., Сталинград. Беседу проводит учёный секретарь комиссии А. А. Белкин, стенографирует А. И. Шамшина. Командующий рассказывает о самых тяжёлых, на его взгляд, днях в ходе обороны города в октябре 1942 г:

Самый ужасный момент в обороне Сталинграда был после выступления Гитлера, когда Риббентроп и др. объявили, что Сталинград будет и должен быть взят 14 октября. Он пять дней готовился. Это мы чувствовали, знали, что он подвёл свежие танковые дивизии, сосредоточил на участке двух километров новые дивизии, и до этого он утюжил так самолётами и артиллерией, что дышать невозможно было. Вот мы сидели в балке. Он нас бомбил, расстреливал, жечь начал, знал, что там командный пункт армии. Там было штук 8 бензобаков. Всё это разлилось. У начальника артиллерии по блиндажу нефть полилась. Всё вспыхивает, и Волга на километр горит по берегу. Три дня был сплошной пожар. Мы боялись задохнуться, угореть: придёт и живыми заберёт. Перескочили на другой КП. Ближе к его главному удару. Там держались. <...> Я много в жизни пережил бомбёжек, артиллерийских подготовок и проч., но 14-е число у меня останется в памяти. Отдельных разрывов не слышно, самолётов никто не считает, но, главное, выходишь из блиндажа, в 5 метрах ничего не видишь, всё покрыто гарью, пылью, дымом [Цит. по: 4, 393–394].

Или рассказ о первых днях ожесточённых боёв в Сталинграде командира 308-й стрелковой дивизии генерал-майора Л. Н. Гуртьева. 14 мая 1943 г., д. Лаптево Тульской области, беседу проводит П. М. Федосов, стенографирует М. П. Лапутина. В этом интервью командир дивизии вспоминает гибель своего 351-го стрелкового полка, который первым был переправлен из-под Котлубани (северо-западнее Сталинграда) на правый берег Волги в ночь на 1 октября 1942 г., а уже утром 2 октября начал наступление в заводском районе:

Рубеж всё время оставался один и тот же: правый берег реки Волги, несколько западнее завода «Баррикады». 351 полк занял рубеж — завод «Силикат». Наши полки были по 300–350 человек. Противник сосредоточил против них артиллерийский огонь, бомбил с самолётов, и они там сражались до последнего. Погиб комиссар Фролов¹. Маркелов, начальник штаба, остался

¹ В базе данных «Память народа» батальонный комиссар Фролов Н. А., 1922 г.р., значится убитым 2 октября 1942 г.

за командира полка ещё на Котлубани¹. Маркелов, как будто, жив. Я имею запрос о нём из отдела кадров и у меня есть письмо, по которому можно считать, что он остался жив².

Я лично сам выводил 351 полк на исходный рубеж ночью, когда мы ещё плохо ориентировались в местности. Правда, нам дали в штабе армии проводников от дивизии, которая там стояла. Сначала мы успешно продвигались вперёд и заняли силикатный завод целиком. Подошли уже к западным его стенам. Потом остановились после сильного огня противника, который перешёл в наступление. Целый день мы были под ураганным огнём противника, у нас потери были ещё с утра, и полк был утомлённый с марша. Много было в полку раненых. Последний человек, который прибежал ко мне на КП в магазине «Гастроном», был начальник связи. Прибежал перепуганный и доложил, что в полку все погибли. Я дал ему одного своего командира и направил назад к Маркелову с поручением. Он так и не вернулся. Потом это место занял 339 полк, и тут всё время шли бои — и днём, и ночью — с превосходящими силами противника³.

Чаще всего мы вели бой из окопов, выходя туда днём, если была возможность, но использовали также и стены, которые много нам помогли.

Все мы сохраняли полное спокойствие, и в самые тяжёлые моменты, когда нам казалось, что уже нет выхода, мы брали все свои автоматы и были наготове действовать до конца. Ни у кого и в мыслях не было уйти. Если смотрели на Волгу, то в ожидании оттуда пополнений и боеприпасов. Каждый сознавал чувство долга. Большое значение имело и то, что командующий армией был рядом с нами⁴. Бойцы часто ходили по берегу, не укрываясь, а девушки всегда

¹ В сентябре 1942 г. командиром 351-го стрелкового полка был майор Г. И. Савкин, который пропал без вести ещё в период с 18 по 26 сентября 1942 г. Вместо него командиром полка был назначен бывший начальник штаба полка И. С. Маркелов.

² В базе данных «Память народа» майор Маркелов И. С., 1906 г.р., значится раненым с 3 октября 1942 г. Других сведений о нём не имеется. В дневниковых записях В. С. Гроссмана также упоминаются все три человека: оба командира полка — Савкин и Маркелов, комиссар полка Фролов. «Фролов — комиссар у Савкина, погиб с полком. Савкин погиб под Котлубанью, а в Ст-де погиб Маркелов». — «Ночью со 2-го на 3-е они перешли в атаку на з-д Силикатный, весь полк Маркелова лёг — осталось 11 человек. К вечеру 3-его немцы заняли завод. Приказ был: ни шагу назад. Командир тяжело ранен, комиссар убит». См.: Гроссман В. С. Годы войны / сост. Е. В. Короткова-Гроссман; послесл. А. Бочарова. М.: Правда, 1989. С. 376, 390.

³ 3 октября 1942 г. во второй половине дня, на позиции 308-ой стрелковой дивизии обрушился мощный удар трёх немецких пехотных дивизий (94-й, 305-й и 389-й) и одной танковой (24-й), перешедших в наступление при поддержке значительного количества танков и артиллерии. В ходе ожесточённых и кровопролитных боёв дивизия понесла очень большие потери. 351-й стрелковый полк под командованием майора И. С. Маркелова был окружён противником, рассечён на несколько частей и уничтожен. Но даже в таких тяжелейших условиях бойцы, командиры и политработники полка, истекая кровью, отбивали яростные атаки гитлеровцев. Остатки личного состава 351-го полка, несколько десятков человек, которые смогли вырваться из окружения, были распределены затем между 339-м и 347-м полками. В дальнейшем 308-я стрелковая дивизия сражалась в Сталинграде двумя полками вместо положенных трёх. Подробнее о том, как формировалась 308-я стрелковая дивизия, как она сражалась на подступах и в самом Сталинграде см. опубликованные фрагменты интервью [4, 223–288].

⁴ Речь идёт о В. И. Чуйкове.

шутили. Кругом миномётный огонь, а они сидят и отдыхают — тяжело нести раненых. Не любили тех, кто побаивался¹.

А вот как вспоминал о пленении фельдмаршала Ф. Паулюса в здании бывшего универмага подполковник Л. А. Винокур, заместитель командира по политической части 38-й мотострелковой бригады. Сталинград, 28 февраля 1943 г., беседу проводит научный сотрудник Э. Б. Генкина, стенографирует О. А. Рослякова:

Захожу в кабинет с Ильченко, больше никого со мной нет. Круглый стол, четыре кровати. Радио, два телефона. Встречает меня Роске²: невысокий, худощавый такой, лет 44–45. Нервничает, видно. С правой стороны от него сидел генерал-лейтенант Шмидт³. Весь штаб сидит. Когда я вошёл, Роске встал, поздоровался со мною. Я ответил ему. Мне предложили раздеться. Я вошёл в полушубке. Правда, в комнате было жарко, но я отказался раздеться. Сказал, что нам не жарко. Потом начали разговаривать. Роске предупредил, прежде всего, что он ведёт переговоры не от имени фельдмаршала. Вот буквально первые его слова.

В комнате Паулюса было темно, грязь невероятная. Когда я вошёл, он встал, небритый недели две, встал обескураженный.

— Сколько ему лет, по-вашему? — спрашивает Роске.

Я говорю:

— 58.

— Плохо знаете. 53 года.

Я извинился. В комнате грязно. Лежал он на кровати, когда я вошёл. Как вошёл, он тут же встал. Лежал в шинели, в фуражке. Оружие своё он сдал Роске. Я это оружие потом передал Никите Сергеевичу⁴, когда он сюда приехал» [4, 354–355].

Но московские историки из Комиссии Минца не были первыми, кто записывал интервью с защитниками Сталинграда. За несколько месяцев до их приезда аналогичную работу провёл военный корреспондент и писатель В. С. Гроссман. На наш взгляд, интервью участников Сталинградской битвы, собранные сотрудниками Комиссии Минца в первой половине 1943 г., по своему содержанию и структуре наиболее близки сталинградским дневниковым записям и очеркам В. Гроссмана (осень–зима 1942 г.), который в течение трёх месяцев в качестве военного корреспондента «Красной звезды» неоднократно находился в охваченном боями Сталинграде на правом берегу Волги и беседовал с бойцами и командирами 62-й армии.

Свои очерки, в том числе и прославивший его на всю страну «Направление главного удара», В. Гроссман писал на основе своих дневниковых записей, которые он вёл в осаждённом городе. Так, в ноябре 1942 г. он опрашивал оставшихся в живых после месяца боёв на развалинах Сталинграда, смертельно уставших, бойцов, командиров и политработников 308-й стрелковой

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. . Оп. 71. Д. 1. Л. 4 об. — 5.

² Роске Фриц, генерал-майор, командир 71-й пехотной дивизии 6-й немецкой армии Ф. Паулюса, командующий южной группировкой немецких войск в Сталинграде. Звание генерала получил за несколько дней до сдачи в плен.

³ Шмидт Артур — генерал-лейтенант, начальник штаба 6-й армии.

⁴ Речь идёт о Н. С. Хрущёве, который был членом военного совета Сталинградского (с 1 января 1943 г. — Южного) фронта.

дивизии полковника Л. Н. Гуртьева¹. Эти записанные в его дневник беседы послужили основой для очерка, опубликованного в «Красной звезде» 25 ноября 1942 г. «Короткие фразы дневниковых заметок, обрамлённые в присущий военному времени пафос статьи, фиксировали суровую хронику тех дней: встречные бои за рабочие посёлки “Красный Октябрь” и “Баррикады”, сгинувший вместе с командиром и комиссаром в районе завода “Силикат” 351-й стрелковый полк, погибший в полном составе от попадания авиабомбы штаб 339-го стрелкового полка в Скульптурном парке» [3]. Вечной памятью о погибших героях 351-го стрелкового полка, который располагался на направлении главного удара наступающего противника и был уничтожен 3–4 октября 1942 г., стали слова из очерка Гроссмана, выбитые в 1960-е гг. на гранитных плитах мемориала на Мамаевом кургане в Волгограде: «Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли и шли вперёд, и снова чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?..»

Американский исследователь немецкого происхождения Йохен Хелльбек справедливо отмечает, что «репортаж Гроссмана не расходится с данными, которые получили историки в ходе интервью, и показывает, как тщательно этот журналист и писатель вплетал в свои тексты исторические свидетельства участников событий» [4, 289]. Кроме того, он предположил, что историки из Комиссии Минца были знакомы с очерком Гроссмана, и, «возможно, именно знакомство с этим текстом побудило их разыскать оставшихся в живых солдат 308-й стрелковой дивизии в апреле 1943 г.» [4, 289].

Если мы сравним стенограммы бесед, собранные сотрудниками Комиссии Минца, с дневниковыми записями В. Гроссмана, то увидим, что оба источника имеют много общих черт. Во-первых, это был опрос живых людей — командиров, бойцов и политработников, которые сами являлись активными участниками (актерами) тех или иных событий в Сталинграде, опрос, предполагавший фиксацию не только повествования (нарратива), но также мыслей, чувств, переживаний интервьюеров. Во-вторых, записи были сделаны по горячим следам произошедших событий. Как говорил Минц, это были, по сути, живые голоса людей, записанные на второй день после совершённого подвига. Гроссман записывал участников обороны Сталинграда осенью–зимой 1942 г., а сотрудники Комиссии Минца чуть позже: зимой–летом 1943 г. В-третьих, производился опрос нескольких представителей одной и той же части (армии, дивизии, полка), что позволяло осветить одно и то же событие на Сталинградском фронте с разных ракурсов и сторон (взгляд из штаба и из окопа на передовой), и довольно подробно. Причём, как было записано в инструкции для проведения бесед, сотрудникам комиссии следовало «тщательно проверять перекрёстным допросом людей и документами все события, все даты, имена и факты». В-четвёртых, как и дневниковые записи Гроссмана, стенограммы бесед не предназначались для публикации в открытой печати, они должны были стать основой, базовым материалом для написания в будущем многотомной истории Великой Отечественной войны. Поэтому при опросах сотрудники Комиссии должны были максимально точно фиксировать всю информацию своих респондентов, «не замазывать трудности и недостатки, не лакировать действительность». В-пятых,

¹ Звание генерал-майора Л. Н. Гуртьеву будет присвоено позже, 7 декабря 1942 г.

и дневниковые записи Гроссмана, и стенограммы бесед Комиссии Минца создавались в экстремальных условиях фронта, где «до смерти четыре шага», когда опрашиваемый человек не знал, останется ли он жив завтра или нет. Всё это предполагало максимальную откровенность и правдивость советских военнослужащих, зафиксированную в обоих источниках, не свойственную послевоенным мемуарам и воспоминаниям тех же самых людей, которые должны были соизмерять и встраивать их в официально сложившийся за десятилетия канон изображения Сталинградской битвы. В-шестых, и дневниковые записи Гроссмана, и стенограммы бесед фиксировали максимально подробно и достоверно фронтовой быт (современными словами — военную повседневность), что тоже было отражено в инструкции комиссии: научным сотрудникам (и тем политработникам, которые занимались созданием истории своей воинской части), следовало «показать быт своей части (её жизнь, досуг, связь с тылом, переписку, горе и радости)».

В качестве наглядного примера того, насколько близки по смыслу и содержанию оказались оба источника, насколько удачно они дополняют друг друга, ниже мы приводим фрагменты стенограмм бесед с командованием 62-й армии (В. И. Чуйков, К. А. Гуров, Н. И. Крылов), тремя командирами дивизий (А. И. Родимцев, Н. Ф. Батюк, Л. Н. Гуртьев) этой армии и сержантом отдельного сапёрного батальона 308-й стрелковой дивизии (И. М. Брысин), записанные сотрудниками Комиссии Минца в 1943 г., и параллельно — фрагменты из записных книжек В. С. Гроссмана, в которых писатель кратко фиксирует беседы и свои впечатления от встреч с этими же самыми людьми, но только чуть раньше, осенью–зимой 1942 г.

Стенограммы бесед Комиссии Минца	Дневниковые записи/записные книжки Гроссмана
<p>Чуйков: «Там было штук 8 бензобаков. Всё это разлилось. У начальника артиллерии по блиндажу нефть полилась. Всё вспыхивает, и Волга на километр горит по берегу. Три дня был сплошной пожар. Мы боялись задохнуться, угореть: придёт и живыми заберёт. Перескочили на другой КП. Ближе к его главному удару. Там держались <...> Самое преступное, самое опасное для командира, особенно большого, когда он теряет управление и связь. Мы больше всего этого боялись — не потерять управление войсками. Пусть я ему резерва не дам, но достаточно мне взять трубку и поговорить как следует, уже этого достаточно [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 3. Оп. 5. Д. 2-А. Л. 5].</p>	<p>Чуйков: «Нефть течёт потоками через КП к Волге и вспыхивающая Волга. Мы в 15 метрах от Волги. Уйти — нарушить связь, остаться — Волга горит. Выход был к противнику только» [2, 354].</p>
<p>«Нет таких героев, которые ничего бы не боялись. Никто не видит, никто не знает, что делает Чуйков, когда он остаётся один, когда нет свидетелей, когда его не видят, и как работает у него мозг в голове. Но чтобы наш командир вышел к своим</p>	<p>«Командиру — пусть голова летит, но не кланяйся немецкому снаряду. Боец всё это видит» [2, 357].</p>

подчинённым и показал свою слабую душонку, такие находились, но это выродки. Мы сидим в блиндаже, и осколки снарядов на нас летят. Что же, мы сидим, и нас не подмывает? Я этому не поверю. Инстинкт самосохранения есть, но гордость человека, командира в особенности, имеет решающее значение в бою, так что Лев Толстой в этом отношении прав. Вот конкретный момент. Летят снаряды, свистят, жужжат, вот сейчас стукнет. Не у всех людей находится мужество не кланяться снаряду. Ну, я поклонюсь, обязательно попадёт в голову, попадёт в грудь, так что не спасёт, пригнёшься или нет, а всё-таки кланяются. Но преклоняться не даёт гордость. Я никогда этого не сделаю. Если бы я был один, это совершенно другое, но я один никогда не бываю. Я не преклонюсь, за это даю голову на отсечение» [Там же. Л. 8].

«Или Гроссман задаёт такой вопрос: у вас какие-то чёрствые люди. Командир батальона воевал всё время, его направляют на курсы, приходит проститься и мимоходом говорит: “Товарищ командир, разрешите проститься, всё сдал”. “Ах, сдал, ну, хорошо”. Я говорю Гроссману: такому-то командиру и цена. В другой обстановке они, может быть, расцелуются, но здесь показать слабость не годится. На глазах командира гибнут тысячи людей, но он не должен глазами моргать. Наедине он может заплакать. Пусть твоего лучшего друга тут убьют, но ты должен стоять как каменный. Вот конкретный момент. 14 числа обрушивается блиндаж артиллерийского отдела. 9 человек всмятку, один выскакивает, ему ноги прижимает. Мы его два дня откапывали. Он жив. Его откапываем, а земля осыпается. Что, тут сердце не содрогается? Оно содрогается, но ты виду не подай. Или такие поступки. 4 бойца сидят в трубе. Их окружают 8 фрицев. Один проползает через трубу, раненый с запиской: откройте огонь по нас. Открываем огонь, бойцы погибают и фрицы. Разве это легко?» [Там же].

«Получив задачу ехать в Сталинград, у Никиты Сергеевича меня стали спрашивать: “Как вы смотрите?” Ерёменко то же самое. Он меня давно знает. Ну, что ему скажешь. Говорю: “Я понимаю задачу очень хорошо, задачу буду выполнять, постараюсь выполнить, а в общем, я или умру, или Сталинград отстою”. Больше у меня никаких вопросов не было. Хотели чаем угостить, я отказался, сел на машину, поехал в Сталинград» [Там же. Л. 3 об.].

«Последний разговор, разговор о жестокости как о принципе. Спор. Последняя неожиданная фраза: «Ну и что ж, я плакал, но плакал один. Что скажешь, когда четверо красноармейцев вызывают огонь на себя! Заплачешь, но один, один. Никто. Никогда. Не видел» (2, 357).

«Ерёменко, Хрущёв мне сказали: — Надо отстоять Сталинград. Как ты смотришь?
— Есть, слушаюсь.
— Нет, мало слушаться, как ты смотришь?
— Это значит: умереть — умрём» [2, 355].

<p>Гуров: «В конце июля, с 24-го-25-го армия принимает первый удар противника целиком. Наиболее сильный удар пришёлся на 33-ю гвардейскую дивизию. Эта дивизия была десантной. Первого её командира мы успели убрать и комиссара тоже, а тот, кто воевал, Утвенко, полковник, ныне генерал-майор. Комиссаром был Грищенко. Нужно прямо сказать, подбор был очень удачным. Тяжёлая обстановка была, а у 33-й гвардейской дивизии, — немцы наступали на них, — был девиз: не отходить. Были случаи, когда по 12–15 атак в день танковых эта дивизия отбивала, конечно, неся сама большие потери» [Там же. Л. 36].</p>	<p>Гуров: «Лучшая из всех дивизия Утвенко. Она шла на “свежего противника»» [2, 363].</p>
<p>«Трудно было ожидать, что такой город остался без укреплений. Были подготовлены укрепления по Большой Россошке. Здесь работали всякие инженерные части у города. Потом Зелёный обвод укреплялся. В самом городе ничего не было. Подготовка к боям в городе отсутствовала. Мы это особенно ощутили, когда непосредственно стали вести бои в городе и приняли город к обороне» [Там же. Л. 37].</p>	<p>«Мнение Гурова: “Никаких укреплений не было”. А вот немцы засели в них и положили много на Донском фронте. Крылов хохочет над баррикадами, которые строили в городской черте» [2, 363].</p>
<p>«Но мы и тогда с высоты 102, когда немец начал подходить к элеватору, перешли на Царицу. Там раньше был штаб Юго-Восточного фронта в штольне <...> Таким образом, мы 15 сентября перешли в эту штольню и просидели там дней 7–8. Там тяжёлая обстановка была и для штаба армии, и вообще тяжёлое положение для города <...> Мы попросили разрешения у Ерёменко перейти к заводу “Красный Октябрь”. Он сначала не давал согласия, потом разрешил <...> Мы 15 октября перешли в район, где находимся и сейчас, только блиндажи другие были. Мы сначала так пошли. Блиндажей готовых нет. В Банном овраге была труба. Здесь раньше помещалась 284-я дивизия. Мы решили — отсидим здесь два дня, выроем блиндажи и потом перейдём. Когда мы пошли ночью по Банному оврагу, нас немцы не пустили туда, уже обстреливали автоматным огнём. Мы были у самого переднего края, вышли даже в район батальонов. Вернулись обратно, вырыли блиндажи, здесь и поместились. Здесь был штаб полка 284-й дивизии, и заняли его место» [Там же. Л. 37–37 об, 39 об. — 40].</p>	<p>«Военный Совет переезжал: с высоты 102 переехал в штольню на реку Царицу; пробыли там 7–8 суток. Нас отрезали от основной группировки, и немец подошёл вплотную к КП. Затем переехали к бензобакам, возле “Красного Октября”, там пробыли около месяца. Тогда был пожар, и он раскрыл КП, нельзя было выйти из блиндажа. В момент доклада убило инструктора Круглова у Васильева. Потом перешли в штольню у завода “Баррикады” (с 7 до 15 октября). Там нас отжимали на правом фланге от главных сил. Оттуда пошли в Банный овраг, в трубу, КП 284-й дивизии оттуда ушёл к берегу. Нас туда не пустили немецкие автоматчики (получалось, что батальоны были впереди. После этого перебрались на место 1047-го полка» (2, 363–364).</p>

<p>«Родимцев рассказывал: ему, вот, звонят, что штаб армии перешёл на эту сторону Волги, а народ говорит — нет, штаб армии ушёл дальше по Банному оврагу, вперёд. Вот это вперёд вселило у людей уверенность, что штаб армии не намеревается уходить, а, наоборот, ближе к войскам перешёл» [Там же. Л. 40].</p>	<p>«Тут часто услышишь о Банном овраге. — КП армии ушёл! — Куда? — Да не на левый берег, а ближе к переднему краю» [2, 363].</p>
<p>Крылов: «После этого 14-го октября противник, подтянув ещё свежих 3 дивизии, создал ударный кулак из пяти дивизий <...> За три дня мы сняли один полк, потом целую дивизию и поставили на направление главного удара на СТЗ <...> Здесь прекрасно дралась 37-я гвардейская дивизия Жёлудева, где боец не отходил, а умирал в окопах, где артиллерийские расчёты и расчёты противотанковых орудий оставались до последнего момента. Ни один расчёт не уходил, все оставались здесь. И совершенно правильно будет сказать: лучше погибнуть смертью храбрых, но своих позиций не отдавать. Несмотря на численный перевес противника (в пять-шесть раз), он не мог развить свой удар» [Там же. Л. 87–88].</p>	<p>Крылов: «По силе удара самый тяжёлый день 14 октября, на СТЗ, дивизия Жёлудева» [2, 362].</p>
<p>«В сентябре месяце такое положение было: штаб армии находится в катакомбах на северном берегу реки Царица. Противник уже подходил. Третий удар, и противник начал выходить к причалу, тем самым не давая нам возможности подойти, в частности, нашей 13-й гвардейской дивизии, которая должна была занять центр самого города. Нужно было дать возможность первому эшелону частей 13-й гв. дивизии переправиться на правый берег Волги. Мы вынуждены были выставить часть личного состава. Штаб я поставил на защиту сюда, фронтом на запад, удерживать противника, который шёл по долине р. Царица. Я собрал командиров штаба армии, дал им пять танков, послал на решающий участок пристани, чтобы дать возможность 13-й дивизии зацепиться и высадиться. Штаб армии выступил как орган живой ударной силы. Это было сделано. 1-й батальон выгрузился, отбил противника отсюда и обратно вышел к вокзалу. Противнику свой план осуществить не удалось. 13-я гвардейская дивизия вела бои в городе, не давая возможности разобщить фронт армии. У вокзала велись бои. Противнику в центре города разобщить фронт армии не удалось, как раз подошла 13-я дивизия. Я хотел подчеркнуть, что здесь штаб армии выступил в роли ударной силы. Это один из редчайших случаев. Как раз штаб армии своими командирами прикрывал высадку 13-й гвардейской дивизии.</p>	<p>«Командный состав штаба армии на 5 танках держал улицы, чтобы обеспечить высадку Родимцева» [2, 361].</p>

<p>Таким образом, здесь противнику не удалось разобщить фронт армии, не удалось прорваться к Волге. Бой идёт в городе, но прорваться на Волгу он не мог» [Там же. Л. 85–86].</p>	
<p>«Основной узел связи был построен на левом берегу Волги, и отсюда пути расходились радикально, во все соединения армии. Через Волгу у меня было сделано семь переходов проводов, и, кроме того, связь шла по самой кромке воды по правому берегу. Такая же линия связи шла по обрыву тоже параллельно фронту. Эта связь, которая шла по урезу воды, была с Людниковым. Отдельные смельчаки пробирались по берегу Волги и тянули провода по самому урезу воды. Связь, которая шла через Волгу, когда начался ледоход, была прервана. Мы 15 дней управляли боем только по радио и пешими посыльными, офицерами связи ночью. Радиосвязь действовала безотказно. Это было основным средством управления боем. В этот самый критический момент, в самый тяжёлый период связь дублировалась посыльными и офицерами связи. Что бы ни творилось на этом участке, мы всегда получали радиосводки. Они передавали: “роза”, “берёза”, и мы знали, что это значит. Поэтому командование армии всегда было в курсе того, что происходит на фронте» [Там же. Л. 91].</p>	<p>«Связь играла огромную роль — радио и офицеры связи были главной силой. Когда шёл лёд, порвались все линии связи, и мы 2 недели были на радио» [2, 361].</p>
<p>«Когда подошли к кромке Волги, авиация противника стала действовать несколько осторожнее, потому что его собственные бомбы падали на них же. 13-я гвардейская дивизия находилась на расстоянии 200 метров от берега, но не подвергалась бомбардировке со стороны противника, потому что был большой риск попадания в своих» [Там же. Л. 96].</p>	<p>«Бить авиацией по переднему краю немец не мог. На “Кр. Октябре” он разнёс в щепы одну свежую свою дивизию» [2, 361].</p>
<p>«Волга, конечно, во многом препятствовала, стесняла, но сыграла решительную роль в том отношении, что наша береговая артиллерия, наши “катюши” были недосягаемы для противника. Противник мог только вести артиллерийский огонь по ним, мог вести бомбёжку, но никак нельзя было ожидать удара. Вся артиллерия была на восточном берегу, а здесь была пехота с отдельными орудиями» [Там же. Л. 96–97].</p>	<p>«Выгода артиллерийских позиций в Заволжье» [2, 361].</p>
<p>«На верху горы нефтебаки Нефтесиндиката. Авиация противника залетала с берега и бомбила нефтебаки, разбомбила, нефть потекла сюда и сюда. Мы остались на маленькой кромке Волги. Кругом был огонь. Мы сидели на самом берегу Волги, врытыми в правый берег Волги сидели» [Там же. Л. 92].</p>	<p>«Пожар бензобаков. Столб на 800 метров. Волга, всё это с рёвом, течёт к берегу. Меня вытащили из огневой реки. Некоторые работники, спавшие, сгорели. В штабе погибло до сорока человек» [2, 362].</p>

<p>«Сравнивая Севастополь и Одессу, я чувствовал, что, когда обороняли Севастополь, мы обороняли главную морскую базу, которая не могла влиять своей обороной, своей стойкостью на общий ход событий на фронте. Находясь под Сталинградом, мы все чувствовали в стократ больше ответственности, зная, что исход борьбы окажет непосредственное влияние на фронт. Это создавало внутреннюю мобилизацию сил каждого» [Там же. Л. 100].</p>	<p>«В Севастополе я чувствовал, что дальнейшее сопротивление невозможно. Сознание было, чтобы дороже продать свою жизнь. Мы это знали ещё до начала 3-го решающего наступления <...> Там сила таяла, а здесь пополнялась. Масштаб был больше, потенциал не превышал. Много было общего. Иногда казалось, что продолжаешь один и тот же бой. Но чувства обречённости, как в Севастополе, не было» [2, 361].</p>
<p>Родимцев: «22-го противник подтянул свежие силы до двух полков пехоты, около 70 танков, перешёл в наступление в направлении Крутого оврага и площади 9 января, т. е. на 34-й полк подполковника Панихина¹. Танков у меня не было, но была организована противотанковая система, ПТР было в дивизии около 300, но они были по подразделениям. Батальон единственный — у него есть ПТР и дивизион ПТО, 19 противотанковых ружей, и он стоял в районе 34-го полка. Утром, примерно часов в 10, 22-го противник перешёл в наступление, смял передний край, вывел из строя 6 пушек, захватил площадь 9 января. Здесь подавил несколько ПТР, то же самое вышел на Артиллерийскую улицу. Бойцы, истекая кровью, в этом бою подбили 42 танка у противника, уничтожили до полуторы тысячи немцев, и на этом противник прекратил наступление. Он больше не мог продвигаться. Панихин находился здесь в трубе. Обстановка была тяжёлой. Некоторые танки противника даже прорвались к Волге, к трубе продвигались, но сильным артиллерийским огнём, противотанковыми средствами были отброшены, часть подбита, часть сожжена. Здесь атака противника захлебнулась, и ему пришлось отскочить назад <...> У меня ничего не осталось. Один батальон погиб, 34-й весь разрепало. У меня погибло четыре тысячи с лишним здесь. Это не так просто досталось. Одно орудие дралось, три танка подбило. Потом его ранило тяжело, и пока четвёртый танк не наехал, не раздавил, ни один не отступил назад, и не было такого момента, чтобы где-либо отступили, захватили. Там умирали, но народ не отходил» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 3. Оп. 5. Д. 6. Л. 6–6 об.</p>	<p>Родимцев: «Во время танковой атаки подбили 42 танка. Наступало 2 полка пехоты и 70 танков на полк подполковника Панихина. Выбыли все расчёты ПТО, до последнего человека. Люди, люди, люди — золото» [2, 374].</p>

¹ Подполковник Панихин Д. И. (1910–1943), командир 34-го гв. стрелкового полка 13-й гв. стрелковой дивизии погибнет в сентябре 1943 г. при освобождении Полтавы.

<p>Батюк: «Война застала меня в Каунасе. Там был командиром полка <...> В Касторной воевал с своей дивизией. Это был хороший бой и тот бой, который дал на третий день войны. Там всё своё умение выложил, силу воли и энергию. И третьи бои идут в Сталинграде» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 3. Оп. 5. Д. 4. Л. 1].</p>	<p>Батюк: «У меня 3 боя были в жизни, вот эти бои моё сердце радуют, вот это были бои. 1) Перед Каунасом. 2) Под Касторной. 3) Переконовка¹ на Брянском фронте» [2, 358].</p>
<p>«Отличие от действий на Брянском фронте в том, что здесь были трудности уличного боя. Тогда мы дрались в поле, а здесь пришлось драться в населённом пункте и пришлось учиться первые дни не только бойцам, но и комсоставу, и пришлось учиться кое-где кровью <...> Опыт Сталинграда сказал, что вести бой в населённом пункте нужно иными способами, от полевого боя он отличается резко. Если там действуют всеми подразделениями, частями, то здесь действия мелких групп. В оборонительном бою основную роль будет играть организация гарнизонов, дома, улицы и т. д. Основную роль играют действия штурмовых групп» [Там же. Л. 2–2 об.].</p>	<p>«Батюк — единственный, холодно относится к сталинградцам. “Конечно, было огромное упорство. Но я здесь был сжат, стиснут. И противник был сжат, стиснут, он не мог развернуться всей своей силой. Мне не нравились эти бои. Я люблю полевой бой”» [2, 359].</p>
<p>Гуртьев: «Тут к нам приехал генерал-лейтенант Голиков. С Голиковым я служил, он меня хорошо знает. Как только он к нам приехал, я ему доложил обстановку, он приказал произвести рекогносцировку переправы через Волгу. Это было часов в 10- (ть) 30 сентября, когда мы прибыли в Сталинград. Мы отправились на рекогносцировку. Голиков дал нам своего представителя, который нам помог разобраться в этом деле. Прорекогносцировали переправу, подходы и всё прочее и в 23 часа этого дня пошли на переправу. Была подана баржа. Мы тихо подошли, погрузились и к утру переехали на правый берег. Ещё не рассвело, когда мы были уже на правом берегу. Я побежал в штаб армии со своими штабными командирами, получил задачу выйти и подготовить рубеж к обороне в районе электростанции, немного правее завода “Баррикады”. Пока мы переправляли народ, пока я ходил в штаб армии, уже рассвело и нам пришлось выходить в район под воздействием немецкой бомбёжки. Получилось нехорошо <...> Я целый день был занят занятием рубежа и рекогносцировкой. Со мной переходил сапёрный батальон, батальон связи, пулемётный батальон, 351 полк. Два моих полка оставались ещё на правом берегу» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 71. Д. 1. Л. 4–4 об.].</p>	<p>Гуртьев: «Прибыли ночью 1-го октября в садоводство, приехал ген. лейт. Голиков, дал указание произвести рекогносцировку переправы и подготовку к переправе. В 11 вечера приказали переправиться первыми, пришёл полк Маркелова, сапёр. бат., связь штаб., противотанк. дивизион с 6 пушками, пульбат. Я явился в штаб армии — получил задачу занять круговую оборону в районе “Баррикад”. На запад — ж.д. нагромождение вагонов разрушенных, дома, недостроенные танки, садики фруктовые. Завод остался левее» [2, 389].</p>

¹Правильно — Перекоповка, село в Семилукском районе Воронежской области, где летом 1942 г. вела ожесточённые бои с немецкими войсками 284-я стрелковая дивизия полковника Батюка.

Брысин¹: «Скоро стало светло. Немцы установили около нас пулемёт. Тогда Дудников взял гранату и бросил её в пулемёт. Я сидел впереди всех, бойцы были возле меня в куче. Когда свалился пулемёт, я не растерялся и крикнул: “Ура, в атаку, за мной!” Погибать не хотелось и пропустить немцев нельзя было. Побежал впереди. Когда подбежал к дому, где были немцы, они туда заползли на карачках, за стены. Мы их забросали гранатами. Вижу, что и в другом доме тоже лазают немцы. Тогда я, не говоря никому ни слова, подбежал к первому дому, в котором мы раньше находились. Я знал, что на втором этаже у нас были боеприпасы — трофейное оружие, которое мы во время боя подобрали у немцев: и винтовки, и патроны. Я пробрался в этот дом. В меня начали стрелять свои из автомата, думая, что это — немец. Дудников вовремя их предупредил. Когда я забежал в дом, я заметил внизу две плащ-палатки, по которым я и взобрался кверху за оружием. Немцы оказались за 15 метров на валу, а второй этаж, где я был, приходился на уровне этого вала. Я начал бросать в немцев гранатами и стрелять из винтовки, поочерёдно, что попадается под руку. В конце концов я израсходовал все запасы и у меня не осталось ни одного патрона. Перестрелка продолжалась. Вижу, что мне надо выбираться оттуда. Я захватил с собой вещевой мешок и спустился вниз опять по плащ-палатке. Я не заметил, что немцы оставили с правого фланга пулемёт. Как только я вышел на открытое место, они ударили из пулемёта по дому у угол. Тогда я упал и спрятался за камень. Немцы выпустили на меня из пулемёта всю ленту. Я из-под камня перелез ползком в подвал. Когда вышел оттуда, спросил у наших, где Дудников. Мне сказали, что ранило сильно Каюкова, и я побежал в блиндаж. Прихожу — действительно, наш друг лежит, истекая кровью. Увидел меня, стал просить пить, но я боялся дать ему воды, чтобы не вызвать ещё больше крови. Я вышел и отправил людей с ранеными. Контузило Тупикова и Рейкова» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 71. Д. 11. Л. 6–7].

Брысин: «Весь день мы их отбивали. Меня вызывает Павлов: “Давай пойдём в наступление”. Спрашиваю: “Сколько у вас человек?” — “Десять. А у тебя сколько?” — “Четыре”. — “Ну, давай!” А немцев человек сто, две роты эсэсовцев — подняли крик, спасу нет. Мы и пошли. Я выскочил и бросился во весь рост: “За мной, урра!” Подбежали к дому — гранаты стали бросать. Бойцы остались у первого дома, а я побежал ко второму дому, они стояли метрах в пятнадцати. Я один подбежал ко второму дому. Тихо. Рассветало. Мне немного жутко стало. Я забежал в дом, в первую комнату, прислушался. Немцы ведут огонь за стенами, с углов. Тут я бросил к одному углу гранату из окна, а из двери бросил ко второму. Я себя чувствовал так, что не могу выразить, интересно было к немцам поближе подобраться, они ушли за вал, я их достать не могу, только каски виднеются. Тут я по развороченной стене забрался на второй этаж, у меня там днём были припрятаны 8 немецких гранат. Мы их “колбасой” называли. Я стою, как в тюрьме за решёткой: арматура висит, а стен нет. Сверху мне немцев хорошо видно: рассыпались, бьют по нашим с колена. Я по ним бросил эти 8 гранат. Они стали бить из двух пулемётов и миномёта по мне. Я там все углы пересчитал, а вообще не страшусь: связал две (плащ-) палатки, привязал к прутку и через бомбовую дыру спустился на первый этаж. Я выбежал — он по мне пулемётом, я за камень — этот камень в брызги. Я всё-таки

¹ Брысин И. М. (1913–1943) после сталинградских боёв получит офицерское звание младшего лейтенанта. Будучи командиром взвода всё того же отдельного сапёрного батальона, И. М. Брысин погиб 23 августа 1943 г. в районе г. Карачева Орловской области.

	дополз до своих в первый дом. Мне говорят: “Каюков смертельно ранен...”» [2, 396–397].
<p>«28 октября в 10 часов нас осталось всего 3 человека: я, Дудников и Глушаков. Меня вызывает командир роты 2 батальона 347 полка. Я в то время оброс и носил большие усы. Он меня называл сержантом Усатым: «Пойди, — говорит, — Усатый, разведать, где находятся немцы, и узнай, какие огневые точки у них стоят». Я хотел ему доказать, что днём нельзя ходить в разведку — светло и всё видно, но мне было приказано, и я с двумя своими людьми — Дудниковым и Глушаковым — пошёл в разведку. Связался с 10 полком 37 дивизии. Мне сказали, где находятся немцы. Я тогда поворачиваю обратно и иду доложить командиру роты Кузнецову, как обстоит дело. Относительно огневых точек я узнал, когда ещё сидел на втором этаже и видел, как они устанавливали пулемёты и миномёты на площадке. Лейтенант Кузнецов, командир роты, поручил мне идти уничтожать эти огневые точки. Я рассказал Дудникову и Глушакову, какая опять нам предстоит задача. Мы набрали с собой гранат, боеприпасов и пошли в 10 полк 37 дивизии. Там мы нашли 6 человек полка и одного среднего командира. Я ему рассказал, что иду выполнять поставленную передо мной задачу, и просил помочь мне, прикрывая огнём. Это было часов в 12 дня. Мы посидели немного, покурили, они дали мне хороший совет. Тут я договорился со своими двумя товарищами, как действовать, снял с себя шинель и пополз вперёд. Я залез на высоту, где проходила железная дорога и где была прокопана большая щель в воронке под землёй. Около этой воронки стояло два пулемёта. Я долез метра три до железной дороги и хотел влезть в воронку, но посмотрел в щель и заметил там немцев. Тогда я бросил сначала одну “феню”, потом другую и полез к щели. Там оба немца оказались убиты. Я стал махать Дудникову и Глушакову, чтобы они подошли. Мы отобрали у немцев сумку с фотокарточками и документами и всё это запрятали под рельсы. Дальше я стал думать, как уничтожить миномёт, который был метрах в 40 от пулемётной воронки. Я решил ползти опять вперёд, а Дудникову и Глушакову велел залезть в воронку и меня поддерживать огнём. Я пополз. Там действовали немецкие снайпера, и не прополз я десяти метров, как мне в каску попал снайпер. Я повернул обратно. Затем опять пополз и полз так два часа. Потом стал бросать гранаты, а Глушаков в это</p>	<p>«Вызывает меня командир роты: “Разведай шлак за линией, домик деревянный”. Я говорю: “Поесть надо”. — “А поспать?” — “Какой чёрт там спать!” Лейтенант дал мне хлеба, сахара, тут полетели мины. Так я и не покушал. Ну, ладно, так пойду. И пошёл. Встретил одного лейтенанта. Он говорит: “В домике немцы, а про шлак не знаю”. Я пошёл на шлак. Разведка два пулемёта и миномёт. Вернулся, доложил. “Ну, — говорит мой лейтенант, — ты их разведка, ты их и уничтожь”. Пошли: я, Дудников — красноярский рабочий, и Глушаков — алтайский колхозник. Я навесил 12 гранат, винтовку. Подползли к ним поближе. Я предложил атаковать Глушакову — тот мнётся. Дудникову предложил. Он: “Я боюсь!” Я тогда снял шинель и пошёл один. Сказал: “Вы меня прикрывайте!” Полез снова на шлак. Воронка — в ней их пулемёты. Я окопчиком подобрался, взглянул, а они метрах в трёх сидят, там два пулемёта. Я присел тоже, бросил 3 гранаты. Полез к ним — два немца лежат; с одного снял медаль, с другого кресты, забрал документы, ремни. И пошёл миномёт снимать. Он за линией в воронке. Фриц меня ударил по каске, оглушил немного, но я его убил. Я разъярённый был. Миномёт мы забрали. Только расположился на отдых, мне говорят: людей нет, иди охранять штаб полка. Я продрожал всю ночь. Всё это случилось в ночь на 30-е, я убил человек 25, Дудников уложил 16. Потом он говорил: что-то на меня нашло тогда, дрогнул я. А когда ты пошёл, стыдно стало <...>» [2, 397].</p>

время из винтовки убил снайпера. Я гранатами уничтожил миномёт и стал отползать обратно. Мы потом вернулись, забрали немецкие трупы, я приказал сдать их в штаб полка, а сам пошёл доложить командиру роты о том, что его приказание выполнено. Мне разрешили отдохнуть в блиндаже, поскольку я четверо суток не спал <...> Я не успел заснуть, как полковой инженер приходит за нами, чтобы идти в оборону охранять штаб полка, так как людей у них не хватало. Дошли до штаба полка и стали его охранять. Перед рассветом на 29 октября полковой инженер забрал нас к себе часовыми для обороны штаба. Мы там простояли до 4 часов утра» [Там же. Л. 7–9].

Необходимо отметить, что во многом схожими оказались и послевоенные судьбы в СССР дневниковых записей Василия Гроссмана и стенограмм бесед Комиссии Минца: они были на долгие годы забыты и не востребованы, как литературоведами, так и историками. И если в эпоху перестройки всё же удалось, с небольшими редакторскими сокращениями, опубликовать дневниковые записи Гроссмана (1989), то более или менее систематическое введение в научный оборот стенограмм бесед из архива Комиссии Минца началось лишь в 2010-е гг.

Как справедливо отмечает Йохен Хелльбек, записанные в Сталинграде беседы «в большей степени, чем какой бы то ни было другой известный источник, позволяют читателю приблизиться к событиям Сталинградской битвы и представляют ему более объёмную и рельефную картину поступков, мыслей и чувств советских людей — участников войны», «дополняя друг друга, эти интервью в совокупности демонстрируют такое единство места, времени и действия, которое знакомо нам только по пьесам или романам» [4, 12].

Таким образом, очевидно: интервью, собранные сотрудниками Комиссии Минца в Сталинграде восемьдесят лет назад, ещё ждут своих исследователей. Нет никаких сомнений в том, что они окажутся полезны не только военным историкам, занимающимся изучением Сталинградской битвы, но также литературоведам — специалистам по творчеству В. С. Гроссмана, К. М. Симонова, В. П. Некрасова, М. А. Шолохова, Ю. В. Бондарева и др., в произведениях которых эта грандиозная битва второй мировой войны и её активные участники нашли своё отражение и воплощение в ярких, достоверных художественных образах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о войне: на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / Ин-т российской истории Российской акад. наук; авт. текста и коммент. А. Г. Гуськов и др. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 381 с.
2. Гроссман В. С. Годы войны / сост. Е. В. Короткова-Гроссман; послесл. А. Бочарова. М.: Правда, 1989. 464 с.

3. *Кобяков Е.* Неизвестный Сталинград: железный ветер [Электронный ресурс]. <https://warspot.ru/10874-neizvestnyy-stalingrad-zheleznyy-veter>
4. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / пер. с нем. К. Левинсона; отв. ред. Й. Хелльбек; послесл. И. Калинина. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 672 с.

REFERENCES

- 1 Vklad uchenyh-istorikov v sohranenie istoricheskoy pamjati o vojne [Tekst] : na materialah Komissii po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny AN SSSR, 1941-1945 gg. / In-t rossijskoj istorii Rossijskoj akad. nauk ; [avt. teksta i komment.: A. G. Gus'kov i dr.]. — Moskva ; Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. — 381 s.
2. *Grossman V. S.* Gody vojny. (Sost. E. V. Korotkova-Grossman; Poslesl. A. Bocharova. — M.: Pravda, 1989. — 464 s.
3. *Kobjakov E.* Neizvestnyj Stalingrad: zheleznyj veter <https://warspot.ru/10874-neizvestnyy-stalingrad-zheleznyy-veter>
4. Stalingradsckaja bitva: svidetel'stva uchastnikov i ochevidcev/ per. s nem. K. Levinsona; отв. Redaktor J. Hell'bek; poslesl. I. Kalinina. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. — 672 s.

© К. С. Дроздов

В. С. ХРИСТОФОРОВ*¹

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА В ОЦЕНКАХ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ: по документам советской разведки и контрразведки

Основываясь на данных о масштабах Сталинградской битвы: по площади территории, количеству участников с двух сторон и потерям среди них, победе в этом сражении частей и соединений Красной Армии, анализируются оценки событий с двух сторон: советских и германских военных, политиков, представителей спецслужб, журналистов, а также возникновение противоречий и политических кризисов в странах союзниках Германии: Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии. Даны сравнительные характеристики отечественной и зарубежной историографии, её военно-политические и исторические аспекты, показаны различные подходы исследователей из разных стран. Отмечены определённые успехи в рассекречивании документов по истории Великой Отечественной войны и истории Сталинградской битвы. Проведён глубокий анализ опубликованных документов советских спецслужб, в которых содержатся оценочные суждения участников и очевидцев Сталинградской битвы. Внесён положительный вклад в изучение наиболее значимых страниц Сталинградской битвы, а также формирования исторической памяти о войне и сражении.

Ключевые слова: Сталинград, спецслужбы, источники, историография, память, архивы.

История Великой Отечественной и Второй мировой войн не перестаёт будоражить умы человечества. В определённом смысле текущая геополитическая ситуация обладает мучительным сходством с событиями 80-летней давности, когда мы становимся свидетелями крушения многих устоявшихся геополитических и национальных институций, свидетелями всевозможных идеологических разногласий, корнями уходящих в историю XX века.

Масштабы Сталинградской битвы (сражения), под которым мы понимаем оборонительную и наступательную стратегические операции Красной Армии, по площади территории, количеству участников с двух сторон,

* Василий Степанович Христофоров — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация); старший научный сотрудник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Российская Федерация); iriran@mail.ru;

многочисленным потерям стали самыми грандиозными по сравнению со всеми битвами прошлых столетий. Разгром ударной группировки вермахта и его союзников под Сталинградом по достоинству оценили современники: советские и германские военные, политики, дипломаты, представители спецслужб, журналисты [5, 562; 7; 8, 39–52, 68–71; 9, 33–113; 12, 3–144; 17; 23, 24–28; 24, 135–156].

Одним из наиболее значимых событий Сталинградской битвы стала не только победа Красной Армии, но и обострение противоречий среди союзников Германии. Разгром крупной стратегической группировки противника под Сталинградом стал ощутимым ударом по всему блоку фашистских государств, положившим начало распаду гитлеровской коалиции, назреванию политического кризиса в Венгрии, Италии и Румынии.

В Венгрии, Италии и Румынии поражение воспринималось как просчёты германского командования, несвоевременное предоставление помощи в ходе обороны. Немецкое командование, не признавая своих ошибок, обвиняло союзников в неспособности удержать фронт. Венгрия, Италия и Румыния, используя тайную дипломатию, в 1943 г. приступили к поиску возможности выхода из войны. В правительственных кругах Финляндии в начале 1943 г. задумались о возможности и целесообразности выхода из войны [25, 56].

Историография Сталинградской битвы, её военно-политические, дипломатические и исторические аспекты изучены достаточно хорошо, а книги по истории сражения, наверное, заполнят не одну крупную библиотеку. Тем не менее остаётся достаточно широкое поле для проведения исследований по истории сражения.

При этом в зарубежной и отечественной историографии мы видим существенные различия в подходах. Так, англоязычная историография отражает эволюцию в изучении событий на Восточном фронте в целом. В первые послевоенные годы исследования проводились в основном на германских материалах (воспоминаниях ветеранов Восточного фронта и материалах, захваченных в немецких архивах) и отражали в основном германскую интерпретацию событий. Германские офицеры в мемуарах распространяли свои представления о Восточном фронте. Стратегические просчёты полностью приписывались Гитлеру, а не военному командованию вермахта. Вина за военные преступления возлагалась на нацистскую партию и СС, участие офицеров и солдат вермахта в этих преступлениях принижалось. В исследованиях отмечалось личное соперничество Гитлера со Сталиным, стремление Гитлера захватить Сталинград, имеющий символическое значение, и его нежелание разрешить 6-й армии прорываться из окружения.

В 1960–1980-е гг. в англоязычных работах о Сталинграде начали постепенно появляться ссылки на опубликованные советские источники, что позволило улучшить качество англоязычных исследований войны.

Проведённые в СССР серьёзные исследования, посвящённые военному времени и крупнейшим сражениям, в том числе и Сталинградской битве, воспоминания советских генералов послужили балансом зарубежной историографии.

По нашему мнению, в англоязычной литературе нет полного представления о Сталинградской битве, она остаётся историей сопротивления рус-

ского солдата, а не приобретения военного опыта Красной Армией, в ней подчёркивается трагедия военных действий, героизм и страдания солдат с обеих сторон и относительно мало внимания уделяется обстоятельствам и значению сражения под Сталинградом.

Историки Венгрии, Италии, Румынии исследуют вопросы принятия решения о вступлении в войну в составе фашистского блока, причины и последствия поражения национальных войск под Сталинградом.

Российская историография берёт своё начало в годы войны, постепенно расширяя масштабы этой работы и составление детального представления о Сталинградской битве, её особенностях, значении, уроках и итогах.

В 1992–2020 гг. существенно расширилась источниковая база. Опубликовано значительное количество документов о Сталинградской битве, воспоминаний участников этого сражения. В исследованиях Сталинградской битвы центральное место занимали вопросы соотношения сил противоборствующих сторон, оценки эффективности контрударов советских войск в конце июля и сентябре–октябре 1942 г., позиционных боёв за город, сохранение Сталинградом стратегического значения в сложившихся условиях или превалировали политические мотивы, авторство плана контрнаступления.

В новейшей российской историографии Сталинградская оборонительная и наступательная операции, завершившиеся победой советских войск, прочно закрепились как одно из главных событий военного времени, повлёкшие изменение геополитической ситуации в мире и военно-стратегической обстановки в пользу СССР, обосновывается тезис о том, что победы под Сталинградом предопределила успех на других участках фронта.

Отдельным рядом стоят работы, посвящённые деятельности спецслужб противника (Германии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Японии) в годы Великой Отечественной войны. В числе наиболее значимых работ назовём фундаментальный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», изданный в двенадцати томах. Шестой том — «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны» [1, 331–356] — посвящён деятельности советской разведки и контрразведки. В названном издании, а также в книгах «Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне», «Смерш: исторические очерки и архивные документы» показана работа советских спецслужб по обеспечению высшего военно-политического руководства СССР информацией о планах противника в военное время, основных направлениях и результатах деятельности контрразведывательных подразделений в оказании помощи командованию по поддержанию высокой боеготовности войск, борьбе со спецслужбами противника, обеспечении экономической безопасности [3, 421–472; 6, 63–88; 11, 155–158; 16, 33–60].

Планомерная работа по рассекречиванию и введению в научный оборот документов спецслужб позволяет исследователям вести научную работу и готовить к выходу новые научные труды [2, 661–692; 4, 681–703; 13, 426–428; 15; 18].

Определённый вклад в историографию вопроса внёс и автор [20, 34–52; 21, 26–56; 22; 23, 24–28; 24, 135–156].

Важное значение в современных условиях имеет не только изучение наиболее значимых страниц Сталинградской битвы, но и формирование исторической памяти о войне и сражении.

Говоря о концептуальной рамке многих работ, прежде всего советского периода, отметим, что в них война и Сталинград осмысливаются однолинейно, с использованием патриотических штампов, когда события порой лишены объективно-исторического подхода и многозначности. Во многом это было продиктовано тем, что в первое послевоенное десятилетие сталинской пропагандой из памяти «советского народа», который принёс на алтарь победы неисчислимые жертвы, был вытеснен пласт переживаний будничной, беспросветной войны, хронического голода и нищеты. На поверхности остался лакированный образ не Войны как массового страдания и неисчислимой жертвы народов СССР (не случайно достоверные прямые и косвенные потери точно не известны), но одной Победы, ставшей оправданием для самого сталинского режима и для возгонки национализма, так как победа интерпретировалась как победа вождя и «советского строя», как доказательство его жизненности и правильности предшествующей репрессивной политики. Современные исторические исследования рассматривают эти сюжеты значительно шире.

Очевидно, что в советской идеологии сам статус Отечественной войны был куда выше статуса Второй мировой войны, так как первая определила победу во второй. Соответственно, то, что не несло отблеска Победы, погружалось во «внутреннюю» историю (как, например, было с блокадой Ленинграда как культа жертвенности и «героическими оборонами» Севастополя, Брестской крепости), тогда как Сталинградская битва и взятие Берлина в советской историографии становились событиями мировой истории. Подобное дистанцирование должно было помочь не только в том, чтобы подчеркнуть уникальность советского вклада в победу (с этим невозможно спорить), но и помочь отмежеваться от очевидного участия СССР в предвоенных событиях.

Концептуальные рамки работ, посвящённых истории войны и Сталинградской битвы, в 1990–2010-х гг. заметно трансформировались, значительно расширился круг источников. С одной стороны, продолжились исследования военных историков о стратегических планах и соотношении сил противоборствующих сторон, оценки эффективности советских войск, позиционных боёв за город.

С другой стороны, появились работы, попытавшиеся модернизировать предыдущий монологичный дискурс. Обратим внимание на важную научную работу, посвящённую Сталинградской битве, — книгу под названием «Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев» [17]. В подготовке издания участвовали историки из России и Германии, которые сумели показать, насколько разносторонней и противоречивой была многомерная картина Сталинградской битвы.

Многие открытия стали возможны лишь потому, что представители научных и архивных учреждений приложили много усилий для снятия грифа «секретно» с документальных материалов политических органов и советских спецслужб, в которых освещаются настроения военнослужащих армии и флота, а также гражданского населения. Весьма ценной стала публикация не подвергавшихся цензуре мемуаров и дневников, а также писем военного времени. Но эта работа не завершена, и её необходимо продолжить.

В фокусе нашего внимания — документы Центрального архива ФСБ России, способные пролить свет на различные аспекты Сталинградской битвы

и показать, как она оценивалась участниками и очевидцами сражения. Мы покажем специфику создания и содержания документов советской разведки и контрразведки, а также «сильные» и «слабые» стороны данной категории источников.

Вначале уточним, что представляли из себя советские спецслужбы в период Сталинградской битвы.

Разведывательной деятельностью в рамках отведённых полномочий занимались: 1-е (внешняя разведка) и 4-е (разведывательно-диверсионное) управления НКВД СССР; Управление особых отделов (военная контрразведка) НКВД СССР и подчинённые ему Особые отделы НКВД Сталинградского, Донского, Юго-Западного фронтов; 1-е и 4-е отделы управлений НКВД прифронтовых областей; разведывательные подразделения пограничных войск и войск охраны тыла фронтов НКВД.

Контрразведывательную работу возглавляло 2-е (контрразведывательное) управление НКВД СССР; контрразведывательные отделы управлений НКВД Сталинградской области и сопредельных регионов; Управление особых отделов НКВД СССР и подчинённые Особые отделы НКВД Сталинградского, Донского, Юго-Западного фронтов.

Названные разведывательные и контрразведывательные подразделения готовили различного рода делопроизводственные документы (аналитические записки, сообщения, обзоры, меморандумы, справки, протоколы и др.), в которых содержатся различные оценки событий Великой Отечественной войны. Для нас интерес представляют лишь оценки участников и очевидцев Сталинградской битвы.

Особого внимания заслуживает сборник «Сталинградская эпопея» [19], в котором опубликованы рассекреченные документы Центрального архива ФСБ России: донесения, докладные и служебные записки, обзоры трофейных документов, разведсводки, материалы военной цензуры (спецсообщения и сводки). Названные документы характеризуют состояние германских и румынских войск, показывают тенденции в развитии общественных настроений, наиболее распространённые ожидания и психологические установки людей, оказавшихся в экстремальных условиях военного времени, позволяют сравнить настроения по обе стороны линии советско-германского фронта. Издание состоит из двух разделов, по времени соответствующих оборонительному и наступательному этапам Сталинградской битвы. Внутри каждого из разделов документы сгруппированы по главам следующим образом: сначала документы, характеризующие прежде всего состояние германских войск и их союзников, а затем — советских. Внутри главы документы расположены в хронологическом порядке. Документы позволяют расширить представление о такой малоисследованной и слабо документированной в исторической литературе проблеме истории Великой Отечественной войны, как «война и общество», показать тенденции в развитии общественных настроений, наиболее распространённые ожидания и психологические установки людей, оказавшихся в экстремальных условиях военного времени.

В сборнике представлены важные для характеристики настроений источники личного происхождения: письма, дневники, а также делопроизводственные документы спецслужб: разведывательные сводки, донесения, аналитические записки, обзоры трофейных документов.

Специальные сообщения и сводки, подготовленные по материалам военной цензуры, свидетельствуют о том, что настроения советских военнослужащих были и одобрительными, и критическими, и содержащими проблемные вопросы. Советское военно-государственное руководство интересовали вопросы морально-политического состояния как военнослужащих Красной Армии, так и германских войск.

Отдельные материалы о Сталинградской битве были опубликованы в сборниках документов, посвящённых событиям Великой Отечественной войны в целом. Так, в книге второй третьего тома сборника «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» вошли материалы о деятельности органов госбезопасности по охране тыла и партизанских отрядов на территории Сталинградской области, розыске агентов противника [15].

В книгах «Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии» опубликованы протоколы допросов маршала И. Антонеску; «Великая Отечественная война. 1944 год: Исследования, документы, комментарии» — документы НКВД СССР о выходе Румынии из войны [2, 661–692; 4, 681–703].

Информация об оценке Сталинградской битвы генералами и офицерами вермахта содержится в протоколах их допросов в следственных делах немецких военнопленных за период 1944–1951 гг. В 2009 и 2011 гг. часть этих материалов была опубликована в сборниках документов «Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951»; «Вермахт на советско-германском фронте: Следственные и судебные материалы из архивных дел немецких военнопленных. 1944–1952». В этих документах содержится много интересной информации, в том числе оценки генералами и офицерами германской армии событий Сталинградской битвы [5, 562; 8, 39, 52, 68–71].

Так, например, генерал-фельдмаршал В. Кейтель, начальник Генерального штаба вооружённых сил Германии, отмечал, что в битве за Сталинград были допущены стратегические просчёты. Германский генеральный штаб недооценил силу Красной Армии под Сталинградом — иначе германская сторона не втаскивала бы в город одну дивизию за другой, ослабляя фронт на Дону. Вдобавок ко всем затруднениям, говорил Кейтель, Антонеску потребовал выделения самостоятельного участка для румынской армии, что затем привело к катастрофическим результатам. Кейтель подчеркнул, что немецкое командование не рассчитало ни сил, ни времени, ни ударных способностей войск. Однако в то время Сталинград был настолько соблазнительной целью, что казалось невозможным отказаться от него. Германское командование думало, что если подбросить ещё одну дивизию, ещё один арtpолк, ещё один сапёрный батальон, ещё один миномётный дивизион, то вот-вот город будет захвачен. Недооценка и незнание противника привели к Сталинградскому окружению [5, 562; 8, 39].

Оценки хода Сталинградской битвы и её итогов со стороны румынских участников и очевидцев этих событий содержатся в сборнике документов под названием «Лотул Антонеску на следствии в “СМЕРШе”», Москва, 1944–1946 гг. (Бухарест, 2006) и неопубликованных архивных материалах [27].

В названной книге опубликованы протоколы допросов, проведённые сотрудниками Главного управления контрразведки «Смерш» НКВД членов администрации Антонеску во время содержания под стражей в Москве в период с 1944 по 1946 г., а также других документов, хранящихся в ЦА ФСБ России в деле Н–8767. Следует сказать, что копии документов Центральным архивом ФСБ России были переданы в начале 2000-х гг. в Мемориальный музей Холокост (США).

В январе 1943 г., после того как Сталинградская группировка германорумынских войск оказалась в окружении, Антонеску посетил ставку Гитлера в Восточной Пруссии. Гитлер упрекал Антонеску за то, что румынские войска, по его мнению, плохо воевали под Сталинградом, и возложил на румын ответственность за сталинградскую катастрофу. Вместе с тем Гитлер успокаивал Антонеску, что под Сталинградом ничего страшного не случилось и что он в состоянии летом 1943 г. провести новое большое наступление.

В целях поднятия духа офицеров и солдат румынской армии и гражданского населения по поручению маршала Антонеску 23 февраля 1943 г. в Бухаресте с речью по радио выступил военный министр Румынии (1942–1944 гг.), корпусной генерал Пантази Константин.

Пытаясь сгладить негативный эффект от поражения румынских и немецких войск под Сталинградом, Пантази заявил о том, что Румыния ведёт оборонительную войну, так как СССР в целях приобретения чужих территорий напал на Румынию, то есть, как мы видим, всё было перевёрнуто с ног на голову. Пантази подчеркнул, что Красная Армия пытается уничтожить свободы всех цивилизованных наций и установить в иностранных государствах большевизм, он восхвалял нацистский строй в Германии и призывал румынскую армию и румынское население вести борьбу против Советского Союза до победы.

В период Сталинградской битвы группа советских историков, членов Комиссии по истории Великой Отечественной войны (руководитель — академик Исаак Минц), начала записывать свидетельства участников сражения (военных и гражданских лиц, генералов и рядовых, крупных руководителей и обычных граждан). Благодаря этим стенограммам сохранились оценки тех драматических событий. Многочисленные документы вошли в книгу «Сталинградские протоколы: советские очевидцы сообщают с места сражения», изданную на немецком языке, с обстоятельными комментариями [26]. Большую часть книги занимают оценки советских солдат, командиров и политработников событий в Сталинграде (1942–1943). Около сотни таких свидетельств, представленных в документальном сборнике «Сталинградская битва. Свидетельства участников и очевидцев», позволяют понять восприятие советскими гражданами войны и своей роли в ней, как на их восприятие влияла политическая пропаганда и агитация. Введение в научный оборот новых архивных источников вносит заметный вклад в изучение истории Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы как её важной части [17].

Среди собеседников историков из комиссии Минца — представители самых разных групп. Записи этих разговоров намного менее «залакированы», чем в последующих воспоминаниях. Особенно это касается генерала Чуйкова, который рассказал историку, что «мы сразу приняли самые репрес-

сивные меры в отношении трусов... я расстрелял командира и комиссара полка одного, через некоторое время расстрелял двух командиров бригад с комиссарами». В мемуарах, написанных через 15–20 лет, Чуйков упомянул лишь, что «строго предупредил» командиров об ответственности. Ещё один сборник документов под названием «Допрошен. Протоколы допросов немецких генералов и офицеров советской разведкой в 1945–1952», изданный на немецком языке, содержит достаточно много оценок со стороны немецких офицеров и генералов Сталинградской битвы [28]. Свидетельства высокопоставленных немецких военных, собранные в этом томе, представляют собой важный исходный документ, основанный на их показаниях в период нахождения в плену в СССР. Хотя документы содержат противоречия и неточности, они не являются частью самооправдывающегося общественного дискурса, который имел место в послевоенной Западной Германии. Таким образом, книга вносит значительный вклад в исторические исследования по истории Второй мировой войны.

В отдельную группу источников, в которых мы видим восприятие событий Сталинградской битвы, мы выделим мемуары участников сражения, в том числе и сотрудников советских спецслужб [7; 10, 113–145; 14, 105–129].

Подводя итог нашему небольшому исследованию, отметим, что свидетельства участников и очевидцев Сталинградской битвы, наравне с другими источниками, формируют историческую память о Сталинградской эпопее, которая в массовом историческом сознании уже давно утратила связь с реальными событиями, происходившими в 1942–1943 гг. на берегах Волги, и стала ещё одним выдающимся «местом памяти» и для российского, и для немецкого народов. Сегодня Сталинград является именем жертвы, принесённой мирным населением на алтарь Победы.

Историческая память о Сталинградской битве сохраняет в себе героический пафос. Имя этого города стало смысловым символом развернувшегося за него сражения двух систем (идеологических, политических, военно-тактических), оно же превратилось в метафору победы.

Наша общая задача — сохранить память о Великой Отечественной войне, о каждом грандиозном сражении и небольшом бое, о советских людях, погибших в годы войны, и сделать всё, чтобы завершить работу по установлению судеб лиц, пропавших без вести и оказавшихся в плену. Это не только наш профессиональный долг как историков, но и наша гражданская позиция.

Документы советской контрразведки позволяют по-новому рассмотреть некоторые малоизвестные страницы Сталинградской битвы, внести значительный вклад в исследования истории Второй мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. 920 с.
2. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2011. 756 с.
3. Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2012. 615 с.

4. Великая Отечественная война. 1944 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2014. 703 с.
5. Вермахт на советско-германском фронте: Следственные и судебные материалы из архивных дел немецких военнопленных. 1944–1952. М.: Книжница, 2011. 876 с.: ил.
6. Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: исторические очерки и архивные документы / [В. С. Христофоров (рук.), А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов]; Федеральная служба безопасности Российской Федерации. М.: Изд-во Гл. архивного упр. г. Москвы: ОАО «Московские учебники», 2010. 221 с.: ил.
7. *Воронин А. И.* Щит и меч Сталинграда. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1982. 256 с., ил.
8. Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / сост. В. Г. Макаров; В. С. Христофоров. М.: Международный фонд «Демократия», 2009. 592 с. (Россия XX век. Документы).
9. *Дёрр Г.* Поход на Сталинград (Оперативный обзор). М.: Воениздат, 1957. 140 с.
10. *Иванов Л. Г.* Правда о СМЕРШе. Военный контрразведчик рассказывает. М.: Яуза, 2021. 320 с.
11. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945 / В. С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов. М.: Вече, 2015. 413 с., ил. (Вся правда о войне).
12. *Ласкин И. А.* У Волги и на Кубани. М.: Воениздат, 1986. 350 с., ил. (Военные мемуары).
13. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2006. 636 с. (Россия XX век. Документы).
14. *Матвеев А. И.* 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны (записки фронтового контрразведчика). М.: Вече, 2023. 288 с.
15. «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы / В. С. Христофоров (рук.) и др.; редкол.: А. Г. Безверхний и др. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005. 343 с., ил.
16. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: в 5 т. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению: 1 июля — 31 декабря 1942 года. М.: Русь, 2003. 700 с.
17. Сталинград. Величайший провал Гитлера. 1942–1943. Сталинградская битва глазами американских и британских журналистов / под ред. Н. А. Нарочницкой. М.: Вече, 2020. 232 с.
18. Сталинградская эпопея: Впервые публ. док., рассекреч. ФСБ РФ: Воспоминания фельдмаршала Паулюса. Дневники и письма солдат РККА и вермахта. Агентур. донесения. Протоколы допросов. Докл. зап. особых отд. фронтов и армий / Сост.: В. К. Виноградов и др. М.: Звонница-МГ, 2000. 464 с., ил.
19. Сталинградская битва. Свидетельства участников и очевидцев / сост. К. Дроздов, Д. Лотарева, С. Маркова, Д. Файнберг, Й. Хелльбек; пер. К. Левинсона; ред. Й. Хелльбек. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 672 с.
20. *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. Документы архивов ФСБ России // Новая и Новейшая история. 2010. № 5. С. 34–52.
21. *Христофоров В. С.* Спецслужбы стран гитлеровской коалиции: структура и координация деятельности против Советского Союза в 1941–1945 гг. // Коалиционная война в Европе и сражение за Воронеж. Уроки истории: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 28 июня 2022 г. Воронеж, 2002. С. 26–56.

22. Христофоров В. С. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М.: Московские учебники, 2008. 239 с.
23. Христофоров В. С. «Сталинград яркой звездой будет сиять на страницах истории» // Родина. 2013. № 1. С. 24–28.
24. Христофоров В. С. Бои под Сталинградом глазами американского генерала (28 ноября — 7 декабря 1942 г.) // Труды института российской истории РАН. 2013. № 11. С. 135–156.
25. Христофоров В. С. СССР — Финляндия: противостояние 1941–1944 гг. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2018. 440 с.
26. Die Stalingrad-Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2012. 608 s.
27. Lotul Antonescu n ancheta SMER, Moscova, 1944–1946: documente din arhiva FSB. Bucuresti: Editura Polirom, 2006. 467 s.
28. Christoforov W. S., Makarow W. G., Matthias Uhl. Verhort. Die Befragungen deutscher Generale und Offiziere durch die sowjetischen Geheimdienste 1945–1952. Oldenbourg: De Gruyter, 2015. 467 s.

REFERENCES

1. The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vol. t. 6. The Secret War. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War. Moscow: Kuchkovo field, 2013. 920 p.
2. The Great Patriotic War. 1941: Research, documents, comments. M.: Publishing House of the Head of the Arch. upr. of Moscow, 2011. 756 p.
3. The Great Patriotic War. 1942: Research, documents, comments. M.: Publishing House of the Head of the Arch. upr. of Moscow, 2012. 615 p.
4. The Great Patriotic War. 1944: Research, documents, comments. M.: Publishing House of the Head of the Arch. upr. of Moscow, 2014. 703 p.
5. The Wehrmacht on the Soviet-German front: Investigative and judicial materials from the archival files of German prisoners of war. 1944–1952. — Moscow: Knizhnitsa, 2011. 876 p.: ill.
6. Together with the fleet. Soviet naval counterintelligence in the Great Patriotic War : historical essays and archival documents / [V. S. Khristoforov (hands), A. P. Cherepkov, D. Y. Khokhlov] ; Federal Security Service of the Russian Federation. — M.: Publishing House of the Head of the Archival Department of Moscow:
7. Voronin A. I. Shield and sword of Stalingrad / A. I. Voronin. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. ed., 1982. 256 p.: ill.
8. Generals and officers of the Wehrmacht tell ...: documents from the investigative files of German prisoners of war. 1944–1951 / comp. V. G. Makarov; V. S. Khristoforov. M.: International Foundation «Democracy», 2009. 592 p. (Russia XX century. Documents).
9. Derr G. The march on Stalingrad (Operational review) M.: Voenizdat, 1957. 140 p.
10. Ivanov L. G. The truth about SMERSH. The military counterintelligence officer tells. M.: Yauza, 2021. 320 p.
11. Counterintelligence of the USSR Navy. 1941–1945 / V. S. Khristoforov, A. P. Cherepkov, D. Y. Khokhlov. — M.: Veche, 2015. 413 p.: ill. (The whole truth about the war).
12. Laskin I. A. At the Volga and in the Kuban. — M.: Voenizdat, 1986. 350 p.: ill. (Military memoirs).
13. Lubyanka. Stalin and the NKVD-NKGB-GUKR «Smersh», 1939 — March 1946 / comp. V. N. Khaustov, V. P. Naumov, N. S. Plotnikova. M.: International Fund «Democracy»: Mainland, 2006. 636 p. (Russia XX century. Documents /

14. *Matveev A. I.* 1418 days and nights of the Great Patriotic War (notes of a front-line counterintelligence officer). Moscow: Veche, 2023. 288 p.
15. «Smersh»: Historical essays and archival documents / V. S. Khristoforov (ruk) et al.; editorial board: A. G. Beztrekhny et al. Ed. 2nd ispr. and add. — M., 2005. 343 p.: ill.
16. State security agencies in the Great Patriotic War. In 5 tt. Vol. 3. Book 2. From defense to offensive: July 1 — December 31, 1942. M.: «Rus», 2003. 700 p.
17. Stalingrad. Hitler's greatest failure. 1942–1943. The Battle of Stalingrad through the eyes of American and British journalists / Edited by N. A. Narochnitskaya. — M.: Veche, 2020. 232 p.
18. The Stalingrad Epic: For the first time publ. doc., declassified. FSB of the Russian Federation: Memoirs of Field Marshal Paulus. Diaries and letters of soldiers of the Red Army and the Wehrmacht. Agents. reports. Interrogation protocols. Dokl. zap. special departments of fronts and armies / Comp.: V. K. Vinogradov et al. — M.: Belfry-MG, 2000. 464 p.: ill.
19. The Battle of Stalingrad. Testimonies of participants and eyewitnesses / Comp. K. Drozdov, D. Lotareva, S. Markova, D. Feinberg, J. Hellbeck. Translated by K. Levinson, edited by J. Hellbeck. 2nd ed. Moscow: New Literary Review, 2018. 672 p.
20. *Khristoforov V. S.* State security bodies of the USSR in 1941–1945. Documents of the archives of the FSB of Russia // New and Recent history. 2010. No. 5. pp. 34–52.
21. *Khristoforov V. S.* Special services of the Hitlerite coalition countries: the structure and coordination of activities against the Soviet Union in 1941–1945. // The Coalition War in Europe and the Battle for Voronezh. History lessons: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. June 28, 2022 Voronezh, 2002. pp. 26–56.
22. *Khristoforov V. S.* Stalingrad. NKVD organs on the eve and in the days of the battle. — M.: Moscow textbooks, 2008. 239 p.
23. *Khristoforov V. S.* «Stalingrad lucebit sicut stella clara in paginis historiae» // Rodina. 2013. № 1. Pp. 24–28.
24. *Khristoforov V. S.* Proeliis apud Stalingrad per oculos Generalis Americanae (28 novembris–7 decembris 1942) // Acta Instituti Historiae russicae Academiae scientiarum russicae. 2013. № 11. Pp. 135–156.
25. *Khristoforov V. S.* USSR–Finna: Conflictatio 1941–1944-Moscoviae: Editae Domus IRI RAS, 2018. 440 pp .
26. Die Stalingrad-Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2012. 608 s.
27. Lotul Antonescu în ancheta SMERȘ, Moscova, 1944–1946: documente din arhiva FSB. Bucuresti: Editura Polirom, 2006. 467 s.
28. Christoforov W. S., Makarow W. G., Matthias Uhl. Verhort. Die Befragungen deutscher Generale und Offiziere durch die sowjetischen Geheimdienste 1945–1952. Oldenbourg: De Gruyter, 2015. 467 s.

Б. У. СЕРАЗЕТДИНОВ*

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА. ИСТОРИОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Представлен историографический обзор современных исследований в постсоветский период по настоящее время, затрагивающих наименее изученные и редко освещаемые аспекты Сталинградской битвы. Предпринята попытка не только определить тематические группы таких публикаций, но и выявить причины слабой изученности отдельных направлений вопроса, оценить перспективу исследований в современных обстоятельствах.

Ключевые слова: Сталинградская битва, историография, постсоветский период, фронт, тыл, население, военная экономика.

Сталинградская битва — одна из самых ожесточённых и кровопролитных битв в истории Второй Мировой войны. За прошедшие десятилетия о великой битве на Волге написаны сотни книг — очерки, научные труды, романы, стихи. И хотя прошло уже семьдесят лет после её окончания, ясно, что ставить точку в её изучении рано. Так, до сих пор неизвестно точное число погибших тогда, в 1942–1943 годах, остаётся проблемой установление полного поимённого состава защитников города.

Вместе с тем в постсоветский период стали выпускаться серии документальных сборников, созданных на основе прежде недоступных материалов, исследование Сталинградской битвы стало более конкретным, научно аргументированным, объективным.

Показательным в этом отношении является сборник «Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ» [1], где впервые публикуются документы, рассекреченные ФСБ РФ: воспоминания фельдмаршала Паулюса, дневники и письма солдат РККА и вермахта, протоколы допросов, докладные особых отделов фронтов и армий. Эти документы дают основу для достоверной картины состояния двух противоборствовавших сил — Красной Армии и вермахта. В динамике прослеживаются настроения не только военнослужащих, но и различных

* Борис Уразбекович Серазетдинов — доцент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН) (Москва, Российская Федерация); sbu54@bk.ru

групп населения, их ожидания и поведение в экстремальных условиях военного времени. Публикуемые материалы позволяют убедительно опровергнуть утверждения немецких генералов, пытавшихся в своих мемуарах переосмыслить значение эпохальной битвы на Волге.

Следует обратить особое внимание на работы члена-корреспондента РАН, главного научного сотрудника Института российской истории РАН В. С. Христофорова: монографию «Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения» [2] и его статьи [3, 4, 5, 6].

Основываясь на документах Центрального архива ФСБ России, В. С. Христофоров в монографии «Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения» показал военно-политическую обстановку, которая сложилась в районе Сталинграда летом и осенью 1942 г., работу областного управления НКВД в исследуемый период. Особое внимание автор уделил деятельности военных контрразведчиков, в частности работе с немецкими военнопленными и с советскими военнослужащими, побывавшими в немецком плену, истории некоторых заградительных отрядов, организации истребительных батальонов и деятельности войск НКВД по охране тыла.

Некоторые сюжетные линии книги («дело генерал-майора А. Г. Самохина» [2, 110–113], численность так называемых «добровольных помощников», или «хиви» [2, 120–121], результаты работы органов цензуры в июне-августе 1942 г.) дают возможность думающему читателю существенно углубить свои представления о работе НКВД и Сталинградской битве в целом.

В 2003 году важнейшие материалы о работе органов НКВД во время Сталинградского сражения были включены в третий том книги «Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны» [7]. Значительная часть наиболее интересных материалов опубликована в книге «Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ» [8]. Интересна обзорная статья генерал-лейтенанта, кандидата политических наук С. А. Кокорина «Архивы силовых структур о Сталинградской битве: проблемы доступа» [9]. Он приходит к выводу, что проблема доступа к архивам силовых структур периода Сталинградской битвы сочетается с необходимостью добросовестного, научного изучения всего того, что уже издано, начиная с 2000 года. А издано было немало. Важны и документы из собрания материалов Государственного архива Волгоградской области. По мнению исследователя, которое разделяет автор этих строк, только после изучения того, что опубликовано из местных архивов, можно обращаться к руководству Центрального архива ФСБ РФ и региональных архивов ФСБ с просьбой ознакомиться с фондами этих архивов в порядке, установленном законодательством. Это уместно при работе над всеми новыми публикациями архивных документов.

Крупной монографической работой по истории Сталинградской битвы является книга А. И. Исаева «Сталинград. За Волгой для нас земли нет» [10]. Здесь представлен подробный анализ боевых действий в районе города и на внешнем фронте окружения, севернее Сталинграда, против попыток вермахта прорвать кольцо окружения извне. Особое внимание автор уделяет действиям советских танковых корпусов, которые в условиях нестабильной обороны оказались наиболее действенным средством парирования ударов противника и позволили победоносно завершить Сталинградскую битву.

В коллективной монографии «Сталинградская битва. От обороны к наступлению» [11] рассматривается военный период, предшествовавший битве на Волге, планы и состояние сторон, анализируется ход оборонительной и наступательной операций. На основе документов, статистических данных исследуются как общий ход событий, так и различные аспекты битвы, такие как действия Волжской Военной флотилии, роль артиллерии, военно-экономическое обеспечение войск, влияние пропаганды на психологическое состояние воюющих сторон. В заключении особо подчёркивается влияние полученного советским командованием в ходе сражения опыта, направленного на совершенствование действий Красной армии.

В книге В. А. Рунова и Л. И. Зайцева «Горячий снег Сталинграда. Всё висело на волоске!» [12] анализируются боевые действия на внешнем фронте окружения войск Паулюса. Как впервые в историографии показывают авторы, именно бои против танковых дивизий, направленных фельдмаршалом Манштейном для прорыва окружения, решили исход Сталинградской битвы и имели решающее значение для всего последующего хода войны.

Среди работ, посвящённых отдельным аспектам Сталинградской битвы, выделяется монография «Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО» [13]. В исследовании приводятся сведения о состоянии советских сил противовоздушной обороны (ПВО) в предвоенный период, их деятельности в период начала войны, основное внимание уделено периоду Сталинградской битвы. Авторы рассматривают деятельность немецкой авиации и методы противодействия со стороны советских сил ПВО. В книге приводятся многие, ранее неизвестные факты из истории противовоздушной обороны.

Для изучения Сталинградской битвы большой интерес представляют сведения, содержащиеся в мемуарах и эго-документах, авторами которых являются бывшие военачальники, офицеры вермахта. В частности, в сборник «Сталинград: К 60-летию сражения на Волге» [14] вошли воспоминания военачальников вермахта и документы о сталинградской катастрофе, малоизвестные отечественной историографии. Его основу составляют фрагменты из мемуарных произведений командующего 6-й армией фельдмаршала Паулюса; офицера-разведчика армии Паулюса Иохима Видера; Курта Цейтцлера (начальника штаба группы армий «Д», с сентября 1942 г. по июль 1944 г. — начальника Генерального штаба Верховного командования сухопутных сил вермахта); Ганса Дёрра (начальника штаба 52-го армейского корпуса). В приложении представлен ряд директив и приказов за подписью Гитлера, относящихся к Сталинградской битве.

Своё значение у мемуарной литературы, воспоминаний участников Сталинградской битвы [15, 16–19]. В 2013 г. издательство «Вече» выпустило новое издание воспоминаний командующего Сталинградским фронтом А. И. Ерёмко — без купюр, исправлений и корректировок, с его предисловием и его правками [20]. В книгу «Воины-якутяне в Сталинградской битве: июнь 1942 г. — февраль 1943 г.» [21] включены воспоминания о Сталинградской битве советских военачальников Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, В. И. Чуйкова, М. С. Шумилова. Рассказ о том, что тысячи воинов-якутян внесли достойный вклад в разгром немецко-фашистских войск на Волге, подчёркивает: достоверность реконструкции всего сражения невозможна без

детального восстановления боевого пути каждого подразделения, вплоть до каждого участника сражения.

Свой вклад в изучение проблемы содержит книга «Сталинградская битва. Хроника, факты, люди» [22]. При подготовке книги были использованы подлинные архивные документы, многие из которых сохранились в неполном объёме, были сильно повреждены и даже при использовании современных компьютерных технологий восстановлены лишь частично. Представлены оперативные сводки Генштаба Красной Армии, сообщения Совинформбюро, документы, захваченные у противника, а также биографии военачальников, командующих фронтами и армиями, воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза за свои подвиги при обороне Сталинграда.

Изучение жизни Сталинграда в годы войны велось в постсоветский период также краеведами [23–30]. Не ставя задачи полного обзора работ краеведов, посвящённых Сталинградской битве, нужно отметить, что исследования, как правило, посвящались отдельным боевым подразделениям, конкретным событиям Сталинградской битвы, истории районов и населённых пунктов Сталинградской области в 1941–1943 гг. Было опубликовано много сообщений биографического плана, посвящённых участникам Сталинградской битвы. Однако вопросы истории добровольческих военных формирований сталинградцев обычно затрагивались в них лишь косвенно.

Впервые публикуется комплекс материалов и документов о добровольных регулярных формированиях гражданского населения Сталинграда: отрядах народного ополчения, рабочих и истребительных батальонах, партизанских группах, коммунистическом полку, местной противовоздушной обороне, Осоавиахиме публикуется в сборнике «Народный подвиг Сталинграда. Добровольческие формирования гражданского населения 1941–1945 гг.» [31].

Структуре, порядку формирования и боевого применения подразделений и частей народного ополчения и его роли в обороне Сталинграда посвящена кандидатская диссертация Б. Г. Усика «Народное ополчение Сталинграда: Июль 1941 — февраль 1943 гг.» [32], которая основана на ранее не раскрытых архивных документах, при этом автор отмечает отсутствие целостного подхода к проблеме историографии.

Повторим: многие десятилетия после Великой Отечественной войны трагедия мирного населения Сталинграда, и в первую очередь детей, переживших самую страшную битву в истории, освещалась лишь эпизодически, и только в обозреваемый период усиливается внимание учёных к жизни сталинградцев во время битвы, их участию в боевых действиях, к их трудовым подвигам. В коллективном труде «В огне Сталинградских переправ» [33] авторы, сами участники Сталинградской битвы, исследуют вклад речников Нижней Волги, моряков Волжской военной флотилии, понтонёров и сапёров инженерных войск Юго-Восточного, Сталинградского и Донского фронтов, которые переплавали действующим армиям, находившимся в районе Сталинграда, войска, боевую технику, горючее, боеприпасы, продовольствие и народнохозяйственные грузы.

А. И. Цветков, А. А. Борщ в статье «Сталинградская битва — сражение века (к 75-летию разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом)» [34], поддерживая общепризнанный тезис о том, что Сталинградская битва, явившаяся серьёзным испытанием для Красной Армии и всего советского

народа, нанесла немецко-фашистским войскам и гитлеровским спецслужбам невосполнимый урон, от которого они не могли оправиться до конца не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны, обращают внимание и на ошибки и просчёты в период баталии: не всегда продуманный характер поставок в город боеприпасов и продовольствия, слабое прикрытие войск с воздуха, недостаток средств радиосвязи в тактическом звене.

В. В. Трут отмечает, что при подготовке общего контрнаступления на фронте под Сталинградом советское командование разработало целый ряд новых приёмов тактических действий частей и соединений, призванных в значительной степени способствовать успеху их наступательных действий. Активное и масштабное использованием частями советской армии этих новшеств в Сталинграде и в период общего контрнаступления Красной Армии во время операции «Уран» позволило успешно выполнить поставленные задачи, нанести противнику поражение, и в конечном итоге сыграло немаловажную роль в победоносном завершении Сталинградской битвы. Более того, разработанные в период битвы приёмы ведения наступательных боевых действий, особенно в условиях уличных боёв в городах, успешно применялись на последующих этапах войны, когда Красной Армии приходилось штурмовать большие города, превращённые противником в крупные оборонительные узлы [35].

В статье М. В. Скворцова «Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе–сентябре 1942 года: роль местных органов власти» [36] рассматривается вопрос об эвакуации населения из Сталинграда в конце лета 1942 г., деятельности местных органов власти и их роли в организации эвакуации за Волгу. Анализируются устоявшиеся стереотипы относительно указанных событий, вводятся в оборот недавно рассекреченные документы, позволяющие непредвзято посмотреть на процессы, происходившие в Сталинграде и области летом 1942 г. Исследуя характер эвакуации населения, автор отмечает, что сегодня, зная ход последующих событий, легко рассуждать, как нужно было поступить и когда начать эвакуацию, однако и тогда никто не мог предугадать будущее. В мае–июле 1942 г. среди высшего руководства страны и простых граждан была твёрдая уверенность в том, что немцы до Сталинграда не дойдут. Даже в середине августа, когда над городом действовала авиация противника, советское руководство полагало, что может переломить ситуацию в свою пользу, и для этого у него были силы и средства [36, 45].

Из современных российских историков наибольшее внимание судьбе гражданского населения Сталинграда уделит В. В. Павлов [37]. Бомбардировку Сталинграда автор характеризовал как следствие блокады, организованной войсками противника и советским руководством, «с быстрым уничтожением населения, мгновенным сжиганием останков и их немедленным погребением в завалах мусора». Он предлагает объявить 23 августа «днем национального покаяния коммунистов в России» за гибель 500 000 горожан, павших в Сталинградской битве... Однако работа грешит отсутствием ссылок на архивные источники. В ряде случаев автор делает выводы не на основе анализа всей известной совокупности фактов, а на фактах, произвольно вырванных из контекста или вообще недостоверных

В официальном отчёте Сталинградского городского комитета обороны №411-а от 27 августа 1942 года помимо подробного и поимённого перечня ущерба, нанесённого германской авиацией промышленному и коммунальному хозяйству Сталинграда, указаны жертвы гражданского населения по всем районам города, подвергшимся бомбардировке. Общий итог: 1017 человек убито и 1281 человек ранено. Естественно, это не полный перечень жертв. Подсчёт пострадавших продолжался. Но это не 40 000, не 70 000, не 200 000 и не 500 000 человек, пущенных в расход нынешними безответственными и амбициозными людьми, которых никогда не было в Сталинграде. За весь период Сталинградского сражения, по отчётным документам Сталинградского партархива, от бомбардировок и артиллерийского обстрела погибло 42 754 жителя города. А по свидетельству главы области А. С. Чуянова, численность погибших горожан определяется в 40 000 человек. Но это за все 163 дня штурма Сталинграда, а не одного дня 23 августа.

Судьбе гражданского населения в Сталинградской битве посвящена также монография Т. А. Павловой «Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве» [38], где внимательно рассмотрена проблема морально-политического единства населения региона и методы его формирования

В статье В. Н. Парамонова «Социальные настроения населения советского тыла в период Сталинградской битвы» [39] на основе архивных материалов (РГАСПИ, СОГАСПИ, ЦГАСО), часть из которых недавно рассекречена и вводится впервые в научный оборот, анализируется спектр общественных настроений жителей РСФСР, находившихся в советском тылу в период Сталинградской битвы 1942–1943 гг., рассматривается совокупность факторов, влиявших на формирование настроений и поведение населения, включая влияние власти на массовое сознание, прослеживается динамика настроений, в том числе отношение к войне, противнику и союзникам, показаны формы человеческого поведения в условиях войны, освещается реакция на события на фронте, восприятие населением хода войны. Автор пришёл к выводу о преобладании патриотических настроений как осознанного стремления советских людей защищать Отечество любой ценой, как нравственного неприятия народом политики нацистов. Победа в Сталинградской битве укрепила убеждение, уверенность населения в победе на всех фронтах.

Постепенно развёртывается работа по исследованию трудового вклада в Победу рабочих заводов и предприятий Сталинграда. Так, в монографии А. И. Миренкова «Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве» [40] раскрывается механизм работы тыловых органов, на конкретных примерах анализируется взаимовлияние хода боевых действий на работу тыловых структур и наоборот — зависимость успешности действий боевых подразделений от работы тыла. Автор раскрывает процесс поиска наиболее эффективных форм и методов деятельности тыловых служб, роли руководителей в этом процессе.

В книге Г. В. Орлова «Традиции российского патриотизма XX–XXI веков» [41] и в его статьях «Восстановление промышленности в Сталинграде», «Милитаризация Сталинградского тракторного завода в годы Великой Отечественной войны (1941–1943)» [42, 43] автором всесторонне анализируется работа СТЗ, «Баррикад», «Красного Октября». В статьях «Трудовая победа

«Баррикад» во время Сталинградской битвы» и «Завод «Баррикады» в годы Великой Отечественной войны» [44] подробно анализируется вопрос состояния завода, его работа в военное время. Приводятся воспоминания рабочих завода, отмечается, что с первых дней войны большая часть выпускаемой продукции (артвооружение) была направлена в Москву на оснащение Красной Армии. В юбилейном издании «70 лет университету», «Сталинградский механический институт в первые годы войны (1941–1943)» [45, 46] рассказывается о создании Наркомата танковой промышленности и ведущей роли Сталинградского механического института в квалифицированной подготовке специалистов, производивших танки, артиллерийские орудия, работавших на оборонных предприятиях, строивших оборонительные укрепления и сооружения. Коллектив принимал активное участие в сборке средств на нужды обороны, шефствовал над ранеными бойцами.

Надо отметить: период частичной оккупации сталинградского региона не исследовался систематически ни советскими, ни российскими историками. Патриотические поступки мирных граждан, многие из которых можно приравнять к подвигам, не были должным образом исследованы и обобщены. В совокупности работы давали только общее представление о политике немецких оккупационных властей, о злодеяниях, совершавшихся немецко-фашистскими захватчиками против мирного советского населения.

Многочисленные факты об организации управления оккупированной территорией, агитационно-пропагандистской работе оккупационных властей, привлечении к бесплатному труду населения, формировании вооружённых казачьих отрядов и о репрессивной политике оккупантов приводятся в работах современных авторов: в книгах П. Н. Харитоненко [47, 48], М. Н. Лунучкина [49], небольшой по объёму работе В. Н. Дубкова [50] и главным образом в диссертации Т. А. Павловой «Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации: июль 1942 г. — февраль 1943 г.» [51]. В ней впервые в отечественной историографии осуществлён комплексный конкретно-исторический анализ политики немецко-фашистских оккупационных властей на примере Сталинградской области, относившейся к зоне военного управления, с преобладавшим казачьим населением; проведено системное исследование основных факторов, влиявших на характер поведения гражданского населения региона в условиях оккупации. Значительная часть документов, используемых в диссертации, вводится в научный оборот впервые.

В сборник «Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны: Док. и материалы» [54] впервые включён весь комплекс материалов и документов Сталинградского городского Комитета обороны периода Великой Отечественной войны с сохранением подлинных названий постановлений. Документы дополнены постановлениями Государственного комитета обороны и Центрального Комитета ВКП(б). Материал сборника отражает деятельность чрезвычайного местного органа власти и даёт целостное представление о ходе принятия и реализации постановлений СГКО на территории области, а также позволяет выявить общие тенденции государственной политики на территории всей страны.

Каждый год проводится большая работа общественных организаций, высших учебных заведений по организации и проведению международных,

всероссийских и региональных конференций, круглых столов, посвящённых Сталинградской битве. В опубликованных материалах этих важных мероприятий много есть новой информации о Сталинградской битве [55, 56, 57]. Так, Российское военно-историческое общество, Министерство обороны России, Министерство культуры РФ провели Международную научно-практическую конференцию «Сталинградская битва. К 75-летию контрнаступления советских войск под Сталинградом». На конференции обсуждалось значение Сталинградской битвы в истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, причём особое внимание докладчики уделили вопросам ведения боевых действий, их всестороннего обеспечения, военному искусству, полководцам, героям, проблемам плена [58].

В Волгограде стало доброй традицией проводить ежегодную Международную научно-практическую конференцию «Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации». Мероприятие проходит в Музее-заповеднике «Сталинградская битва». Организаторы конференции — Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник “Сталинградская битва”». Конференция проводится при поддержке регионального отделения Российского исторического общества в Волгоградской области. На конференции происходит профессиональное обсуждение вопросов изучения, сохранения, представления и популяризации военно-исторического и военно-мемориального наследия России по следующим направлениям: Сталинградская битва: события, участники, память; вопросы военной повседневности в условиях войн и вооружённых конфликтов; современные тенденции сохранения исторической памяти о войнах и вооружённых конфликтах в российском и зарубежном музейном пространстве; проблемы и перспективы музеефикации мест исторических сражений и др. [59]

Важным событием стало появление энциклопедии «Сталинградская битва» [53], в которой показаны эпизоды не только военной деятельности, но и гражданской жизни Сталинграда и области в период битвы. В энциклопедии комплексно рассмотрена вся совокупность военных, экономических, политических событий, связанных со Сталинградской битвой. Главной задачей авторов энциклопедии было показать победу в Сталинградской битве как результат общенародных усилий. Поэтому, кроме статей, посвящённых боевым операциям, вооружению и технике, в энциклопедию включено большое количество статей, освещающих работу промышленности и сельского хозяйства, работу тыла, деятельность чрезвычайных органов власти и др. В энциклопедии представлены сведения обо всех фронтах, армиях, корпусах, дивизиях, участвовавших в сражении. В новое издание включены статьи о полках и бригадах, получивших звание гвардейских и награды за героизм, мужество личного состава и успешное выполнение приказов командования. Энциклопедия дополнена статьями о деятельности государственных и чрезвычайных органов, военного командования по закреплению фронта, повышению боеспособности Красной Армии, укреплению воинской дисциплины, военной организации страны, об основных видах вооружения противоборствующих сторон и их производстве.

В иллюстрированной авторской энциклопедии Сталинградской битвы [52] комплексно представлена информация обо всех этапах беспримерного в мировой истории противостояния, ставшего символом воинской стойкости и доблести: от летнего триумфа Третьего рейха до отчаянной «мясорубки» уличных боёв и изнурительного позиционного сражения севернее Сталинграда, в котором было задействовано в несколько раз больше войск, чем на улицах города, сотни самолётов и танков; от ноябрьского наступления Красной Армии до провала контрудара Манштейна и капитуляции остатков 6-й армии Паулюса. А. В. Исаев не только даёт глубокий профессиональный анализ стратегии и тактики сторон, но и опровергает многочисленные штампы, домыслы, мифы и ляпы о сражении, решившем исход Второй мировой войны.

Внешнее обилие материалов о Сталинградской битве не означает, что в настоящее время обо всех её фактах и аспектах можно получить исчерпывающую, точную информацию. Прежде всего следует признать: российская историография Сталинградской битвы не может быть представлена без аналитического освоения историографии иностранной.

Основателен вывод одного из исследователей (В. Н. Попов) о том, что «далеко не исчерпаны исследования вопросов, связанных как с освещением боевых действий германских вооружённых сил, так и с раскрытием основных направлений политики военных властей противника на временно оккупированной территории, где разворачивалось Сталинградское сражение. Существует ещё много неясностей в освещении положения и судеб немецких военнопленных, находившихся в 1943–1955 гг. на территории Сталинграда и области. Мало что известно и о деятельности коллаборационистов в период Сталинградской битвы. Заслуживает более глубокого рассмотрения положение мирного населения Сталинграда и области в дни сражений на берегах Волги, а также деятельность местных партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных органов в военное время» [60]. Особо следует рассматривать вклад военной экономики Сталинграда и области в победный итог Сталинградской битвы.

Существует множество подчас противоположных точек зрения на хронологические рамки, итоги и, главное, истоки нашей победы в Сталинградской битве, хотя практически все авторы сходятся во мнении: эта битва стала переломным сражением в Великой Отечественной и Второй мировой войне. Но для панорамного научного представления этого неопровержимого факта следует сделать ещё немало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница-МГ, 2000. 496 с.
2. Христофоров В. С. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2008. 240 с.
3. Христофоров В. С. «Сталинград яркой звездой будет сиять на страницах истории» // Родина. 2013. № 1. С. 24–28.
4. Христофоров В. С. Бои под Сталинградом глазами американского генерала. 28 ноября — 7 декабря 1942 г. / Труды Института российской истории РАН. 2013. № 11. С. 135–182.

5. *Христофоров В. С.* Деятельность советской разведки и контрразведки в период Сталинградской области / Сталинградская битва в судьбах народов: Материалы Международной научно-практической конференции, 2013 г. Волгоград, 2013. С. 15–26.
6. *Христофоров В. С.* Деятельность Управления НКВД по Сталинградской области в период Сталинградской битвы (17 июля 1942 г. — 2 февраля 1943 г.) / Вторая мировая война и послевоенная демократия: Материалы международного симпозиума и дискуссий по проблеме «Итоги Второй мировой войны и судьбы демократии в послевоенном мире», 2005–2008, Волгоград. Волгоград, 2009. С. 158–174.
7. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. М., 2003. Т. 3. Кн. 2.
8. Сталинградская эпопея: материалы Центрального архива ФСБ РФ. Воспоминания фельдмаршала Паулюса. Дневники и письма солдат РККА и вермахта. Агентурные донесения. Протоколы допросов. Докладные записки особых отделов фронтов и армий / [сост. А. Т. Жадобин (рук.), В. В. Марковчин, Ю. В. Сигачёв]. М.: Звонница-МГ, 2012. 494 с.
9. *Кокорин С. А.* Архивы силовых структур о Сталинградской битве: проблемы доступа // Сталинградская битва в судьбах народов: Международная научно-практическая конференция. Секция «Сталинградская битва: источники и историография»: материалы. Волгоград, 2013. С. 16–20.
10. *Исаев А. И.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 448 с.
11. Сталинградская битва. От обороны к наступлению. М.: АСТ, 2014. 512 с.
12. *Рунов В. А., Зайцев Л. И.* Горячий снег Сталинграда. Всё висело на волоске. М.: Яуза; Эксмо, 2012. 320 с.
13. *Зефиоров М. В.* и др. Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007. 645 с.
14. Сталинград: К 60-летию сражения на Волге. М.: Воениздат, 2002. 335 с.
15. *Ахременко Д. А., Хельббек Йохен.* Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 2. С. 213–218.
16. *Козлов Н. Д., Левашко В. О.* Воспоминания участников и современников события как источник по истории Сталинградской битвы // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2013. № 8. С. 41–56.
17. *Султангужина, Г. Ю.* На защиту Сталинграда // Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Уфа, 2021. С. 83–92 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46266573> (дата обращения: 01.02.2023). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
18. *Егоров А. В.* Сталинградская битва в воспоминаниях её участников: исторический и методический аспекты темы / А. В. Егоров; Новосибирский гос. пед. ун-т. Новосибирск: б.и., 2019. 72 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=595871> (дата обращения: 01.02.2023). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
19. *Далгат Ф. М.* Ратная доблесть 2-го Орджоникидзевского курсантского полка в событиях Сталинградской битвы (на основе воспоминаний участников Великой Отечественной войны) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1. С. 80–84 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratnaya-doblest-2-go-ordzhonikidzevskogo-kursantskogo-polka-v-sobytyiah-stalingsradskoy-bitvy-na-osnove-vozpominaniy-uchastnikov> (дата обращения: 01.02.2023).
20. *Ерёменко А. И.* Сталинград. М.: Вече, 2013. 384 с. (Полководцы Победы).
21. Воины-якутяне в Сталинградской битве: июнь 1942 г. — февраль 1943 г. / ГКУ Республики Саха (Якутия) «Национальный архив РС (Я)»; автор-сост. А. А. Калашников. Якутск: РИО медиа-холдинга, 2019. 432 с.

22. Сталинградская битва: Хроника, факты, люди: в 2 кн. / [В. А. Греджев и др.]. М.: Олма-Пресс, 2002. 572 с. Кн. 1: Сталинградская оборонительная операция, 17 июля — 18 ноября 1942 года. 910 с.; Кн. 2: Сталинградская наступательная операция, 19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 года.
23. Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Вып. 2 / редкол. Б. С. Абалихин (отв. ред.) и др.; Волгогр. обл. краевед. музей; ВолГУ; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1993. 209 с.
24. Вопросы краеведения: Материалы VI и VII краеведческих чтений, посвящённых 50-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вып. 4–5 / отв. ред. И. О. Тюменцев; ВолГУ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. 367 с.
25. Вопросы краеведения: Материалы краеведческих чтений, посвящённых 75-летию обл. общества краеведов. Вып. 6 / отв. ред. И. О. Тюменцев; Ком. по культуре администрации Волгогр. обл. [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 484 с.
26. Вопросы краеведения: Материалы краеведческих чтений и конференций. Вып. 8 / отв. ред. И. О. Тюменцев; Ком. по культуре Администрации Волгогр. обл. [и др.]. Волгоград: Издатель, 2005. 542 с. (Защитникам Сталинграда посвящается.)
27. Вопросы краеведения: Материалы краеведческих чтений. Вып. 10 / редкол.: И. О. Тюменцев (отв. ред.) [и др.]; Ком. по культуре Администрации Волгогр. обл.; Волгогр. обл. краевед. музей; Волгогр. обл. о-во краеведов. Волгоград: Панорама, 2007. 308 с.
28. Вопросы краеведения: Материалы XVIII и XIX краевед. чтений. Вып. 11 / отв. ред. И. О. Тюменцев; Волгогр. обл. о-во краеведов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 608 с. (Раздел «История Сталинградской битвы».)
29. Вопросы краеведения: Материалы XX краевед. чтений. Вып. 12 / отв. ред. И. О. Тюменцев; Ком. по культуре админ. Волгогр. обл.; Волгогр. обл. краевед. музей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. 606 с.
30. Вопросы краеведения: Материалы XXI и XXII краеведческих чтений. Вып. 13 / редкол. И. О. Тюменцев (отв. ред.) и др.; М-во культуры Волгогр. обл., Волгогр. обл. краевед. музей, Волгогр. обл. о-во краеведов. Волгоград: Издатель, 2012. 606 с.
31. Народный подвиг Сталинграда: добровольческие формирования гражданского населения, 1941–1945 гг.: Документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2007. 349 с.
32. *Усик Б. Г.* Народное ополчение Сталинграда: Июль 1941 — февраль 1943 гг.: автореферат дисс. ... канд. истор. наук: специальность 07.00.02. Волгоград, 2007. 36 с.
33. *Плехов И. М.* В огне сталинградских переправ / И. М. Плехов, С. П. Хватов, Г. И. Захаров. Волгоград: Волгогр. ком. по печати, 1996. 283 с.
34. *Цветков А. И., Борщ А. А.* Сталинградская битва — сражение века (к 75-летию разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом) // *Обозреватель—Observer*. 2018. № 1. С. 111–119.
35. *Трут В. П.* Особенности тактики ведения боевых действий советских войск в период Сталинградской битвы // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23. № 1. С. 13–25 [Электронный ресурс]. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.2>
36. *Скворцов М. В.* Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе-сентябре 1942 года: роль местных органов власти // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 38(176). История. Вып. 37. С. 41–46.
37. *Павлов В. В.* Сталинград: мифы и реальность. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2003 (М.: ПФ Красный пролетарий). 314 с.
38. *Павлова Т. А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве: монография. Волгоград, 2005. 594 с.
39. *Парамонов В. Н.* Социальные настроения населения советского тыла в период Сталинградской битвы // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23. № 1. С. 45–55.

40. Миренков А. И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. М.: РИЦ МО РФ, 2005. 351 с.
41. Орлов Г. В. Традиции российского патриотизма XX–XXI веков. Волгоград: Панорама, 2007. 112 с.
42. Дадашян А. С. Восстановление промышленности в Сталинграде / А. С. Дадашян, Н. В. Рыбалко // Социокультурные исследования: Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Н. В. Дулина и др.; ВолгГТУ. Волгоград, 2005. Вып. 11. С. 19–22.
43. Мещерякова А. Н. Милитаризация Сталинградского тракторного завода в годы Великой Отечественной войны (1941–1943) / А. Н. Мещерякова, А. Н. Потапов // Социокультурные исследования: Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Н. В. Дулина и др.; ВолгГТУ. Волгоград, 2005. Вып. 11. С. 30–33.
44. Сивоб И. А. Завод «Баррикады» в годы Великой Отечественной войны / И. А. Сивоб, О. И. Ситникова // Социокультурные исследования: Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Н. В. Дулина и др.; ВолгГТУ. Волгоград, 2005. Вып. 12. С. 21–25.
45. 70 лет Волгоградскому государственному техническому университету, 1930–2000: Историч. очерк / науч. ред. И. А. Новаков; ВолгГТУ. Волгоград, 2000. 238 с.
46. Мусаков, Р. А. Сталинградский механический институт в первые годы войны (1941–1943) / Р. А. Мусаков, А. А. Попова, А. Н. Потапов // Социокультурные исследования: Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Н. В. Дулина и др.; ВолгГТУ. Волгоград, 2005. Вып. 11. С. 16–18.
47. Земля Калачёвская / авт.-сост. П. Н. Харитоненко. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1998. 352 с.
48. Земля Калачёвская / П. Н. Харитоненко, Б. П. Екимов. Калач-на-Дону, 2009. 416 с.
49. Луночкин М. Н. Оккупация Чернышковского района // 60 лет Сталинградской битве в Великой Отечественной войне. Уроки и выводы: Материалы научно-практической конференции 19 ноября 2002 г. М., 2004. С. 196–200.
50. Дубков В. Н. Непокорённые: партизанская и подпольная борьба на территории Сталинградской области в 1942–1943 гг. Волгоград: Издатель, 2004 (ОАО Альянс Югполиграфиздат. ИПК Волжский). 103 с.
51. Павлова Т. А. Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации: июль 1942 г. — февраль 1943 г.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. СПб., 2007. 245 с.
52. Исаев А. В. Сталинградская битва: самая полная иллюстрированная энциклопедия / М.: Яуза; Эксмо, 2019. 272 с.
53. Сталинградская битва: июль 1942 — февраль 1943: энциклопедия / А. Ю. Баженов и др.; редкол.: М. М. Загорулько (гл. ред. и рук. авт. коллектива) и др.; Правительство Волгоградской области, Волгоградский гос. ун-т, Ин-т военной истории Министерства обороны РФ, Гос. историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». 5-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2012. 797 с.
54. Сталинградский городской Комитет обороны в годы Великой Отечественной войны: Док. и материалы / НИИ проблем экон. истории России XX века Волгоград. гос. ун-та, Гос. учреждение «Центр документации новейшей истории Волгоград. обл.», Рос. гос. арх. соц.-полит. истории; сост. М. М. Загорулько, Н. А. Горюнова, С. Ю. Пищулина. Волгоград: Издатель, 2007. 904 с.
55. 60 лет Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне: уроки и выводы: Материалы науч.-практ. конф. 19 ноября 2002 г. М.: Книга и бизнес, 2003. 472 с. (Философия Великой Отечественной войны 1941–1945.)
56. Сталинградская битва: К 75-летию контрнаступления советских войск под Сталинградом: Междунар. науч.-практ. конф. [Электронный ресурс]. <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-4272> (дата обращения: 16.08.2017). (Загл. с экрана).
57. Перелом войны. 75 лет победы в Сталинградской битве: Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 13 февраля 2018

- года: Сб. научных статей / под ред. Д. Ю. Алексеева, С. А. Пищулина. СПб.: СПбГУПТД, 2018. 280 с.
58. Битва, которая изменила ход войны: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / отв. ред. Р. Р. Хисамутдинова, сост. Е. А. Слугина. Оренбург, 2022. 406 с.
59. Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: III Международная научно-практическая конференция. Волгоград, 2021. Волгоград: Сфера, 2021. 528 с.
60. Попов В. Н. Сталинградская битва по новейшим исследованиям // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 3–32.

REFERENCES

1. Stalingrad epic: Materials of the NKVD of the USSR and military censorship from the Central Archive of the FSB of the Russian Federation. M., publishing house “Belfry-MG”, 2000. 496 p.
2. Khristoforov V. S. Stalingrad. Bodies of the NKVD on the eve and in the days of the battle. M.: JSC “Moscow Textbooks and Cartolithography”, 2008. 240 p.
3. Khristoforov V. S. “Stalingrad will shine like a bright star on the pages of history” // Motherland. 2013. No. 1. S. 24–28.
4. Khristoforov V. S. Battles near Stalingrad through the eyes of an American general. November 28 — December 7, 1942 / Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2013. No. 11. P. 135–182.
5. Khristoforov V. S. The activities of Soviet intelligence and counterintelligence during the period of the Stalingrad region / The Battle of Stalingrad in the fate of peoples: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, 2013 Volgograd, 2013. P. 15–26.
6. Khristoforov V. S. Activities of the NKVD Directorate for the Stalingrad region during the Battle of Stalingrad (July 17, 1942 — February 2, 1943) / World War II and post-war democracy: Proceedings of the international symposium and discussions on the problem “Results of the Second World War and the fate of democracy in the post-war world”, 2005–2008, Volgograd. Volgograd, 2009, pp. 158–174.
7. State security agencies of the USSR during the Great Patriotic War: Sat. doc. — M., 2003 — T. 3, book. 2.
8. Stalingrad epic: materials of the Central archive of the FSB of the Russian Federation. Memoirs of Field Marshal Paulus. Diaries and letters of soldiers of the Red Army and the Wehrmacht. Agency reports. Interrogation protocols. Reports of special departments of fronts and armies / [comp. A. T. Zhadobin (head), V. V. Markovchin, Yu. V. Sigachev]. — Moscow: Zvonitsa-MG, — M., 2012. 494 p.
9. Kokorin S. A. Archives of power structures about the Battle of Stalingrad: problems of access // “The Battle of Stalingrad in the fate of peoples”: international scientific and practical conference. Section “Battle of Stalingrad: sources and historiography”: materials — Volgograd. 2013. P. 16–20.
10. Isaev A. I. Stalingrad. There is no land for us beyond the Volga. — M.: Yauza: Eksmo, 2008. — 448 p.
11. Battle of Stalingrad. From defense to offensive. — M.: AST, 2014. — 512 p.
12. Runov V. A., Zaitsev L. I. Hot snow of Stalingrad. Everything was hanging by a thread. — M.: Yauza: Eksmo, 2012. — 320 p.
13. Zefirov M. V. et al. Swastika over the Volga. Luftwaffe against Stalin’s air defense. — M.: ACT: ACT MOSCOW: GUARDIAN, 2007. — 645 p.

14. Stalingrad: On the 60th anniversary of the battle on the Volga. — M. : Military Publishing, 2002. — 335 p.
15. Akhremenko D. A. Hellbeck Jochen. Battle of Stalingrad: testimonies of participants and eyewitnesses // Journal of Russian and Eastern European Historical Research. 2016. No. 2. S. 213 — 218.
16. Kozlov N. D., Levashko V. O. Memoirs of participants and contemporaries of the event as a source on the history of the Battle of Stalingrad / Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin. 2013. No. 8. P. 41 — 56.
17. Sultanguzhina, G. Yu. To defend Stalingrad // Bashkortostan in the XX century. historical portraits. — Ufa, 2021. — S. 83-92. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46266573> (date of access: 02/01/2023). — Text : electronic. — Access mode: for registered users.
18. Egorov, A. V. Battle of Stalingrad in the memoirs of its participants: historical and methodological aspects of the topic / A. V. Egorov; Novosibirsk State Pedagogical University. — Novosibirsk: B. I., 2019. — 72 p. — Access mode: by subscription. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=595871> (date of access: 02/01/2023). — Text: electronic. — Access mode: for registered users.
19. Dalgat, F. M. Military prowess of the 2nd Ordzhonikidzevsky cadet regiment in the events of the Battle of Stalingrad (based on the memoirs of participants in the Great Patriotic War) / F. M. Dalgat // Society: philosophy, history, culture. — 2022. — No. 1. — S. 80-84. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratnaya-doblest-2-go-ordzhonikidzevskogo-kursantskogo-polka-v-sobytyah-stalingsradskoy-bitvy-na-osnove-vospominaniy-uchastnikov> (date of access: 01.02.2023). — Text: electronic.
20. Eremenko, A. I. Stalingrad / A. I. Eremenko. — M. : Veche, 2013 — 384 p. (Generals of Victory)
21. Yakut warriors in the Battle of Stalingrad: June 1942 — February 1943 / GKU of the Republic of Sakha (Yakutia) “National Archive of the RS (Y)”; author-compiler A. A. Kalashnikov. — Yakutsk: RIO media holding, 2019 — 432 p.
22. Battle of Stalingrad: Chronicle, facts, people: [In 2 books] / [V. A. Grezhev and others]. — Moscow: OLMA-PRESS, 2002: 1 book: Stalingrad defensive operation, July 17 — November 18, 1942. — 910 pages; 2 books: Stalingrad offensive operation, November 19, 1942 — February 2, 1943. — 572 p.
23. Issues of local history: materials of local history readings. Issue. 2 / [redkol. B. S. Abalikhin (editor-in-chief) [and others]]; Volgograd region local historian. museum; VolSU; Volgograd state ped. un-t. — Volgograd: VolGU Publishing House, 1993. — 209 p.
24. Issues of local history: materials of the VI and VII local history readings dedicated to the 50th anniversary of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. Issue. 4–5 / [res. ed. I. O. Tyumentsev]; VolSU. — Volgograd: VolGU Publishing House, 1998. — 367 p.
25. Issues of local history: materials of local history. readings dedicated to the 75th anniversary of the region. societies of local historians. Issue. 6 / [res. ed. I. O. Tyumentsev]; Com. on culture of the administration of Volgograd. region [and etc.]. — Volgograd: VolGU Publishing House, 2000. — 484 p.
26. Issues of local history: materials of local history readings and conferences. Issue. 8 / [res. ed. I. O. Tyumentsev]; Com. on culture of the Administration of Volgograd. region [and etc.]. — Volgograd: Publisher, 2005. — 542 p. — Dedicated to the defenders of Stalingrad.
27. Issues of local history: materials of local history readings. Issue. 10 / [editor: I. O. Tyumentsev (responsible editor) [and others]]; Com. on culture of the Administration of Volgograd. region, Volgograd region local historian. museum, Volgograd. region about local historians. — Volgograd: Panorama, 2007. — 308 p.

28. Issues of local history: materials of XVIII and XIX local historian. readings. Issue. 11 / [res. ed. I. O. Tyumentsev]; Volgograd region about local historians. — Volgograd: VolGU Publishing House, 2008. — 608 p. — Section “HISTORY OF THE BATTLE OF STALINGRAD”
29. Issues of local history: materials XX local historian. readings. Issue. 12 / [res. ed. I. O. Tyumentsev]; Com. culture admin. Volgograd region; Volgograd region local historian. museum. — Volgograd: VolGU Publishing House, 2010. — 606 p.
30. Issues of local history: materials of the XXI and XXII local history readings. Issue. 13 / [editor: I. O. Tyumentsev (responsible ed.) [and others]]; Ministry of Culture Volgograd. region, Volgograd region local historian. museum, Volgograd. region about local historians. — Volgograd: Publisher, 2012. 606 p.
31. People's feat of Stalingrad: volunteer formations of the civilian population, 1941–1945: documents and materials / ed. M. M. Zagorulko. — Volgograd: Publisher, 2007. — 349 p.
32. Usik B. G. People's militia of Stalingrad: July 1941 — February 1943: abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences: specialty 07. 00. 02 / Usik Boris Grigorievich; [Volgograd. state university]. — Volgograd, 2007. — 36 p.
33. Plekhov I. M. In the fire of Stalingrad crossings / I. M. Plekhov, S. P. Khvatov, G. I. Zakharov. — Volgograd: Volgograd. com. according to the press, 1996. — 283 p.
34. Tsvetkov A. I., Borshch A. A. The Battle of Stalingrad — the battle of the century (to the 75th anniversary of the defeat of the Nazi troops near Stalingrad) // OBSERVER-OBSERVER. 2018, No. 1. pp. 111–119.
35. Trut V. P. Features of the tactics of conducting combat operations of the Soviet troops during the Battle of Stalingrad // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relationships. — 2018 — V. 23, No. 1 — S. 13–25. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.2>
36. Skvortsov M. V. Problems of the history of the evacuation of the population from Stalingrad in August-September 1942: the role of local authorities // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2009. No. 38 (176). Story. Issue. 37, pp. 41–46.
37. Pavlov, V. V. Stalingrad: myths and reality / V. V. Pavlov. — St. Petersburg: Neva; M. : OLMA-PRESS, 2003 (M. : PF Red Proletarian). — 314 p.
38. Pavlova T. A. Secret Tragedy: Civil Battle of Stalingrad: monograph. — Volgograd, 2005 — 594 p.
39. Paramonov VN Social moods of the population of the Soviet rear during the Battle of Stalingrad // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relationships. — 2018. — V. 23, No. 1. — S. 45–55.
40. Mirenkov A. I. The military-economic factor in the Battle of Stalingrad and the Battle of Kursk. — M. : RIC MO RF, 2005. — 351 p.
41. Orlov, G. V. Traditions of Russian patriotism of the XX–XXI centuries / G. V. Orlov. — Volgograd: Panorama, 2007 — 112 p.
42. Dadashyan, A. S. Restoration of industry in Stalingrad / A. S. Dadashyan, N. V. Rybalko // Sociocultural research: interuniversity. Sat. scientific works / otv. ed. N. V. Dulina [and others]; VolgGTU. — Volgograd, 2005 — Issue. 11 — S. 19–22.
43. Meshcheryakova, A. N. Militarization of the Stalingrad Tractor Plant during the Great Patriotic War (1941 — 1943) / A. N. Meshcheryakova, A. N. Potapov // Sociocultural Research: Interuniversity. Sat. scientific works / otv. ed. N. V. Dulina [and others]; VolgGTU. — Volgograd, 2005 — Issue. 11 — S. 30–33.
44. Sivob, I. A. The plant “Barricades” during the Great Patriotic War / I. A. Sivob, O. I. Sitnikova // Socio-cultural studies: inter-university collection of scientific works / ed. by N. V. Dulina [et al.] ; VolgSTU. — Volgograd, 2005 — Issue 12 — pp. 21–25.
45. 70 years of Volgograd State Technical University, 1930–2000: Historical. essay / scientific ed. by I. A. Novakov ; VolgSTU, 2000 — 238 p.

46. Musakov, R. A. Stalingrad Mechanical Institute in the first years of the war (1941 — 1943) / R. A. Musakov, A. A. Popova, A. N. Potapov // Socio-cultural studies: inter-university collection of scientific works / ed. by N. V. Dulina [et al.] ; VolgSTU. — Volgograd, 2005 — Issue 11 — pp. 16–18.
47. Kalachevskaya Land / Author-compiler P. N. Kharitonenko. — Volgograd: Committee on Press and Information, 1998. — 352 p.
48. Kalachevskaya Land / P. N. Kharitonenko, B. P. Ekimov. — Kalach — on — Don, 2009. — 416 p.
49. Lunochkin M. N. The occupation of the Chernyshkovsky district // 60 years of the Battle of Stalingrad in the Great Patriotic War. Lessons and conclusions: Materials of the scientific and practical conference on November 19, 2002, Moscow, 2004. pp. 196–200.
50. Dubkov V. N. The Unconquered: partiz. and the sub-floor. the struggle on the territory of the Stalingr. region in 1942–1943 / V. N. Dubkov. — Volgograd: Publisher, 2004 (JSC Alliance Yugpoligrafizdat. IPK Volzhsky). — 103 p.
51. Pavlova T. A. The civilian population of the Stalingrad region under German occupation: July 1942 — February 1943: dissertation. . . Candidate of Historical Sciences: 07. 00. 02. — St. Petersburg, 2007. — 245 p.
52. Isaev A. V. The Battle of Stalingrad: the most complete illustrated encyclopedia / Alexey Isaev. — Moscow: Eksmo: Yauza, 2019 — 272 p.
53. The Battle of Stalingrad [Text]: July 1942 — February 1943: encyclopedia / [Bazhenov A. Yu. et al.]; editorial board: Zagorulko M. M. (ch. ed. and the hands of the author of the collective) [etc.] ; Government of the Volgograd Region, Volgograd State University, Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, State Historical and Memorial Museum-Reserve “Battle of Stalingrad”. — 5th ed. , ispr. and add. — Volgograd: Publisher, 2012. — 797p.
54. Stalingrad City Defense Committee during the Great Patriotic War: Doc. and materials / Research Institute of problems of econ. the history of Russia of the XX century Volgograd. state University, State institution “Center for documentation of modern history Volgograd. region. ”, Russian State Arch. soc. -polit. stories; Comp. M. M. Zagorulko, N. A. Goryunova, S. Y. Pishchulina. — Volgograd: Publisher, 2007. — 904 p.
55. 60 years of the Battle of Stalingrad in the Great Patriotic War: lessons and conclusions: mater. scientific and practical conf. November 19, 2002 — Moscow: Book and Business, 2003 — 472 p. — (Philosophy of the Great Patriotic War 1941–1945)
56. The Battle of Stalingrad: To the 75th anniversary of the Soviet counteroffensive at Stalingrad: International Scientific and Practical Conference — Electron. text data. — Access mode: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-4272> (accessed: 08/16/2017). — Blank from the screen.
57. The turning point of the war. 75 years of victory in the Battle of Stalingrad: Materials of the International scientific and practical conference on February 13, 2018 / Edited by D. Y. Alekseev, S. A. Pishchulin. St. Petersburg, February 13, 2018: Collection of scientific articles. — St. Petersburg: SPbGUPTD, 2018 — 280 p.
58. The battle that changed the course of the war: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation) / ed. by R. R. Hisamutdinova, comp. by E. A. Slugin. — Orenburg, 2022. — 406 p.
59. Military–historical aspects of life in the South of Russia of the XVII–XXI centuries: issues of study and museification: III International Scientific and Practical Conference (2021; Volgograd): [materials]. — Volgograd: Sphere, 2021. — 528 p.
60. Popov V. N. The Battle of Stalingrad according to the latest research //New and recent history. 2007, No. 2. pp. 3–32.

УДК 82-3+82-522

DOI 10.24412/2408-9451-2023-1-103-109

С. Ф. ДМИТРЕНКО*

ЧЕРНОЗЁМНЫЙ ГОФМАН

*Памяти Аллы Борисовны Ботниковой,
кавалерственной дамы русской гофманистики
(1924–2022)*

В эссе, посвящённом памяти выдающейся российской германистки Аллы Ботниковой, исследовательнице связей Э. Т. А. Гофмана с русской литературой и российской действительностью, обращается внимание на универсальность романтического мировосприятия и его возможности для осознания исторической реальности, на значение этико-эстетического воспитания в семье, своевременного формирования здесь детского и подросткового круга чтения.

Ключевые слова: Э. Т. А. Гофман, А. Б. Ботникова, Борис Свешников, «Золотой горшок», Владимир Сергеевич Соловьёв, Джордж Беркли.

Эрнест Теодор Амадей Гофман поселился в Воронеже.

Впрочем, почему только в Воронеже?! Я доподлинно знаю, что столь же уютно он чувствовал себя во Владикавказе, скажем, в конце однатысячадевятисот пятидесятих, когда мой папа принёс домой маленькую книжечку в бумажной обложке.

«Гофман. Золотой горшок» — прочитал я на обложке. Мне было тогда немного лет, но я уже читал (*хотя: «это — не доблесть», как выразился Н. С. Хрущёв, правда, по другому поводу [7, 10]*) — и по внешности книжки решил, что она предназначена мне, что она из тех же серий, которые я уже знал, — «Мои первые книжки», «Книга за книгой»... Эх, святое время, когда нас, детей, неотвратно и неуклонно втаскивали в счастье чтения: эта книжечка — твоя, и эта, и эта...

Она и сейчас передо мною: папа для прочности наклеил обложку на картон, явно чувствовал неоднократное чтение и перечитыванье...

Но помню, честное слово, помню, как читал Гофмана впервые. И прочитал его ещё до того, как папа наклеил обложку на картон — а картон он нашёл не сразу, потом повезло, притащил коробку из-под ботинок, кто-то оставил в магазине, сразу переобувшись в обновку; из этого серого картона и получилась крепкая обложка.

Но как раз обложка мне не понравилась, то есть картинка на ней. Тираж книжки был не только по нашим, но и по тем временам фантастическим —

* Сергей Фёдорович Дмитренко — кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); dmitrenko@litinstitut.ru

триста тысяч экземпляров, так что попадалась она, во всяком случае, на глаза многим, и описывать подробно картинку нет нужды, просто скажу, что она не понравилась своей коричневой тональностью и похожей на Бабу Ягу старухой в капоре, да и бегущий от неё человек в салатного цвета сюртуке, таких же панталонах и цилиндре выглядел так, словно это был не человек, а эскиз человека (слово *эскиз*, благодаря папе-художнику, я знал сызмальства).

Но всё же и такая обложка приманивала, наверное, и тем, что на ней никакого золотого горшка не было, была лишь поваленная человеком-эскизом корзина, из которой выкатывались плохо прорисованные яблоки. Я сначала вообще решил, что это книжка для взрослых, и просто захотел посмотреть в ней картинки: все ли они так плохи и тогда почему её купил папа?!

И начались непонятности, невероятности, непостижимости, а проще говоря, чудеса.

На титульном листе под странным: *Э. Т. А. Гофман* — и вязью заглавия: *Золотой горшок* — было мелко подписано: *Сказка из новых времён*. Новых времён!

Тогда я был уверен, что сказки пишут для детей (значит, и эта книга — для меня!), а действие их происходит в какой-то далёкой, невообразимой древности. Тогда как «новые времена» — это не так и давно: у папы, который преподавал в школе не только рисование, но и историю, на этажерке я видел учебники «Новая история» и даже «Новейшая история».

Я уже прочитал маленькую, но при том совершенно волшебную сказку братьев Grimm «Горшок каши» с чудесными рисунками Владимира Конашевича, так что и от «Золотого горшка», пусть с плохими картинками, были основания ожидать новых удивлений. В новые времена.

Влекомый интересом, я перелистнул страницу.

Здесь было предисловие — что это такое, мне уже объяснили, когда читали сказки Андерсена с таким же волшебным, как сказки братьев Grimm, вступлением Константина Паустовского [8].

Теперь я был с книгой наедине, так что стал читать предисловие самостоятельно, и поскольку оно было совсем коротеньким, постольку прочёл его быстро. Оно не было завораживающим, как рассказ Паустовского о жизни Андерсена, но кое-что важнейшее я из него извлёк.

Во-первых, узнал: *Э. Т. А. Гофман* — не только: ЭТО Гофман! — но также инициалы его тройного имени: Эрнест Теодор Амадей. Такая возможность иметь не одно имя, а сразу три, мне очень понравилось, и я решил перенять эту традицию, самоназвав себя: Сергей-Теодор-Ярополк (это я с удовольствием сделал, ибо моего прекрасного папу звали Фёдор, по-немецки, понятно, Теодор; что касается имени *Ярополк*, я его вычитал опять-таки из папиных исторических учебников, и хотя у этого киевского князя, старшего брата Владимира Красное Солнышко, была трагическая судьба, я над этим не задумался, просто имя понравилось).

Надо заметить, что история с Сергеем-Теодором-Ярополком продолжалась немало лет, я дурачился со своим именованьем довольно долго, а в литературной практике и донныне продолжаю... — но это иная история, отмечаю здесь лишь то, что она была запущена *Э. Т. А. Гофманом*.

Из упомянутого предисловия к «Золотому горшку» я узнал также, что Гофман был не только «мастером художественного слова», но и «способным

юристом, замечательным музыкантом и рисовальщиком». Признаюсь, юриспруденция меня никогда не интересовала, подавно в дошкольном возрасте, а вот с музыкой и рисованием уже складывались доверительные отношения, так что эти факты биографии Гофмана сделали моё отношение к нему ещё более тёплым. И особенно тёплым потому, что до того, как приняться за чтение «Золотого горшка», я перелистал всю книгу

Буквица каждой главы, имевшей загадочное имя *вигилия*, сопровождалась небольшим вертикальным перьевым рисунком, и эти рисунки были попросту магическими. Как видно, за каждым было какое-то событие, происшествие, случай, подробность, описанные именно в этой вигилии, в чём я и убедился при чтении книги.

Я быстро разобрался, что и эти потрясающие рисунки, и обложку нарисовал художник Б. Свешников, и вечером стал спрашивать папу, почему такой хороший художник нарисовал неприглядную обложку. Папа ответил мне что-то вроде: у каждого художника свой стиль, и превосходный рисовальщик может писать вполне заурядные картины маслом или акварелью, а обложка, кажется, и вовсе выполнена гуашью, которую папа откровенно презирал как краску плакатную, а не живописную.

Через несколько лет, когда стала издаваться «Библиотека всемирной литературы» и папе замысловатым путём удалось её выписать, одним из первых пришёл толстенный — вот радость! — том Гофмана, с иллюстрациями как раз Бориса Свешникова. Папа долго их рассматривал, а потом, будто мы с ним лишь накануне обсуждали *оформление* «Золотого горшка», сказал мне: «Вот видишь, он сочетает перо и акварель, казалось бы, авантюра, но мастеру всё можно, всё в его власти!» Как художник папа работал только с акварелью, и его мнение имело особую цену.

Лишь много позже мы с ним узнали, что в девятнадцать лет, студентом, Свешников попал в Гулаг по стандартному при большевиках обвинению в антисоветско-террористической деятельности. Хотя сам отнёсся к своему несправедливому наказанию без преступления стоически и однажды даже произнёс удивительную фразу: «... я и выжил в лагере благодаря тому, что у меня была возможность рисовать» [цит. по: 4, 64]. Он был так сказать реабилитирован (лицемерное, подлое слово!) только в 1956 году, а уже через два года вышел «Золотой горшок» и началась его слава выдающегося художника-графика, которой он всю жизнь избегал. Тем не менее, уже посмертно, за работы, созданные в неволе, Свешникова назвали «Гофманом Гулага» (по иронии судьбы он родился и жил в Москве на Большой Бронной, дом 21, квартира 21, — рядом со зданием, где помещалось Главное управление лагерей)... Но, может быть, точнее других сказал о изначальной сути свешниковского дара Андрей Синявский: «У рисунков Свешникова обратимый смысл. <...> Это не зарисовки с натуры, а сновидения вечности, скользящие по стеклу природы или истории» [9, л. 1–2]. Теперь понятно, что у Гофмана и в Гофмане Борис Петрович вычитал своё, родное. Хотя тогда рисунков Гофмана я ещё не видел.

В конце предисловия было сказано, что «Золотой горшок» — «любимая сказка самого Гофмана», а перевёл её с немецкого русский поэт В. С. Соловьёв (1853–1900) [1, 4]. Это — 1853 год — особенно меня взволновало. Неведомый мне Соловьёв был старше меня ровно на сто лет, но меня огорчило, что он, как и уже приманивший меня Гофман, не дожил и до пятидесяти. Значит, и

я могу умереть в таком возрасте, в пока ещё далёком 2000-м году, подумал я, но, впрочем, вопрос личной смерти в ту пору таился от меня в туманном мареве непознанного.

У папы от его довоенной библиотечки уцелела, сохранённая дедушкой и бабушкой, большая антология, ещё дореволюционная, под названием «Избранные произведения русской поэзии» [5]. Там было множество поэтов, но стихотворений В. С. Соловьёва я почему-то не нашёл.

Тогда я залез в полюбившийся мне трёхтомный «Энциклопедический словарь», в котором уже много раз бродил, как в заповедном лесу. Там о Владимире Сергеевиче Соловьёве было пять с половиной строчек. Он оказался «реакц[ионным] философом-мистиком, богословом, публицистом». И поэтом числился он не просто, а «поэтом-символистом, стремившимся соединить философию с религиозным откровением» [13, III, 260].

Это было не совсем понятно, но надо сказать, что *религиозное откровение* я видел ежедневно. Поначалу все дети — стихийные агностики, тем более что у меня были вполне советские родители, которые свои отношения с Богом никак не выказывали. Но в нашем домике — две комнаты, а между ними коридор-кухня — была икона Богородицы Козельщанская, которая стояла в изголовье кровати бабушки, которая жила с нами. Бабушка перед этой иконой каждый день молилась. И я уже знал, что если сделаю что-то плохое: *Бог накажет*.

Не были для меня новинкой и реакционные философы, ибо однажды я уже наткнулся в этом словаре на статью о «реакционном английском философе, субъективном идеалисте» [13, I, 174] Джордже Беркли и полюбил его философию всей душой. Ещё бы: ведь Беркли был основоположником теории субъективного идеализма, а иначе говоря, солипсизма, «философского воззрения, признающего единственной реальностью только моё “я” и отрицающего существование всего остального мира» [13, III, 257–258]. И хотя я «существование всего остального мира» не отрицал, реальность моего «я» имела для меня ещё тогда немалое значение.

Словом, то, что Гофмана переводил именно реакционный философ-поэт, мне было по душе ещё до того, как я этот перевод прочитал.

Разумеется, мне пришлось разбираться с иностранным словом *вигилия*, и я просто подошёл к нашей уже переполненной книгами этажерке и вытащил «Словарь иностранных слов», одну из моих любимых книжек, изданную при этом в 1937 году, о котором, не раз слышал, говорили взрослые (впрочем, все эти последствия XX съезда были для меня тогда ещё в тумане).

Слова *вигилия* я там не нашёл, зато была *вигильность* — способность сосредоточить внимание на новых впечатлениях [10, 113]. Значит, получается, *вигилия* — это рассказ о том, что привлекло, о том, что особенно важно.

Вигильности в «Золотом горшке» было с переизбытком, и я прочёл повесть быстро. Разумеется, не всё понял, но ведь и никто не осознаёт сразу смысл любой великой книги.

Впрочем, много позже я нашёл точное и краткое объяснение этой всечеловеческой необходимости Гофмана, нашёл в предисловии Владимира Соловьёва к его конгениальному переводу «Золотого горшка» (предисловии, труднодоступном в советское время, ибо материалист Ленин питал особую ненависть к Соловьёву и даже вычеркнул его имя из проекта «списка памят-

ников великих деятелей социализма, революции и пр.», который ему после победы большевиков принесли на утверждение) [см.: 3, 566].

«Существенный характер поэзии Гофмана, выразившийся в этой сказке с особенной ясностью и цельностью, — писал Соловьёв, — состоит в постоянной внутренней связи и взаимном проникновении фантастического и реального элементов, причём фантастические образы, несмотря на всю свою причудливость, являются не как привидения из иного, чуждого мира, а как другая сторона той же самой действительности, того же самого реального мира, в котором действуют и страдают живые лица, выводимые поэтом. <...> В фантастических рассказах Гофмана все лица живут двойною жизнью, попеременно выступая то в фантастическом, то в реальном мире» [11, 164].

В этом предисловии ещё немало общезначимо мудрого, но мне надо обозначить главное: читатели Гофмана организуют то пространство, в котором живут. Это происходило в моём родном Владикавказе, в котором, уверен, всегда зачитывались Гофманом и уроженцем которого был великий Вахтангов, «гофманизовавший», по выражению одного искусствоведа, свои постановки [12, 141]. Эта гофманская «фантастика правдоподобия» [6, 177] пронизывает и творчество Михаила Булгакова, начинавшего литературную судьбу, как известно, во владикавказском театре и имевшего с Гофманом свои, особые отношения...

Чтобы избежать напрасных упреков в местничестве, скажу, что, с моей точки зрения, и рождение Гофмана именно в Кёнигсберге, нынешнем Калининграде, было совершенно промыслительно. И потому, что Иммануил Кант создал здесь словно для него озонирующее эстетическое пространство, и потому, что не кто иной как Гофман делает для русской культуры свой родной город именно Гофманбергом, этой высотой Гофмана, которой она, русская культура и литература, выверяет своё движение к художественной истине. Между прочим, здесь, как и положено в гуманитарной галактике, нет никакой экспансии, тем более что в самой Германии Гофман, как я с изумлением узнал от своих немецких коллег, содержится в классиках второго ряда, заслоняемый Христофом Виландом, Людвигом Тиком, Новалисом...

А нам Гофман необходим! Гофман — русский классик...

...и здесь возвращаюсь к самому началу своих заметок, к идее, что в России Гофман повсюду.

В славном российском городе Воронеже, далёком от Балтики с её Кёнигсбергом и Санкт-Петербургом и тем не менее признанном колыбелью отечественного военно-морского флота, прожила долгую счастливую (надеюсь) жизнь филолог Алла Борисовна Ботникова, ровесница моих родителей (и, можно сказать, художника Свешникова). Она была профессором Воронежского университета, прекрасно знала и преподавала историю литературы и театра, но, кажется, главной её научной и, пожалуй, более чем научной темой был Гофман. И не просто шедевры Гофмана, а Гофман в России, Гофман в русской литературе.

Мне довелось повидаться с Аллой Борисовной лишь однажды, уже в девяностых, когда оказался на одном из научных собраний их самобытного филологического факультета.

Букета цветов я не предусмотрел (увы, моя хвалёная интуиция промолчала о том, что могу её здесь встретить), но всё же попытался выразить в научно-

эмоциональной форме своё восхищение её гофмановедческими трудами и свершениями.

Её монография о Гофмане и её статьи очень помогли мне при диссертационном изучении творчества Лескова, при реконструкции истоков поэтики Салтыкова (Щедрина), при усилиях по непредвзятому описанию философии европейского и русского романтизма...

Но это лишь мой случай. Надо помнить, что Алла Борисовна Ботникова не только свободно и проникновенно исследовала наследие Гофмана и русско-немецкие литературные связи. Она была одним из создателей постсоветского издания собрания сочинений Гофмана, издания с драматической судьбой (первый том вышел тиражом 300 000, заключительный, шестой, — всего 10 000), но всё же и живого и живущего. Именно в этом шестом томе послесловие Аллы Борисовны «Э.-Т.-А. Гофман и Россия» ведёт русского Гофмана в нашу современность, в XXI век, в третье тысячелетие, призывает к его страницам молодые поколения читателей...

Столь же непреходяще современны и комментарии Аллы Борисовны к гофманским произведениям в этом собрании сочинений. Вот что, например, пишет она, обосновывая художественную бессмертность всегда актуального шедевра «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер»:

Цахес «умеет создавать о себе представление, совсем не соответствующее истине. Это его свойство деформирует мир, изменяет его нормы. Ничтожное существо, он становится всесильной личностью, первым министром. Он одновременно и смешон и страшен. Смешон, когда стремится прослыть ловким наездником, чувствительным поэтом или скрипачом-виртуозом. Страшен, когда обнаруживается, что все окружающие восторженно и подобострастно восторгаются его несуществующими талантами. Сдвинутый мир начинается с массового психоза, с помутнения общественного сознания. <...> Перед нами образ абсурдного мира, где всё странно и одновременно всё узнаваемо» [2, 537].

Гофман необходим России. Это почувствовали ещё Гоголь и Герцен, Владимир Одоевский и Достоевский; в обеспечение российской жизни кёнигсберго-калининградско-гофманградского художника до мозга костей и по самой своей сути Гофмана поработали многие их и его собратья, включая петроградских «серапионов», также художников, мастеров театра и кино.

А одна кавалерственная дама раз и навсегда поселила его в Воронеже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Б/п]. Э. Т. А. Гофман (1776–1822) // Гофман Э.-Т.-А. Золотой горшок: Сказка из новых времён / Перевод с немецкого Владимира Соловьёва. М.: ГИХЛ, 1958. С. 3–4.
2. Ботникова А. Б. Комментарии // Гофман Э.-Т.-А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1996. Т. 3. С. 535–540.
3. В. И. Ленин о литературе и искусстве / Сост. Н. И. Крутикова. Изд. 5-е. М.: Худож. лит., 1976. 827 с.
4. Дудаков Валерий. Борис Свешников — свободный в мире несвободы. М.: Галарт, 2009. 96 с.
5. Избранные произведения русской поэзии / Составил Владимир Бонч-Бруевич. Изд. 4-е. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. 674 с.

6. *Марголин С.* Спектакли Евг. Багр. Вахтангова (1926) // Евгений Вахтангов в театральной критике / Ред.-сост. В. В. Иванов; над изд. работали М. В. Львова, М. В. Хализева. М.: Театралис, 2016. С. 177–178.
7. *Минченко Дмитрий.* Как нам было страшно!: Найден подлинник речей Хрущёва перед советской интеллигенцией // Огонёк. 2002. № 8. С. 8–11.
8. *Паустовский К.* Великий сказочник // Г. Х. Андерсен. М.: ГИХЛ, 1958. С. 3–18.
9. *Синявский Андрей.* Белый эпос: О лагерных рисунках Бориса Свешникова // Архив Музея современного искусства «Гараж» (Москва). Фонд «Архив Бориса Свешникова», шифр BS-I-6-D16047. Л. 1–4 (машинопись 1976 г.).
10. Словарь иностранных слов / Составлен бригадой государственного института «Советская энциклопедия», с приложением таблиц и грамматики, составленной проф. Н. В. Юшмановым. М.: И-т «Советская энциклопедия», 1937. 728 с.
11. *Соловьёв Владимир.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. 576 с.
12. *Тугенхольд Я.* Возрождение Метерлинка // Евгений Вахтангов в театральной критике / Ред.-сост. В. В. Иванов; над изд. работали М. В. Львова, М. В. Хализева. М.: Театралис, 2016. С. 140–141.
13. Энциклопедический словарь: в 3 т. М.: Большая советская энциклопедия, 1955.

REFERENCES

1. [B/p]. E. T. A. Gofman (1776–1822) // Gofman E.-T.-A. Zolotoj gorshok: Skazka iz novykh vremyon / Pervod s nemetskogo Vladimira Solovyova. M.: GIKHL, 1958. S. 3–4.
2. *Botnikova A. B.* Kommentarii // Gofman E.-T.-A. Sobr. soch.: v 6 t. M.: Khudozh. lit., 1996. T. 3. S. 535–540.
3. V. I. Lenin o literature i iskusstve / Sost. N. I. Krutikova. Izd. 5-e. M.: Khudozh. lit., 1976. 827 s.
4. *Dudakov Valerij.* Boris Sveshnikov — svobodnyj v mire nesvobody. M.: Galart, 2009. 96 s.
5. Izbrannye proizvedeniya russkoj poezii / Sostavil Vladimir Bonch-Bruevich. Izd. 4-e. SPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1908. 674 s.
6. *Margolin S.* Spektakli Evg. Bagr. Vakhtangova (1926) // Evgenij Vakhtangov v teatralnoj kritike / Red.-sost. V. V. Ivanov; nad izd. rabotali M. V. Lvova, M. V. Khalizeva. M.: Teatralis, 2016. S. 177–178.
7. *Minchenok Dmitrij.* Kak nam bylo strashno!: Najden podlinnik rechej Khrushchyova pered sovetskoj intelligentsiej // Ogonyok. 2002. № 8. S. 8–11.
8. *Paustovskij K.* Velikij skazochnik // G. KH. Andersen. M.: GIKHL, 1958. S. 3–18.
9. *Sinyavskij Andrej.* Belyj epos: O lagernykh risunkakh Borisa Sveshnikova // Arkhiv Muzeya sovremennogo iskusstva «GaraZH» (Moskva). Fond «Arkhiv Borisa SveshnikovA», shifr BS-I-6-D16047. L. 1–4 (mashinopis 1976 g.).
10. Slovar inostrannykh slov / Sostavlen brigadoj gosudarstvennogo instituta «Sovetskaya entsiklopediya», s prilozheniem tablits i grammatiki, sostavlennoj prof. N. V. Yushmanovym. M.: I-t «Sovetskaya entsiklopediya», 1937. 728 s.
11. *Solovyov Vladimir.* Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika. M.: Kniga, 1990. 576 s.
12. *Tugenkhold Ya.* Vozrozhdenie Meterlinka // Evgenij Vakhtangov v teatralnoj kritike / Red.-sost. V. V. Ivanov; nad izd. rabotali M. V. Lvova, M. V. Khalizeva. M.: Teatralis, 2016. S. 140–141.
13. Entsiklopedicheskiy slovar: v 3 t. M.: Bolshaya sovetskaya entsiklopediya, 1955.

УДК: 821.161.1

DOI 10.24412/2408-9451-2023-1-110-126

«САМЫЙ СПОКОЙНЫЙ ИЗ ГЕНИЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

**Круглый стол, посвящённый 210-летию
со дня рождения Ивана Александровича Гончарова
(10 октября 2022 года, Москва,
Литературный институт)**

Круглый стол проводился кафедрой русской классической литературы и славистики Литературного института имени А. М. Горького 10 октября 2022 года. На нём обсуждались современные проблемы изучения творческой биографии И. А. Гончарова

Ключевые слова: Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обыкновенная история», «Фрегат “Паллада”», «Обломов», «Обрыв», «Необыкновенная история», П. А. Зелёный, Виктор Розов, Эдуард Артемьев, «Несколько дней из жизни И. И. Обломова», искусство, музыка, песни.

Участники круглого стола:

- заведующая кафедрой русской классической литературы и славистики, д.ф.н., профессор Галина Юрьевна Завгородняя;
- д.ф.н., профессор Сергей Анатольевич Васильев (МГПУ, Литинститут);
- д.ф.н., доцент Лидия Николаевна Дмитриевская (Литинститут);
- к.ф.н., доцент Людмила Александровна Карпушкина (Литинститут);
- кандидат искусствоведения Светлана Владимировна Молчанова (колледж музыкально-театрального искусства имени Г. П. Вишневской);
- к.ф.н., доцент Ольга Юрьевна Саленко (Литинститут);
- аспирант кафедры Александра Юрьевна Мананникова (Литинститут).

Г. Ю. Завгородняя. Мы назвали наш круглый стол словами Игоря Золотусского, чуть «спрямив» его оценку творческой личности писателя. Насколько безмятежным был путь Гончарова в литературу?

Л. А. Карпушкина. Путь Гончарова в литературу лежал через своего рода отречение. Чтобы поступить в Московский университет, ему и его старшему брату Николаю нужно было уволиться из купеческого звания (а такие прошения подтверждались решением Сената). Николай поступил на нравственно-политическое, а Иван — на словесное отделение. И хотя в Москве Иван Александрович прожил не так много времени — только период учёбы в университете, годы эти он вспоминал как самые счастливые, «золотой век»...

Особенно запомнилась ему встреча с Пушкиным. Пушкин посетил Московский университет 27 сентября 1832 года, и воспоминания Гончарова дают нам если не документальный материал, то интересный образ Пушкина, схваченный в самой сути глазом Гончарова-художника: поэт спорил с профессором Каченовским, доказывая подлинность «Слова о полку Игореве». Аргументов Пушкина Гончаров не расслышал из-за толпы, обступившей спорящих, но уловил главное, что убедило его в пушкинской правоте: Каченовский раскраснелся, горячился, а Пушкин говорил спокойно, уверенно, только глаза его блестели необыкновенно...

В 1835 году Гончаров познакомился с семейством Николая Майкова, ставшего на долгие годы важнейшим кругом для его духовной жизни. Гончаров был и талантливым педагогом: он преподавал русскую словесность и латынь Аполлону и Валериану Майковым, и великому князю Константину Константиновичу (К. Р.), и рано ушедшему из жизни цесаревичу Николаю Александровичу.

То есть в личности Гончарова была та уравновешенность и здоровый консерватизм, которые роднили его, к примеру, с Жуковским.

В «Необыкновенной истории» Гончаров изящно формулирует своё жизненное кредо: «У меня было настолько житейской мудрости и самолюбия тоже, чтобы не лезть туда, куда меня не призывало — ни моё рождение, ни денежные средства».

В творчестве это сказывалось в объективности писательской манеры, за которую его пытался из принципа ругать Белинский («Всех одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни к кому!»), но в минуты откровения «неистовый Виссарион» признавал, что художнику «это и нужно, это признак художника!» (Гончаров И. А. «Заметки о личности Белинского»). Именно благодаря таланту объективного взгляда на предмет Гончаров прославился не только как беллетрист, но и как литературный критик, в том числе интерпретатор своих сочинений (!). В статье «Лучше поздно, чем никогда» он трактует свои главные произведения — «Обыкновенную историю», «Обломова» и «Обрыв» как литературный триптих, представляющий русское общество на тесно связанных друг с другом этапах развития.

Гончаров ратовал и за преобразования в обществе, за свободу крестьян, за просвещение, но ему даже в юношеском возрасте были чужды «утопии в социальном духе идеального равенства».

С. А. Васильев. Для тех, кто уже давно познакомился с романистикой Гончарова, неоднократно обращался к его произведениям, зафиксировал разные точки зрения на них, всё больший интерес представляет его уникальный двухтомник «Фрегат “Паллада”». Название реального корабля, построенного по приказу Николая I, одного из лучших в эпохе по своим конструктивным и скоростным характеристикам, ставшее заглавием произведения, приобретает новые смысловые планы. Афина Паллада, как известно, древнегреческая богиня войны — и корабль завершает своё почти кругосветное путешествие в военную эпоху, приписывается к порту Владивосток. Паллада также — богиня мудрости, и её, мудрость, через приобщение к жизни нескольких континентов и многих народов, в теснейшей духовной связи с командой земляков и

единоверцев, преодолевая тяжёлые испытания, подчас грозившие гибелью кораблю, повествователь, по всему строю своей предшествующей жизни чуждый поиска риска и опасностей, ищет и получает. Автор, находящийся на вершине культуры своего времени, без снисходительности, внимательно и любовно, хотя подчас и не без юмора, иронии, наблюдает быт, повседневную жизнь малознакомой для Европы, почти закрытой Японии, торгующего со Старым светом Китая. Он чувствует колоссальные возможности Страны восходящего солнца, пусть и пока пребывающей на невысоком уровне развития материальной культуры, производства. Совсем скоро, буквально спустя полтора десятилетия после посещения «Палладой» Нагасаки, единственного открытого для торговли с иностранцами японского порта, в стране наступит новая эра, обеспечившая Японии первый в Новое время исторический рывок. Искренне сочувствует повествователь жителям Китая, безжалостно эксплуатируемым «просвещёнными» и «цивилизованными» англичанами, с корыстными целями и часто насильно массово приучавшими китайцев к наркотическим веществам, калечившими некоторых из них, чтобы они не смогли заработать себе на жизнь и полностью зависели от своих «покровителей». Программу развития этой ныне мощнейшей в мире страны содержит «Фрегат “Паллада”». Какой контраст с русским миром, представленным «Палладой» и автором путевых записок!

Л. Н. Дмитриевская. Описывая разные народы и их конкретных представителей в книге «Фрегат “Паллада”», Гончаров не позволяет себе штампов, не прибегает к стереотипам, а нередко и разрушает их. В каждом встреченном человеке он видит одновременно и тип, и индивидуальность, мастерски рисует портреты и характеры разных людей и целых народов. Подробное описание быта, жилья дополняет характеристику. А вот моряки и спутники автора путевого дневника, напротив, обрисованы одной-двумя чертами, нередко и карикатурными: барон Крюднер всегда не прочь подкрепиться, он главный инициатор вторых завтраков и распорядитель обедов и ужинов на суше; в Зелёном всё «зелено», то есть молодо, весело, с песней; группа натуралистов так и осталась группой, собирающей разную живность, которая затем портится и дурно пахнет. Почему Гончаров в одном случае постигает характеры, внимательно всматривается в новых для себя людей и их образ жизни, а в другом — ограничивается почти карикатурным наброском? Здесь проявилось чувство гармонии большого мастера: главное в путевых заметках — это новые земли и новые люди, их нельзя заслонить пристальным вниманием к своим спутникам. Ведь люди с разных континентов и островов эпизодичны — есть опасность затенить их «главными героями», интересным обществом с фрегата «Паллада», и тогда не возникла бы та единая мозаика, картина мира, которая составлена в путевых заметках из портретов и характеров людей одной планеты.

Г. Ю. Завгородняя. Биография Гончарова может показаться не столь наполненной внешними событиями. Хотя его кругосветное путешествие, пожалуй, стоит десятка событий...

Традиция книги «Фрегат “Паллада”» весьма внушительна. Её можно проследить едва ли не с «Хождения за три моря» Афанасия Никитина — прежде

всего в плане развития темы посещения и познания чужих земель, анализа своих чувств и впечатлений от встречи с «другим». Безусловно, русская литература на момент написания «Фрегата...» уже знала и «Письма русского путешественника» Карамзина, и «Письма из Франции» Фонвизина. Но всё же есть все основания говорить об уникальности гончаровских очерков, в силу необычности самой событийной основы — путешествие на военном паруснике! Но эта вещь и с художественной точки зрения невероятно интересна. Как всегда в таких случаях, увлекает литературное осмысление реальных событий, исторических лиц... Сколь всё достоверно (от корабельного быта до иноземной гастрономической экзотики!) и одновременно — сколь глубоко и своеобразно претворено художественно! Чего стоит красота и поэзия главы «Плавание в атлантических тропиках»...

Ещё очень интересен собственный «раздваивающийся» образ — когда Гончаров пишет, что, с одной стороны, он «скромный чиновник в форменном фраке», а с другой — «новый аргонавт <...>, стремящийся по безднам за золотым руном в недоступную Колхиду». По-моему, это вообще ключ ко всей книге — вот такой двойственный взгляд, сочетающий романтическое восприятие (впрочем, скорее «романтические ожидания») и открывающуюся прагматику жизни.

Л. Н. Дмитриевская. В ходе своего путешествия Гончаров писал Е. А. и М. А. Языковым: «...я не отчаиваюсь написать когда-нибудь главу под названием Путешествие Обломова: там постараюсь изобразить, что значит для русского человека самому лазить в чемодан, знать, где что лежит, заботиться о багаже и по десяти раз в час приходить в отчаяние, вздыхая по матушке России, и Филиппе и т. п.». Описанную в письме идею Гончаров дословно воплощает в главе «На мысе Доброй Надежды», наверное, самой художественной главе всей книги: в ней автор путевых заметок оказывается в дороге, в разных гостиницах без слуги и должен сам «лазить в чемодан, знать, где что лежит, заботиться о багаже» — образ Обломова здесь более всего чувствуется. О путешествии по Южной Африке повествователь говорит намеренно прозаически, будничным тоном, за его описаниями часто проглядывает такой же путь по глубинке России, от уездного города в Обломовку: «Лошади ленивой рысью тащились по песку; колёса визжали, жар морил; мы с бароном Крюднером молчали. Вандик от нечего делать хлестал бичом по выползавшим на дорогу ящерицам. Зелёный сначала бил весело ногами о свою скамью: не в его натуре было долго и смиренно сидеть на одном месте. Он пел долго: “Сени новые, кленовые”, а потом мало-помалу прималчивал, задирая то меня, то барона шуткой. Но нас морили жар и тяжесть, и он, наскучив молчанием, сморщился и затянул: “Не бил барабан перед смутным полком”. Мы молча слушали, отмахиваясь от мух, оводов». От идеи отправить Обломова в кругосветное путешествие Гончаров впоследствии отказался, но по крайней мере в первой части книги этот замысел хорошо виден в подробном сопоставительном анализе английского образа жизни и жизни русского барина, в описании бытовых трудностей изнеженного барина-путешественника, в постоянных воспоминаниях о России и сопоставлениях с ней чужих городов, людей, быта, природы. Похоже, что Обломов-путешественник был задуман как человек, который свою Россию возит с собой, как любимый халат.

Л. А. Карпушкина. Иван Александрович Гончаров окружающими воспринимался часто как Илья Ильич Обломов, герой его самого известного романа. Но при сближении с Гончаровым все убеждались, что он на самом деле человек, педантично выполняющий все принятые на себя обязательства, и трудоголик. При этом внешнее спокойствие натуры Гончарова не определяло всей сложности его характера. натура, углублённая в себя, ранимая, «подозревающая» (вспомнить хотя бы отношения с Тургеневым). Да, многим казалось, что от него не стоит ждать сюрпризов и... Тем не менее он иногда удивлял сам себя. К примеру, согласиём стать секретарём адмирала Евфимия Васильевича Путятин в кругосветном путешествии на фрегате «Паллада» (1852–1854). «Вдруг от прогулок в Петергоф и Парголово шагнуть к экватору» — это было неожиданно и требовало смелости, отваги даже. В первом очерке Гончаров комически рассказывает о предубеждениях, бытующих у обывателей: что в путешествии можно спиться, потому что не хватает пресной воды и все пьют ром, что путешественника на каждом шагу подстерегают смертельные опасности... Но Гончаров видит дело иначе: кругосветное путешествие на фрегате «Надежда» видится им как Русский ковчег в Космосе!

Некрасов отмечал, что Гончарову свойственна художественная умеренность красок. И как здесь не вспомнить эпизод бури у мыса Доброй Надежды, который прежде назывался мыс Бурь: моряки зовут Гончарова наверх посмотреть на романтический шторм: на луну, освещающую морскую бездну, и на молнию. Когда он всё же выбирается и смотрит на чудо природы, то скептически думает: «Молния как молния, только без грома...» Говорит: «Где ж она? Подайте луну», а старый матрос отвечает: «Нет, уж она в Америку ушла»...

О. Ю. Саленко. В личности писателя творческое и тонко чувствующее начало причудливо соединяется со страстностью, решительностью, с поступком. Бережное отношение к своему таланту, погружение в писательство, попытки избежать шума толпы, мелькания лиц сопрягается в нём с сильным желанием посетить не привычные для русского путешественника европейские места, а экзотические страны — Индию и Бразилию. Гончаров пишет о себе как о нервном человеке, но эпизоды критических событий на море и на суше показывают его как человека, терпеливо и стойко сносящего испытания. «Человеку врождена и мужественность: надо будить её в себе и вызывать на помощь, чтобы победить робкие движения души и закалять нервы привычкою» («Через 20 лет»). Вокруг Гончарова практически все удивились его решению отправиться в экспедицию на военном корабле — закрепить за собой образ ленивого и избалованного человека Гончарову явно удалось, однако это подтверждает то, насколько малому числу знакомых был явлен не образ, а настоящие черты его личности: «Внезапные перемены составляют мой характер, я никогда не бываю одинаков двух недель сряду, а если наружно и кажусь постоянен и верен своим привычкам и склонностям, так это от неподвижности формы, в которую заключена моя жизнь». Радикальное и положительное изменение формы — удивительная возможность, выпавшая художественной натуре, которую Гончаров не упустил.

Картины и образы Русского мира, созданного во время долгого плавания и посещения разных географических мест и государств, получают особое

звучание в его путешествии сухим путём через Сибирь. Голос автора остаётся один, за отдельными исключениями, здесь нет привычных спутников и собеседников. Автор возвращается в Россию, но продолжает открывать для себя и читателя мир, знакомится с Дальним Востоком, Сибирью. Подобно океану, перед ним открываются огромные пространства, суровая природа, незнакомый быт и неведомый язык местных жителей. В очерке «Из Якутска» представлены образы православных миссионеров. Священник Запольский отправляется в своё «путешествие» на 8–9 месяцев, едет в первый раз разведать, кто и где живёт, какую религию исповедует «на юг, по радиусу тысячи в полторы вёрст или и больше». И хоть священник уверенно предполагает, что «там, верно, кто-нибудь бывал: в Сибири нет места, где бы не были русские», карты у него нет и описания маршрута тоже. Вспоминается эпизод в начале записок, где автор риторически восклицает: «Где искать поэзии?» Ведь даже в открытом море уже расчислены места появления рыб и птиц. Одно проанализировано и изучено, «потеряло прелесть тайны, другое оказалось ребячеством». Ответ на вопрос приходит читателю «Фрегата “Паллада”» в сибирских главах: служение миссионеров исполнено самой высокой поэзии.

Наиболее ярким образом путешествия по Сибири является святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский, бывший во время его встречи с Гончаровым архиепископом Камчатским, Курильским и Алеутским. Рисуя деятельного и внимательного к ближним архипастыря, серьёзного учёного, проповедника, просветителя, автора переложения Евангелия от Матфея и перевода заповедей и молитв на алеутский язык, составителя алеутского букваря, писатель наблюдает и с любовью описывает преосвященного и в недолгие моменты житейского обихода. Особый интерес Гончарова-переводчика привлекает деятельность комитета по переводу Евангелия от Матфея на якутский язык, он, понимая и отмечая трудности такого переложения, выстраивает линию православного просветительства от Кирилла и Мефодия — «так же было поступлено и с славянским переложением Евангелия с греческого языка».

Л. Н. Дмитриевская. На фрегате «Паллада» И. А. Гончаров оказался среди не только прекрасно образованных, но и музыкально одарённых людей, поэтому инструментальная музыка и песни сопровождают его в течение всего плавания. Глава «На мысе Доброй Надежды» — самая музыкальная в книге: почему-то именно Африка — Капская колония, принадлежащая Англии, — оглашается звуками русских песен. Самый охотный певец у русских — П. А. Зелёный, репертуар которого довольно велик для одной главы книги: песни авторские и народные, разного художественного достоинства романсы и даже оперная ария.

«П. А. Зелёный пел во всю дорогу или живую плясовую песню, или похоронный марш на известные слова Козлова: “Не бил барабан перед смутным полком” и т. д.». Песню на стихи И. И. Козлова путешественники по Капской колонии слышали в исполнении Зелёного очень часто — в главе она упоминается пять раз. Таким образом, Гончаров и его спутники проезжали английские владения под песню о погребении английского генерала. Если это сочинённая Гончаровым деталь (а Б. М. Энгельгардт в монографии

«Путешествие вокруг света И. Обломова» убедительно показал, как много сочинено в путевых дневниках Гончарова), тогда в ней может быть скрыто отношение автора к английской экспансии в мире: он не только восхищается стремительным развитием цивилизации в укромных уголках земного шара, но и нередко сожалеет о тех методах, которыми насаждаются блага европейской цивилизации, сожалеет, что мир теряет своё лицо и насильственно приобретает подобие английского. Повторяющийся «похоронный марш», с одной стороны, полон воинской доблести, а с другой — всё-таки это песня о похоронах английского военачальника Джона Мура со сбывшимся предчувствием поражения и отступления английской армии. Очерки о кругосветном путешествии Гончаров пишет во время и после проигранной Россией Крымской войны, поэтому в песне может слышаться отклик и на это событие.

Бывало, что «П. А. Зелёный ни разу не затягивал похоронного марша, а пел всё про любовь». Вот песни про любовь, которые Гончаров цитирует, описывая путешествие по Южной Африке: «Сени новые, кленовые» (народная песня); «Ненаглядный ты мой, как люблю я тебя!» (автор неизвестен, музыка А. Варламова); «У Антона дочь-то» (строчка из стихотворения Н. Огарёва «Кабак»); «Близко города Славянска, на верху крутой горы» (песня Торопки на стихи М. Н. Загоскина из оперы «Аскольдова могила»); «Зачем, зачем обворожила, коль я душе твоей не мил...» (строки из романса Н. Радостина «Вот на пути село большое»); романс неизвестного автора «Люди добрые, внемлите»; «Что ты, дева молодая, не отходишь от окна... <...> Разве ждёшь ты? да кого же? не солдата ли певца?» (это строки песни «Вот идут полки родные» на слова князя А. Шаховского и музыку А. Варламова). Репертуар Зелёного весьма продуманный, ведь он не только отзывается на ситуацию и передаёт настроение путешественников, но и представляет все социальные слои России: опера — дворянство, романсы — широкий круг, прежде всего городское население, есть и крестьянская, и ямщицкая, и солдатская песня. Голоса всей России разлились по Капской колонии в Южной Африке.

С. В. Молчанова. Пока наш круглый стол итожит юбилей Ивана Александровича Гончарова, нас настиг юбилей композитора Эдуарда Николаевича Артемьева (1937–1922). К чему, спросите вы, сопоставлять творчество двух творцов, чей возраст разделён ста двадцатью пятью годами, разными эпохами, разными видами искусств. На самом деле сопрягать эти имена уместно.

В дни юбилея Артемьева и в связи с награждением композитора званием Героя Труда Российской Федерации в самых разных изданиях и в интернете неоднократно упоминались не только многочисленные награды, но и те творческие труды и свершения, за которые он их получил. На первом месте, как правило, ставят музыку Артемьева более чем к ста пятидесяти художественным фильмам, поскольку четыре Государственные премии в области литературы и искусства получены им за музыку к трём фильмам, а четвёртая и последняя — за вклад в развитие отечественного и мирового музыкального искусства. Но в перечне фильмов, за которые он получил премии, нет «Нескольких дней из жизни И. И. Обломова». Честно говоря, из всех музыкальных тем, вариаций (сознательно не употребляю слова «саундтрек», режет ухо) при имени Артемьева мой внутренний слух возвращается к пронзительной теме

Обломовки и финальным кадрам фильма. Коснусь изобразительного ряда, который, на мой взгляд, безупречен. Напомню кадры в интерьере: на первом плане Ольга (Е. Соловей), в глубине, а затем на первом плане (боковой ракурс) Андрей Штольц (Ю. Богатырев) с чётко звучащей речью о Рейнгольде, потом беззвучно плачущая Ольга и размытая фигура Алексеева (А. Леонтьев), будто присевшая «на краешке чужого гнезда». Контрастный переход — кадры в саду, когда Андрюше Обломову сообщают о приезде маменьки, бурный детский восторг. А потом долгий бег мальчика, подъём на всхолмленный берег, всё объемней просторы и небо, охваченные молитвой «Ныне отпускаеши...» из «Всенощного бдения» Рахманинова как прощание с Обломовым-старшим. И когда мелькающая уже не фигура, а голова мальчонки почти совсем исчезает, возникает пронзительно-нежная тема Артемьева и сливающийся с ней зов «Маменька-а-а».

И если с самого юного возраста музыкальной доминантой «Обломова» для меня была, конечно, ария Беллини «Каста дива» (среди родственников было немало музыкантов, сама я училась играть на скрипке), то после фильма роман сопрягается именно с музыкальной темой Артемьева. Да простит меня великий итальянец!

А. Ю. Мананникова. На наш взгляд, следует разделить повествование на тему музыки у Гончарова на два тесно связанных друг с другом смысловых блока: это функции музыкальных мотивов в произведении и понимание музыки самим автором, представленное в романе «Обломов».

Тема музыки является одним из способов формирования и сюжета произведения, и системы образов в романе. Во-первых, в нём фигурирует уже упомянутая ария *Casta Diva* из оперы «Норма» В. Беллини. Она становится музыкальной темой любовных отношений персонажей, но, как отмечают некоторые исследователи, не является причиной зарождения любовного чувства у Обломова. Однако музыка как явление вообще привела к возникновению осознаваемых чувств, что способствовало формированию дальнейшей сюжетной линии.

Кроме того, связанные с музыкой эпизоды романа способствуют дополнительному раскрытию характеров. Музыка даёт представление о двойственности образа Ольги, которую отмечали и другие исследователи: например, она умышленно хотела произвести на Обломова впечатление своим пением, что ставит под вопрос идеализирование этого образа. Также музыкальные страницы романа показывают хорошее понимание музыки Обломовым и его музыкальную эрудицию, что говорит о глубине этого характера.

Для нас важно, что в произведении прочитываются суждения Гончарова о музыке и особенности её восприятия. Музыка Гончаровым видится как феномен, обладающий сильным воздействием на психику, способствует зарождению любви, «заражает чувством», как в дальнейшем напишет Л. Н. Толстой, и в романе можно встретить именно такую формулировку. Отметим особо, что Гончаров мыслит музыку не только как явление, имеющее «аудиальную», но и «визуальную» составляющую, и именно в их совокупности музыка оказывает своё сильнейшее влияние.

Многие эпизоды указывают на глубокое понимание автором музыки. Гончаров был хорошо знаком с понятием импровизации, понимал, что

музыка требует усидчивости, что и для восприятия, и для музицирования нужно определённое состояние. Известно, что Гончаров любил вокальную музыку, и из романа очевидно, что голос для него был самым выразительным музыкальным инструментом. Также он, вероятно, обладал так называемым цветным слухом и был знаком с феноменом светомузыки. Создавая музыкальную метафору отношений персонажей, писатель добавлял в неё цветовой компонент: соотносил с определёнными звуками определённые цвета.

С. А. Васильев. Гончаров — автор знаменитой трилогии романов, классики русской литературы XIX века. Они активно исследуются и сегодня. «Обломов», к счастью, остающийся в школьной программе, входит в круг чтения детей и тем самым включается в тот культурный фундамент, который объединяет поколения. С другой стороны, представленный в Обломове русский тип является односторонним воплощением национального характера. Не поэтому ли на «Обломова» не покушаются методисты и реформаторы? «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Поднятая целина» М. А. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, «Молодая гвардия» А. А. Фадеева — произведения, разительно контрастирующие по своим жизнестроительным художественным задачам с тоже выдающимся «Обломовым», давно от подрастающего поколения отлучены.

В «Обломове» Гончаров создаёт интереснейшие типы, и не только по косточкам разобранные образы Обломова и Штольца, Ольги Ильинской и Агафьи Пшеницыной, Захара. Исключительно содержательны и эпизодические персонажи, как, например, некто Алексеев — условная фамилия человека «неопределённых лет, с неопределённой физиономией, в такой поре, когда трудно бывает угадать лета». Здесь есть связь с гоголевским Чичиковым, в портрете которого тоже подчёркивается неопределённость, правда, служащая ему прикрытием для аферы. Есть здесь и библейская аллюзия: Алексеев ни тёпл, ни холоден — самый страшный, с точки зрения Нового Завета тип, ведь, как указывает Гончаров, «...хотя про таких людей говорят, что они любят всех, потому что добры, а, в сущности, они никого не любят и добры потому только, что не злы». Обломов, принимавший в числе прочих посетителей и Иванова-Васильева-Андреева-Алексеева, душой добр, притягателен для своих друзей и знакомых и, пролежав, подобно Илье Муромцу почти 33 года, имеет шансы духовного выздоровления, пусть и в аспекте сюжета произведения не состоявшегося.

Г. Ю. Завгородняя. А вообще, не эта ли двойственность занимала Гончарова на протяжении всего писательского пути? Вот эта оппозиция «романтик–прагматик»? И решил ли для себя Гончаров, на чьей он стороне? Очень глубоко и, как мне кажется, драматично (в смысле фатальной неразрешимости) раскрыта эта тема в «Обыкновенной истории». Кстати, искромётный роман! Потрясающий юмор, причём не легковесный, не поверхностный, а тонкий, мудрый — можно выписывать цитату за цитатой! Между прочим, все остроумные изречения принадлежат Адуеву-старшему, который традиционно считается циником и прагматиком, в противоположность романтику Александру. Но, если вчитаться, у Гончарова всё сложнее, и водораздел между героями проходит отнюдь не по линии «романтик–прагматик». Да и финал там более

чем неоднозначен. Гончаров тут себя обнаруживает поистине гроссмейстером психологизма. А череда женских образов! Каких только типажей нет — про каждую можно было бы написать отдельное произведение. Собственно, Гончаров отчасти так и поступает, во всяком случае, с Наденькой, развивая её образ в следующем романе. Вспомним его цитату из «Лучше поздно, чем никогда»: «Ольга есть превращённая Наденька следующей эпохи».

Продолжая тему неразрешимой до конца двойственности и лишь мнимой, кажущейся однозначности, нужно обратиться и к «Обломову». Мы, конечно, благодарны строгому 23-летнему юноше Добролюбову за статью «Что такое обломовщина?», но не поспособствовала ли она слишком уж досадному упрощению образа главного героя в представлении многих поколений читателей? Об Обломове порой пишут (в частности, в сочинениях) как о «лишнем человеке», наряду с Онегиным и Печориным. Но как же далеко такая постановка уводит от сути дела! Сколь «теплохладен» (поначалу) Онегин, сколь порочен Печорин, столь Обломов, на мой взгляд, может претендовать на образ «положительно прекрасного человека». Об этом можно думать, об этом можно спорить, тем более что сам Гончаров всё в той же «объяснительной» статье «Лучше поздно, чем никогда» высказывается о своём герое скорее негативно. Но... роман-то говорит о другом! В уста Обломова вложены глубокие, мудрые рассуждения о смысле жизни; и в разговорах на эти темы он явно сильнее Штольца. Говорится, кстати «об его [Обломова] внутренней вулканической работе пылкой головы, гуманного сердца». У Штольца, разумеется, тоже есть своя правда, и ни их диалоги, ни их поступки не приводят читателя к однозначности, побуждая размышлять о многообразии жизненных путей.

О. Ю. Саленко. Однако как быстро целый комплекс понятий и качеств, связанных с героем романа («Обломов», «обломовщина», «по-обломовски»), вошёл в бытовое употребление в окружении писателя! В сентябре 1859 года Гончаров пишет А. Н. Майкову: «Вы всё обвиняете себя в обломовщине, любезнейший Аполлон Николаевич, и я было подался на это Ваше самоубиение, как вдруг последовал от Вас заказ панталон за границу! Да разве это по-обломовски! Или, если Вы Обломов, то уже новейший, развращённый Обломов». Эти строки ценны для нас тем, что отражают авторское понимание обломовщины. Для Гончарова — это нечто большее, не синоним лени и уж тем более не синоним барства.

Стало неким общим местом пенять Гончарову за столь неэнергичное и нединамичное начало романа — композиция первой части вызывает упреки в отсутствии развития сюжета. Но насколько эта часть оказывается насыщенной и важна для произведения в целом. Помимо развёрнутого портрета, происхождения и дороманной истории жизни главного героя, Гончаров выступает и как сатирик, показывая характер взаимоотношений барина и слуги, а также ряд петербургских типов. Ключевым является эпизод, в котором автор через своего героя вступает в принципиальную литературную полемику о современной литературе и реалистическом методе, как и герой Ф. М. Достоевского Макар Деушкин, отстаивая необходимость изображения человека во всей его полноте. Именно в этом эпизоде возлежавший в течение всей части герой символично приподнимается с дивана.

Наблюдения над приёмами композиции первой части тоже приводят к любопытным выводам. С одной стороны, эпизоды визитов знакомых Ильи Ильича правомерно рассматривать как приём монтажа драматического произведения в роман. Такое небольшое по объёму произведение с названием «В отставке» или «Под лежащий камень» с подзаголовком «Петербургские сцены» легко себе представить в одном ряду с произведениями такого «облегчённого» жанра И. С. Тургенева и А. Н. Островского.

С другой стороны, в композиции первой части явно присутствует музыкальное начало. Сегодня уже говорили о музыкальности автора и его произведений. Первую часть можно сравнить с увертюрой музыкального произведения большого жанра. Здесь «проигрываются» основные темы произведения: главная тема — Обломова дана с элементами драматизма (проблемы в Обломовке, переезд), лирически и драматически во «Сне Обломова», также лирически приглушённо прописана любовная линия — подобно душе Татьяны, обломовская душа уже «ждала кого-нибудь». Однако ближе к концу части появляются элементы трагического звучания (доктор, хоть и написан пародийно, но предсказывает скорую смерть герою), визиты пяти петербургских знакомых написаны как вариации с повторяющимся мотивом поездки в Петергоф. Тема Захара и слуг, обсуждающих своих господ, также повторяет, юмористически видоизменяясь, основную тему главного героя. Заканчивается первая часть второй основной темой — Андрея Штольца, но она только начинает звучать, а разворачивается уже во второй части. Так что первая часть представляет собой своеобразный в стилевом плане аналог романа, написанный с использованием принципов и приёмов музыкального искусства.

С. В. Молчанова. Крупные произведения Ивана Александровича Гончарова легко перечислить заядлому читателю или усердному студенту. Ритмически, а не хронологически это звучит так: «Обрыв», «Обломов», «Обыкновенная история», «Фрегат “Паллада”». Как и Достоевский, он никогда не писал пьес. Но вот парадокс: самая известная статья Гончарова — критический этюд «Милльон терзаний» о комедии Грибоедова. Самая известная цитата об Островском не из статей Добролюбова про «тёмное царство», а из приветственного письма Гончарова: «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: “У нас есть свой русский, национальный театр”. Он, по справедливости, должен называться: “Театр Островского”». И театр не остался в долгу перед Гончаровым: спектакли по его романам пополнили репертуар русского психологического театра.

Инсценировка «Обыкновенной истории» связана с именем известнейшего драматурга, выпускника Литературного института и многолетнего руководителя семинара драматургии — Виктора Сергеевича Розова. Спектакль, поставленный в год 10-летия «Современника» уже не Олегом Ефремовым, а Галиной Волчек, принёс театру Государственную премию СССР. Думаю, справедливо утверждать, что премию заслужил и Гончаров, хотя имя классика,

конечно, в списке награждённых не значилось. По некоторым утверждениям, Розов, как своего автора (театр в 1956 году открывался его пьесой «Вечно живые»), попросили сделать инсценировку. Это не совсем точно.

Прочитав «Обыкновенную историю» ещё в довоенные годы, Розов так увлёкся романом, что меньше чем за месяц написал пьесу. Он читал её своим друзьям и даже решился показать талантливому режиссёру Андрею Лобанову, который ставил пьесу Арбузова «Таня» в Театре Революции, где Розов работал актёром вспомогательного состава. Пьеса Лобанову понравилась, но он не имел своего театра, а был приглашённым режиссёром и взять инсценировку не мог. Оценка Лобанова вдохновила молодого автора, и рукопись (на обратках бухгалтерской книги) легла в его начинающийся архив. Во время Великой Отечественной войны Виктор Розов ушёл на фронт добровольцем, перенёс тяжёлое ранение, которое навсегда закрыло ему дорогу на сцену. Вот тогда, ещё не расставшись с костылями, молодой человек достал свою инсценировку, отнёс её в приёмную комиссию Литературного института и был принят. (Замечу, что в годы моего обучения в Лите, аспирантуре и последующие десятилетия преподавания поступать и защищаться инсценировками было нельзя.)

Долгие годы пьеса «Обыкновенная история» ждала своего часа. Будучи студентом, Розов переживает первую премьеру: пьеса «Её друзья» была поставлена в Центральном детском театре в 1949 году, но Виктор Сергеевич своим студентам всегда говорил о ней — «слабенькая». В 1952 году Розов институт оканчивает, и в начале 50-х годов одна за другой его пьесы завоевывают сцены отечественных театров. Наконец, в 1956 году драмой «Вечно живые», написанной в годы войны, открывается театр-студия «Современник», и эта премьера стала судьбоносной для театра и для всего отечественного искусства. (Драма легла в основу шедевра кинематографии — «Летят журавли» Михаила Калатозова, сценарий Виктора Розова.) Театр дружил с автором, которому был обязан замечательным началом, режиссёры-актёры Ефремов, Сергачёв, Волчек ставят несколько пьес драматурга, они прижились на афише нового театра, а с ролью одного из «розовских мальчишек» отлично справился Олег Табаков.

Вернёмся же к судьбе «Обыкновенной истории» и обратимся к словам самого Виктора Сергеевича: «Листы бухгалтерской книги затерялись в архивах Литинститута, но пьеса сохранилась в моей голове. После окончания работы над пьесой “В день свадьбы” я ходил пустой (после каждой пьесы бывает пусто). Пребывать в таком состоянии тяжело, и всегда в это время я делаю какую-нибудь несложную работу. И я снова инсценировал “Обыкновенную историю”, которую пожелал ставить молодой театр “Современник”». В цитируемой статье «...Эпизод для переработки в драму» (Литературная учёба. 1980. № 2) Виктор Сергеевич делился своим опытом работы над инсценировкой «Обыкновенной истории» и пьесой «Брат Алёша» по роману Достоевского «Братья Карамазовы», что было близко ему как наставнику литинститутских студентов.

За первое творческое десятилетие «Современник» приобрёл огромную популярность, зрители стояли за билетами ночами. Но внутри театра складывалось впечатление определённого застоя в репертуаре, поэтому решено было

взяться за классику. Так «Обыкновенная история» обрела свою сценическую судьбу. Репетиции шли сложно: исполнитель роли Адуева-старшего отказался от неё. Тогда Волчек обратилась к Михаилу Казакову; в репетиционный период тридцатидвухлетний Табаков полтора месяца пролежал с инфарктом, но роль Адуева-младшего стала серьёзным шагом на его творческом пути. Премьеру 1966 года театр ждал спокойно, без особых надежд, а она прошла с полным успехом. Зритель премьерного, да и последующих показов был очень молод. Именно за этот спектакль театр получил Государственную премию СССР.

Л. Н. Дмитриевская. В романе «Обрыв» живописные портреты, созданные главным героем Райским, характеризовали не столько модель, сколько самого художника — новый тип человека XIX века: аристократ, увлечённый модными демократическими идеями, но так и не нашедший своего места в жизни: он отказывается от роли помещика, хочет быть художником, затем берётся за написание романа, в конце решает стать скульптором и, конечно, им не становится. В романе о художнике И. А. Гончаров не оставил без внимания вопрос, что есть творчество и искусство. Глава XVII второй части романа целиком посвящена творческим мукам Райского в работе над портретом Софьи, тут же Гончаров иронически сопоставляет разное понимание искусства двух героев-художников, при этом читателю приходится быть внимательным, чтобы за иронией Гончарова уловить его собственный взгляд.

Райский несколько дней сидит за портретом Софьи, а портрет и так уже *«похож как две капли воды»*, но художнику-романтику нужен портрет Софьи из его мечты, портрет, который бы изменил саму модель. Закончить такой портрет Райскому помогают мечты и воспоминания, после которых *«он тихо, почти машинально, опять коснулся глаз: они стали более жизненны, говорящи, но ещё холодны. <...> поставил нечаянно точку, как учитель некогда в школе поставил на его безжизненном рисунке, потом сделал что-то, чего и сам объяснить не мог, в другом глазу... И вдруг сам замер от искры, какая блеснула ему из них. <...> Он бессознательно, почти случайно, чуть-чуть изменил линию губ, провёл лёгкий штрих по верхней губе, смягчил какую-то тень, и опять отошёл, посмотрел»*. Результат Райскому понравился, но удача в портрете случайная, бессознательная, а другой она быть и не может, так как техникой он не владеет, терпением и усердием не отличается. Роль бессознательного откровения в искусстве Гончаров, как художник слова, скорее всего, признаёт без всякой иронии, ирония же по отношению к главному герою при этом со строк романа не пропадает.

Мнение о портрете Софьи высказывает учитель Райского художник Кирилов. Он даёт рекомендацию Райскому, которая раскрывает другой взгляд на искусство — гоголевский: *«— Сделайте молящуюся фигуру! <...> Долой этот бархат, шёлк! поставьте её на колени, просто на камне, набросьте ей на плечи грубую мантию, сложите руки на груди...»* Кирилов зорким глазом художника находит ошибки в пропорциях портрета и не воздерживается от поучений: *«Не умеете делать рук, а поучиться — терпенья нет! Ведь если вытянуть эту руку, она будет короче другой; уродец, в сущности, ваша красавица! Вы всё шутите, а ни жизнью, ни искусством шутить нельзя!»*

В выделенных словах можно уловить и авторскую позицию. Далее в наставлении Кирилова тоже слышен голос Н. В. Гоголя: *«Нельзя наслаждаться жизнью, шалить, ездить в гости, танцевать и между прочим сочинять, рисовать, чертить и ваять. <...> бросьте эти конфеты и подите в монахи, как вы сами удачно выразились, и отдайте искусству всё, молитесь и поститесь, будьте мудры...»* (и так далее — проповедь довольно длинная). Где в этой поучительной тираде Кирилова сочувствие Гончарова, а где его ирония — определить непросто, но то, что истина в словах Кирилова есть, сомневаться не приходится — эта истина вечная. Но времена меняются, перемены чувствует новый тип творческого человека — и Райский, и Гончаров. После ухода Кирилова Райский говорит (являясь, по-видимому, рупором автора), что *«это один из последних могоикан: истинный, цельный, но ненужный более художник. Искусство сходит с этих высоких ступеней в людскую толпу, то есть в жизнь. Так и надо!»*

Гончаров сталкивает два взгляда на творчество и искусство: 1) стремление к идеалу, монашеское служение высокому — романтизм, уходящий в прошлое, 2) служение красоте и правде земной — возможно, так Гончаров видел искусство реализма и сам к нему стремился, тогда как оба его героя-художника остаются романтиками.

О. Ю. Саленко. Роман «Обрыв» — «дитя моего сердца», по выражению Гончарова, выстраданное высказывание о глубокой порче, «закравшейся в общественные и семейные связи и дела» (писатель видит последствия этого явления в столь близкой его сердцу семье Майковых). «Обрыв» — один из немногих в русской литературе роман о природе и сути творчества и одновременно роман о любви. Гончаров писал в автокритике «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”»: «...Меня всюду поражал процесс разнообразного проявления страсти, то есть любви — который имеет громадное влияние на судьбу и людей, и людских дел. Я наблюдал игру этой страсти всюду, где видел её признаки, и всегда порывался изобразить их (...игра страстей даёт художнику богатый материал живых эффектов, драматических положений и сообщает более жизни его созданиям)», соединяя действие любви с достижением художественности в писательской практике. Отметим знак равенства, который Гончаров ставит между страстью и любовью. (О. Ю. Седова, выпускница Литинститута, наша аспирантка, глубоко погружённая в творчество И. А. Гончарова, написала статью «Тема любви в романе И. А. Гончарова “Обрыв”»). Вот это соединение лирического начала и размышление о судьбе Отечества, приводящие автора к эпическому повествованию в финале, дают яркие стиливые особенности произведению. И. Северянин создал небольшую импрессию в стихах «Под впечатлением “Обрыва”»: «Я прочитал “Обрыв”, поэму Гончарова... / Согласна ль ты со мной, что Гончаров — поэт?» Я — готова согласиться, повторю вслед за Ю. Айхенвальдом, «только слишком искусно выдавал себя за прозаика». Замысел и двадцатилетняя реализация романа представляется монументальным делом, хотя работа идёт очень неровно. В 1860 году Гончаров пишет чете Никитенко из Мариенбада: «Я... чувствовал такой прилив производительной силы, такую страсть выразиться, какой не чувствовал с 57 года. Разумеется, это не пропало даром для буду-

щего (если только будет) романа: он весь развернулся передо мной часа за два готовый, и я увидел там много такого, чего мне и не грезилося никогда». Какое одушевление и поэтическое прозрение опять в Мариенбаде!

Л. А. Карпушкина. Мариенбадское чудо состоялось в лето и осень 1857 года. Десять лет роман «Обломов» складывался в голове, а в семь недель был «записан»: «Я писал как будто по диктовке. И, право, многое явилось бессознательно, подле меня кто-то невидимо сидел и говорил мне, что писать».

О. Ю. Саленко. Гончаров писал об «Обрыве»: «Я невольно расшевелил и исчерпал в романе все образы страсти», однако когда в 2010 году я посмотрела постановку «Обрыва» А. Шапиро в МХТ, спектакль мне показался довольно сдержанным. Самым живым, убедительным и вызывающим сочувствие героем, на мой взгляд, был Марк Волохов в исполнении Артёма Быстрова, если я правильно помню...

С. В. Молчанова. Когда один за одним наступали двухсотлетние юбилеи русских классиков (а очередь Островского в 2023 году), театры пополняли свой репертуар инсценировками. Приближалось время юбилея Гончарова. За исключением известной уже удачной работы Розова с «Обыкновенной историей» большинство инсценировок для своих спектаклей стали komponовать режиссёры. Позволю себе реплику в сторону: после обращения В. И. Немировича-Данченко к Достоевскому (спектакли «Братья Карамазовы» и «Николай Ставрогин») режиссёр называл и другие произведения для инсценирования: «Анну Каренину», «Обрыв», «Дым», «Вешние воды» и даже «Записки охотника».

Особую судьбу, думается, независимую от юбилеев, имеют инсценировки по роману «Обрыв». За некоторыми из этих обращений именно к «Обрыву» стоит желание крупных актрис играть возрастную роль — глубокую и, не будем скрывать, выигрышную — из русского репертуара. Безусловно, Бабушка (именно с большой буквы) Татьяна Марковна Бережкова привлекала внимание многих актрис, перешагнувших определённый возраст. Если оглянуться на пятидесятилетний период — последнюю треть XX века и первые два с небольшим десятилетия века XXI, надо вспомнить телеспектакль режиссёра Леонида Хейфица 1973 года, где большинство исполнителей были известные актёры Малого театра. Бережкову играла опытная и обаятельная Софья Фадеева, Бориса Райского — Эдуард Марцевич. Смее утверждать, что лучшего исполнителя этой сложной, психологически противоречивой роли за прошедшие после телеспектакля пятьдесят лет не было. Но исполнение Фадеевой большим открытием не стало.

За двадцать лет до юбилея пьеса и спектакль Веры Ефремовой «Обрыв» опередили всех: премьера состоялась в Малом театре в 1992 году, а в 1997 году Ефремова поставила спектакль в родном для себя Тверском академическом театре драмы. Думается, что в Малом театре претендентки на роль Бабушки были, но играла её совсем короткое время Руфина Нифонтова, скончавшаяся в 1994 году. Спектакль сошёл со сцены.

Мысленно перебираешь имена и образы. Кто бы мог справиться с этой ролью? Обращаешься к именам театральным. И вдруг останавливаешься

на образе, связанном с другим произведением Гончарова — «Обломовым». Выдающийся фильм Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» дал нам неповторимого исполнителя роли Захара — Андрея Попова. Имя талантливейшего Андрея Попова тянет за собой имя другого актёра Центрального театра Советской Армии (ЦТСА) — Николая Пастухова, сыгравшего в этом же фильме небольшую роль Ивана Богдановича Штольца, а припоминание отъезда Андрея из родного дома ведёт к кульминации эпизода — прощанию дворян с Андреем Штольцем. И среди всех та, которая первой бросается к нему, безымянная женщина в исполнении Любови Соколовой: «Батюшка ты мой... Андрюша, касатик...» Вот кто мог и должен был сыграть Татьяну Марковну Бережкову, Бабушку всея Руси. Ведь Соколова, известная более всего кинозрителю как замечательная исполнительница ролей второго плана и главное — эпизодов, в молодости переиграла немало театральных ролей, в частности, Ольги Прозоровой в «Трёх сёстрах», правда, не в театрах первого уровня. Но не случилось.

В 2010 году в МХТ им. А. П. Чехова в своей постановке режиссёр Адольф Шапиро (он же автор пьесы по роману) доверяет роль Татьяны Марковны Ольге Яковлевой — актрисе, выпестованной в своё время Анатолием Эфросом. Тем, кто помнит и знает Яковлеву по роли Натальи Петровны в «Месяце в деревне» Тургенева, нетрудно заметить знакомые интонации, жесты. Не потерявшая стати фигура, подчёркнутая костюмом (художник по костюмам Т. Бархина), хорошо читается на фоне светлой лестницы, охватившей всю сцену от портала до портала. Яковлевой удаётся почти целиком освоить это пространство, а свет помогает ей в этом. Опытный режиссёр сумел вместе с актрисой добавить образу немалой значительности. И всё-таки... Холодно, холодно, холодно.

Л. А. Карпушкина. Мы ещё не затрагивали тему службы И. А. Гончарова, тогда как Гончаров-цензор вызывал подчас ехидные усмешки собратьев по перу. Так, Герцен весьма саркастически пишет о новом поприще писателя в «Необыкновенной истории о цензоре Гон-ча-ро из Ши-Пан-Ху»... Но, возможно, Герцен и не был подробно осведомлён о деятельности Гончарова как цензора, который пропустил поэмы Лермонтова, «Село Степанчиково», «Записки охотника», а также «Тысячу душ» Писемского, за что даже получил выговор...

Г. Ю. Завгородняя. Наш круглый стол затронул многие аспекты творчества Ивана Александровича Гончарова, но нельзя не признать, что начинается наше знакомство с ним с «Обломова» в школе, а бывает, что тем и заканчивается. Однако и сам роман (непростой, во многом полемичный), и его автор нуждаются в подходе более осмысленном и, главное, очищенном от стереотипов.

Л. А. Карпушкина. Тургенев говорил, что «пока останется хоть один русский, до тех пор будут помнить Обломова». Действительно, это образ такой силы художественного обобщения, что вправе стоять рядом с Дон Кихотом и Фаустом...

О. Ю. Саленко. М. М. Пришвин, размышляя о главном герое творчества Гончарова, развернул значение Обломова в плане историософии России, у героя, по его мнению, нет перспективы высшего социального служения, а личная выгода в нашей стране не является позитивным мотивом для действия: «Никакая “положительная” деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя».

Г. Ю. Завгородняя. Поистине нельзя не согласиться с мыслью о том, что русская философия XIX века обретается не в отвлечённых трактатах, а в литературе. И если сочинения Достоевского и Толстого в этом плане вне сомнений, то романы Гончарова вызывают к вдумчивому прочтению и размышлению над непростыми вопросами, не только социальными и психологическими, но и бытийными.

*О. Ю. Саленко**

© О. Ю. Саленко

* Ольга Юрьевна Саленко — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); olga_sal@mail.ru

УДК: 821.161.1

DOI 10.24412/2408-9451-2023-1-127-133

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ» (2 февраля 2023, Москва, ИМЛИ РАН)

Неиспытанное, новое, будто до отказа
спрессованное в одном металлическом
слове — Сталинград.

Юрий Бондарев

В обзоре представлено основное содержание и ход Круглого стола, посвящённого вопросам изучения истории Сталинградской битвы и её отражений в литературе и в искусстве. Организаторами выступили ИМЛИ РАН, Институт российской истории РАН, Литературный институт им. А. М. Горького. В заседании приняли участие ведущие историки ИРИ РАН и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), историки литературы ИМЛИ РАН, литературоведы и преподаватели Литературного института и Московского педагогического государственного университета (МПГУ).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Сталинградская битва, Сталинград, приказ «Ни шагу назад!», писатели-фронтовики, А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, В. С. Гроссман, Ю. В. Бондарев, В. П. Некрасов, «В окопах Сталинграда».

2 февраля 2023 года, в день 80-летней годовщины победы в Сталинградской битве, в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН состоялось заседание Круглого стола «Они сражались за Родину», участники которого обсудили вопросы, связанные с изучением переломившей ход Великой Отечественной войны битвы, ставшей одной из самых кровопролитных в мировой истории. Организаторами Круглого стола выступили ИМЛИ РАН, Институт российской истории РАН, Литературный институт им. А. М. Горького. В заседании приняли участие ведущие историки ИРИ РАН и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), историки литературы ИМЛИ РАН, литературоведы и преподаватели Литературного института и Московского педагогического государственного университета (МПГУ).

В приветственном слове историк литературы, член-корр. РАН, заведующая Отделом русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН **Н. В. Корниенко** отметила значительный вклад российских историков в описание, изучение и введение в научный оборот уникальных материалов, связанных со Сталинградской битвой.

Доклад **Н. В. Корниенко** «История и литература: Русская литература в дни Сталинградской битвы» был посвящён роли русской литературы в годы

Великой Отечественной войны и особенно в период Сталинградской битвы. В год 130-летней годовщины Бородинского сражения востребована была русская классическая литература, и прежде всего «Война и мир» Л. Н. Толстого, по-новому прочитанная советскими писателями. Во второй половине 1942 г. были напечатаны первые главы поэмы «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского, в газетах публиковалась замечательная лирика Е. А. Долматовского, М. В. Исаковского и, конечно, великая, «фантастическая», публицистика В. С. Гроссмана, А. Н. Толстого и др. В докладе «Четверть века советской литературы» на юбилейной сессии Академии наук СССР 18 ноября 1942 г. в Свердловске Толстой говорил о советских писателях, находившихся в рядах Действующей армии, и о главной цели советской литературы — «подняться до уровня моральной высоты и героических дел русского воюющего народа». Эта же мысль — необходимость соответствовать мужеству солдата — была выражена в рассказе М. А. Шолохова «Наука ненависти». Н. В. Корниенко отметила важность для филологов исследовательского опыта и выработанных историками подходов к изучению Сталинградской битвы, в частности, современной периодизации. Эта тема важна для изучения произведений о Сталинградской битве, в которых дана своя периодизация. Романы «Они сражались за Родину» М. А. Шолохова, «В окопах Сталинграда» В. П. Некрасова, «Горячий снег» Ю. В. Бондарева начинаются с отступления русской армии от Харькова в июне 1942 г., герой рассказа Шолохова «Судьба человека» под Харьковом попал в плен. Другая проблема, нуждающаяся в изучении, — изменение терминологии и медленное возвращение исторических определений: например, после переименования Сталинграда в Волгоград понятие «Сталинградская битва» пытались заменить на «битва на Волге» или заменить И. В. Сталина, Верховного главнокомандующего, словосочетанием «Ставка Верховного главнокомандования». Все эти темы, по признанию Н. В. Корниенко, ещё предстоит освоить историкам литературы вместе с коллегами-историками.

Проблеме источниковедения был посвящён доклад к.и.н., с.н.с. ИРИ РАН **К. С. Дроздова** «Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР: деятельность по документированию Сталинградской битвы». К. С. Дроздов является заведующим Научным архивом ИРИ РАН, и — как историк-архивист — охарактеризовал фонд, в котором хранятся документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны при АН СССР, рассказал о людях, выезжавших для сбора материалов, обстоятельствах, в которых брали интервью, а также продемонстрировал уникальные архивные документы. В докладе особо было подчёркнуто созвучие стенограмм с изображением событий в романе Гроссмана «Жизнь и судьба», написанного на материале личных впечатлений и записных книжек писателя 1942 года. В дискуссии по докладу прозвучала мысль о необходимости изучения и введения в научный и читательский оборот всего корпуса архивных материалов, раскрывающих страшные и героические страницы нашей истории, о чём честно рассказали русские писатели: Бондарев, участник Сталинградской битвы, кавалер медалей «За отвагу» и «За оборону Сталинграда», Шолохов и др.

Историографический обзор современных исследований, посвящённых одной из самых ожесточённых битв, представил к.и.н., в.н.с. ИРИ РАН **Б. У. Се-**

разетдинов в докладе «Сталинградская битва: историография проблемы в постсоветский период». Б. У. Серазетдинов выделил публикации архивных документов (протоколов допросов, воспоминаний и др.), монографии и статьи, посвящённые отдельным аспектам изучения Сталинградской битвы, работы краеведов и труды по изучению участвовавших в ней формирований. Обсуждение было вызвано прозвучавшей в докладе и использованной в представленных трудах терминологией: сложившееся на Западе понятие «Сталинградская катастрофа» неуместно в отечественных работах, так как для нас Сталинград стал победой.

Сложной и многообразной историографии Сталинградской битвы был посвящён доклад члена-корр. РАН, г.н.с. ИРИ РАН **В. С. Христофорова** «Сталинградская битва в оценках участников и очевидцев: по документам советской разведки и контрразведки». Опубликованные в последнее время уникальные документы из российских архивов (документы военной цензуры, Особых отделов НКВД, протоколов допросов генералов Вермахта, воспоминаний и др.) позволяют судить о ходе битвы, о настроениях военнослужащих Сталинградского фронта, оценках её участников и очевидцев. Документы советских спецслужб, как было показано В. С. Христофоровым, позволяют не только приоткрыть неизвестные ранее страницы Сталинградской битвы, но и расширить историографию Великой Отечественной войны. В. С. Христофоров подробно ответил на вопрос, связанный с видом документов, в частности знаменитого приказа Верховного главнокомандующего от 28 июля 1942 г. № 227 («Ни шагу назад!»), который существует в машинописном виде с правкой Сталина.

К.ф.н., доцент Московского финансово-промышленного университета, докторант МГУ им. М. В. Ломоносова **И. Н. Коржова** проанализировала статьи, опубликованные в период боёв за Сталинград в газетах «Известия», «Красная звезда», «Правда» и др. В докладе «Устойчивые образы и топосы в очерках о Сталинградской битве (на материале центральных газет 1942–1943 гг.)» рассматривались жанровое своеобразие (репортаж, очерк, рассказ и т. д.), композиционные особенности, тематическое разнообразие и художественные образы военных корреспонденций В. С. Гроссмана, Е. Г. Кригера, К. М. Симонова, А. Н. Толстого, Б. Н. Полевого. В докладе было показано, как создавался целостный образ «живого» города и его защитников, сталинградцев, — местных жителей и солдат разных национальностей, сроднившихся вокруг Сталинграда.

«Слово» писателя, а в годы Великой Отечественной войны — военного корреспондента, А. Н. Толстого, звучало в докладе «“Чёрные дни гитлеровской армии”»: Тема Сталинградской битвы в публицистике А. Н. Толстого» к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН **Г. Н. Воронцовой**. С начала Сталинградской битвы, с 14 июля 1942 г., внимание Толстого, как и всех, кто писал о положении на фронтах Великой Отечественной, было приковано к событиям на юге страны. К теме Сталинградской битвы и шире — боёв на юге — он обращался в статьях «К подвигам, к славе!», «Ни шагу назад!», «Русский и немец»,

«Чёрные дни гитлеровской армии», в которых опирался на свой опыт военного корреспондента в период Первой мировой войны. Г. Н. Воронцова также выделила статьи «Родина» и «Четверть века русской литературы», пронизанные образами русской истории и литературы.

Особо на заседании Круглого стола прозвучала тема изучения и издания произведений писателей-фронтовиков, участников Сталинградской битвы. Проблемам творческой истории и эдиции романа В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» был посвящён доклад к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН **Е. В. Антоновой** («Роман В. П. Некрасова “Сталинград”: первые публикации»). На основании неизвестных ранее архивных документов были опровергнуты сложившиеся вокруг романа Некрасова мифы, в частности, о роли А. А. Фадеева в судьбе произведения. Переписка писателя, стенограммы обсуждения романа свидетельствуют о том, что Фадеев высоко ценил талантливого писателя и его произведение о войне. Е. В. Антонова показала уникальные материалы к биографии Некрасова и творческой истории романа: наградные листы, датированные 3 февраля 1943 г., фотографии участников Сталинградской битвы — прототипов героев романа, выполненные рукой писателя схемы расположения частей конца 1942 г. и начала 1943 г. В ходе дискуссии возник ряд вопросов о вариантах заглавия, источниках текста и характере правки для публикации в журнале «Знамя». О необходимости подготовки научного издания романа «В окопах Сталинграда» свидетельствовало замечание к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН, сотрудника отдела рукописных фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля **Е. И. Погорельской** о переданном в фонды музея большом архиве писателя. **С. Ф. Дмитренко**, к.ф.н., доцент Литературного института, поделился личными воспоминаниями о том, как стал свидетелем изъятия книги Некрасова из букинистического магазина в период, когда её автор вынужден был покинуть родину (середина 1970-х годов).

Масштабную тему «Писатель Михаил Шолохов и Великая Отечественная война» в докладе «Солдатская правда Михаила Шолохова (у истоков романа “Они сражались за Родину”»)» затронул д.ф.н., в.н.с. ИМЛИ РАН **Ю. А. Дворяшин**. Вместе с поэтом Долматовским 21 июля 1942 г. Шолохов приехал в Сталинград. В общении с бойцами Сталинградского фронта, по признанию исследователей, рождались его военные очерки, зафиксировавшие непосредственную реакцию писателя, знаменитый рассказ «Наука ненависти», опубликованный сразу в двух газетах, «Правде» и «Красной звезде», и, конечно, роман «Они сражались за Родину». Сообщение о начале работы над романом появилось в газете «Литература и искусство» 13 марта 1943 г., вскоре главы нового произведения Шолохова были опубликованы в периодических изданиях и, по воспоминаниям современников, которые привёл Ю. А. Дворяшин, истории из романа солдаты стали пересказывать друг другу, дополняя своими боевыми сюжетами, реальными и вымышленными.

В связи с выступлением Ю. А. Дворяшина Н. В. Корниенко подняла вопрос о необходимости изучения серий «Библиотека красноармейца», «Библиотека краснофлотца» и др., в которых массовым тиражом выходили произведения русских писателей советского периода. Одним из таких про-

изведений, вышедших в серии «Библиотека красноармейца», был рассказ Шолохова «Наука ненависти». Экземпляр книги с пулевым отверстием хранится в Государственном музее-заповеднике М. А. Шолохова (станция Вёшенская Ростовской области). Требуется изучения и история оборонной комиссии Союза советских писателей, по признанию Н. В. Корниенко, и деятельность её журналов (например, журнала «Знамя»), однако для написания научного комментария необходимы усилия не только филологов (для комментирования историко-литературной борьбы), но и военных историков (при комментировании военной ситуации).

В сообщении независимого исследователя **И. А. Вершинина** «Сталинградская битва в творческом наследии писателя Ю. В. Бондарева» также была затронута значимая тема: поэтика романа «Горячий снег». В структуре романа, по мнению выступавшего, большую роль играют сны и видения, символика цвета, библейские аллюзии, которые являются выражением авторского осмысления Сталинградской битвы.

Доклад к.ф.н., доцента Литературного института им. А. М. Горького **С. Ф. Дмитренко** был посвящён незаслуженно забытому произведению о войне — рассказу Марка Ефетова «Девочка из Сталинграда». М. С. Ефетов, с 1942 года военный корреспондент Совинформбюро, был в Сталинграде, где познакомился с Яковом Павловым. Его «пронзительный и жёсткий», «без сантиментов», по определению докладчика, рассказ о девочке Свете, пережившей день за днём вместе с защитниками ставшего легендарным дома Павлова битву за Сталинград, написан на основе личных впечатлений и документальных источников, именно поэтому странным кажется изъятие в 1960-х гг. из текста названия города.

Д.ф.н., профессор МПГУ **Д. В. Поля** в докладе «В направлении Сталинграда... (Великое отступление 1942 года в прозе и воспоминаниях Н. К. Гей и Е. М. Мелетинского)» рассказал о личных впечатлениях от общения с прошедшим Сталинград учёным-филологом. Н. К. Гей, по воспоминаниям Д. В. Поля, не любил говорить о войне. Факты своей биографии, связанные с отступлением лета 1942 года, он использовал при создании военных эпизодов в романе «Хронотавр и Солнце», где война показана сквозь призму восприятия главного героя. В воспоминаниях другого учёного, историка культуры Е. М. Мелетинского, создававшихся не для публикации, а с целью «высказывания», также показано отступление 1942 года, но особенностью его изображения является предельная детализация. Таким образом, по признанию Д. В. Поля, оба свидетельства о Великой Отечественной войне — художественное, образное осмысление Гей и наполненное мелкими подробностями быта документальное повествование Мелетинского — становятся ценными источниками и для историков, и для литературоведов.

В докладе н.с. ИРИ РАН **Д. Д. Лотаревой** «Сталинградский снайпер Василий Зайцев: человек и художественный образ» рассматривались архивные документы (записки и интервью героя Советского Союза, записи его сослуживцев), основные сюжеты (например, дуэль с немецким снайпером-асом на Мамаевом кургане), их документальная реальная основа и последующая

мифологизация. Ценными источниками к биографии Зайцева являются его наградные листы и стенограммы нескольких интервью Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР. Собранные воедино, они создают образ скромного, спокойного и рассудительного человека. Одним из документов, характеризующих Зайцева как человека, является его рассказ о бухгалтерской работе: «...спокойная, тихая, хорошая <...> чувствуешь себя хозяином». Хладнокровным и сдержанным он оставался и на поле боя. На основании разного рода источников, документальных (интервью, записных книжек Гроссмана и др.) и художественных (романа Гроссмана «Жизнь и судьба», литературно обработанных воспоминаний и др.). Д. Д. Лотарева проследила, как образ молчаливого, очень скромного и культурного человека трансформировался в былинного богатыря. Мифологизация образа была продолжена в кинематографе: «Ангелы смерти» (реж. Ю. Озеров; 1993, Россия, Франция), «Враг у ворот» (реж. Ж.-Ж. Анно; 2001, США, Ирландия, Великобритания, Франция, Германия), «Жизнь и судьба» (реж. С. Урсуляк; 2012, Россия). По мнению исследователя, их интересно сопоставить с документальным фильмом 1985 года «Волжская твердыня». Вопросы о судьбе легендарного снайпера после Великой Отечественной войны свидетельствовали об искреннем интересе участников Круглого стола к личности Зайцева.

«Сталинградские страницы дневника Всеволода Иванова» — заглавие другого «проникновенного» (Г. Н. Воронцова) доклада к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН **Е. А. Папковой**. Е. А. Папкина рассказала о жизни Вс. Иванова в годы Великой Отечественной войны, который с первых её дней стал военным корреспондентом газет «Известия» и «Красная звезда», опубликовал ряд статей («Патриоты Родины», «Мысли народа» и др.), а с весны 1943 г. находился на фронте. Дневники писателя этого периода (московский и ташкентский) содержат анализ фронтовых сводок, международной ситуации, двойственной военной политики союзных стран (США, Англии и Франции) и внутреннего положения в стране. В докладе рассматривались язык и стиль дневниковых записей в контексте опубликованных в периодике статей Вс. Иванова периода Сталинградской битвы, и прежде всего статей «Они пишут завещание» — о попавших в окружение немцах, «Битва на Волге» и «Час расплаты». Пронзительна запись от 15 февраля 1943 г. с описанием холодного, пустынного, разрушенного города, костров и зарева от огней немецких ракетниц, из которых стреляют наши солдаты в честь победы.

К.и.н., главный специалист РГАНИ **О. В. Осина** в докладе «Подвиг созидания: Восстановление Сталинграда после войны» рассказала об уникальных архивных документах из фондохранилищ Москвы (РГАНИ, ГА РФ, РГАЛИ, РГАСПИ) и Волгограда (Центр документации новейшей истории Волгоградской области), представленных на выставке «Сталинград. Подвиг созидания» (предпоказ состоялся в рамках пятого Балтийского культурного форума, Светлогорск, Калининградская обл., 20–23 апреля 2023 г.; подробнее см.: <https://ргани.рф/?p=5770>; открытие выставки планируется в октябре 2023 г. в выставочном зале МАРХИ). Отдельного исследования, по признанию О. В. Осиной, требует биография и деятельность А. С. Чуянова, занимавшего пост первого секретаря обкома и приложившего колоссальные усилия для восстановления полностью уничтоженной городской инфраструктуры.

В завершающем заседании Круглого стола докладе «Сталинградская битва и советская сатира 1943 года» д.ф.н., в.н.с. ИМЛИ РАН **Д. Д. Николаев** выделил несколько периодов в истории советской сатиры военных лет, которые отражали не только особенности историко-литературного процесса, но и читательское восприятие происходящих событий. Сталинградская битва сыграла ключевую роль в опубликованных в сатирическом журнале «Крокодил» текстах и дополняющих их изображениях.

Подводя итоги работы Круглого стола, Н. В. Корниенко предложила ряд исследовательских проектов, работа над которыми возможна лишь при объединении усилий историков и литературоведов. Это и написание реально-исторического комментария к произведениям о войне, и комментирование дневников писателей-фронтовиков, и многие другие. Круглый стол завершился поздравлениями с замечательной датой, великим праздником — 80-летием победы в Сталинградской битве и минутой молчания в память о павших на фронтах Великой Отечественной войны.

*А. С. Акимова**

© А. С. Акимова

* Анна Сергеевна Акимова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); a.s.akimova@mail.ru

SUMMARY

THEORY AND HISTORY OF LITERATURE

THE BATTLE OF STALINGRAD: HISTORY AND LITERATURE

Natalia V. Kornienko

Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of Modern Russian Literature and Literature of Russian Emigration, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation);
natalkornienko@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the most important dates of the historical chronicle of the Battle of Stalingrad and their reflection in the Soviet literature of these years: journalism, poetry, prose, ego documents. A large amount of periodicals, central newspapers, and modern historical research is involved; special attention is paid to the works created during the days of the Battle of Stalingrad and included in the golden fund of Russian classics.

Keywords: Stalingrad, the Pravda Newspaper, literary journalism, lyrics, Soviet literature, traditions.

THE DARK DAYS OF HITLER'S ARMY:

The theme of the Battle of Stalingrad in the journalism of A.N. Tolstoy
Galina N. Vorontsova

PhD of Philology, Senior Researcher of the Department of Modern Russian Literature and Literature of Russian Emigration, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation);
Voroncova.96@mail.ru

Abstract: The article presents an analytical review of A.N. Tolstoy's articles written during the Battle of Stalingrad: *To feats, to glory!, Not a step back!, A Russian and a German, The Dark days of Hitler's army*. Special attention is paid to the writer's civic position during the Great Patriotic War, as well as to the genre features of the works that have become an integral part of the journalistic chronicle of the war years.

Keywords: A.N. Tolstoy, the Great Patriotic War, the Battle of Stalingrad, journalistic articles.

STALINGRAD PAGES OF VSEVOLOD IVANOV'S DIARY

Elena A. Papkova

PhD of Philology, Associate Professor, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation);
elena.iv@bk.ru

Abstract: The article examines the diary entries of the writer and war correspondent Vsevolod Ivanov, made in the late 1942 — early 1943 and dedicated to the defense of Stalingrad and the victory in the Battle of Stalingrad. It is noted that the information about what is happening at the front is considered by Ivanov

in the context of his understanding of international relations, primarily with allies and internal policy in the country. The content and style of the writer's diary entries are compared with his military articles of this period. It is concluded that the data given by Ivanov, the facts and the noted details make the picture of the great battle more voluminous.

Keywords: The Battle of Stalingrad, Vsevolod Ivanov's diary, newspaper articles, international relations, domestic policy.

VIKTOR NEKRASOV. "ON THE EDGE OF THE EARTH" —
"STALINGRAD" – "IN THE TRENCHES OF STALINGRAD":

From the first reviews to the Stalin Prize

Elena V. Antonova

PhD of Philology, Associate Professor, A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation);
antonova.imli@gmail.com

Abstract: This article is devoted to clarifying the history of the discussion of Victor Nekrasov's novel "Stalingrad" (it is also known under the titles "On the edge of the earth", "In the trenches of Stalingrad") in the publishing house "Sovetskii Pisatel" ("Soviet Writer") and the editorial office of "Znamya" ("The Banner") magazine. Also, on the basis of archival sources, the author analyzes the attitude to this work of Alexander Fadeev and, more broadly, the circumstances of the nomination of the novel for the Stalin Prize. In this regard, internal reviews of the novel relating to February-April 1946 (Alexander Tvardovsky, Anatoly Tarasenkov, etc.) and the text of the speech of the literary critic Vladimir Alexandrov at the meeting of the Presidium of the Union of Soviet Writers in December 1946 are published for the first time.

Keywords: Victor Nekrasov, novel "Stalingrad", internal reviews, Alexander Fadeev, Stalin Prize.

SOCIAL SCIENCES

THE IMAGE OF THE FIGHTING STALINGRAD

(based on the material of the central newspapers of 1942–1943)

Inessa N. Korzhova,

PhD of Philology, Associate Professor, Department of Domestic
and Foreign Literature, Moscow University for Industry and Finance
(Moscow, Russian Federation);
clean24@yandex.ru

Abstract: The paper examines the articles of 1942–1943 covering the Battle of Stalingrad and recreating the image of the warring city. The image of the fortress house, which has become the key one in the articles on the defense of the city, is considered in detail. Recreating the appearance of houses, as well as the types of indigenous Stalingraders, publicists turn to the principle of antithesis. The article establishes the importance of the motive of victory spirit near Tsaritsyn, which is conceived by both fighters and the whole fighting city. The productivity of comparing a city to a fortress was also noted. Denying the similarity of Stalingrad with Verdun, publicists use it as a metaphor for the fortress city.

Keywords: essay, battle of Stalingrad, image of the city, image of the house, fortress house, fortress city.

THE FEAT OF CREATION:
THE RESTORATION OF STALINGRADAFTER THE WAR

Olga V. Osina,

PhD in History, chief specialist, Department of Study and Preparation
for Publication of Archival Documents, Russian State Archive
of Contemporary History (RGANI)
(Moscow, Russian Federation);
olgavlshenk@rambler.ru

Abstract: Stalingrad is a symbol of the fortitude and courage of our people, the beginning of a radical turning point in the Great Patriotic War and the entire Second World War. Stalingrad is one of the most war-torn cities. This article analyses archival materials on the reconstruction of the city.

Keywords: Great Patriotic War, Stalingrad, restoration, military feat, labor heroism.

COMMISSION ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES:
ACTIVITIES FOR DOCUMENTING THE BATTLE OF STALINGRAD

Konstantin S. Drozdov,

PhD in History, Senior Researcher/Head of the Scientific Archive of The Institute
of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRH RAS)
(Moscow, Russian Federation);
k-drozdov@yandex.ru

Abstract: The article presents a brief history of the work of the Mintz Commission on collecting interviews in 1943 from active participants in the Battle of Stalingrad – commanders, political workers and soldiers of the 62nd Army. Taking as an example conversations with V.I. Chuikov, N.I. Krylov, L.N. Gurtiev, I.M. Brysin and others, an attempt was made to perform a detailed comparative historical analysis of the shorthand notes of the talks collected by the Commission members and the diary entries from the notebooks of Vasiliy Grossman, in which his impressions of the meetings with the above mentioned people in the autumn-winter of 1942 are fixed.

Keywords: Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences of the USSR, Battle of Stalingrad, Isaak Mintz, transcripts of conversations, Vasiliy Grossman, diaries.

THE BATTLE OF STALINGRAD IN THE ASSESSMENTS
OF PARTICIPANTS AND EYEWITNESSES:

according to the documents of Soviet intelligence and counter-intelligence

Vasily S. Khristoforov,

Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation);
Senior Researcher of Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University
(Nizhny Novgorod, Russian Federation);
iriran@mail.ru

Abstract: Based on the data of the scale of the Battle of Stalingrad: in terms of the space of the territory, the number of participants from both sides and the losses among them, the victory in this battle of units and formations of the Red Army, two-way assessments of the events are analyzed: the Soviet and German military, politicians, representatives of special services, journalists, as well as the emergence

of contradictions and political crises in the countries of Germany's allies: Hungary, Italy, Romania, Finland. Comparative characteristics of domestic and foreign historiography, its military-political and historical aspects are given, different approaches of researchers from different countries are shown. Certain successes were noted in declassifying documents on the history of the Great Patriotic War and the history of the Battle of Stalingrad. A deep analysis of the published documents of the Soviet special services, which contain value judgments of the participants and eyewitnesses of the Battle of Stalingrad, was carried out. A positive contribution has been made to the study of the most significant pages of the Battle of Stalingrad, as well as the formation of historical memory of the war and the battle.

Keywords: Stalingrad, special services, sources, historiography, memory, archives.

THE BATTLE OF STALINGRAD:
THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM
IN THE POST-SOVIET PERIOD

Boris Ur. Serazetdinov,

PhD in History, Associate Professor, Leading Researcher at the Center
for Military History of Russia of the Federal State Budgetary Institution
of Science of the Institute of Russian History of the Russian Academy
of Sciences (IRI RAS)
(Moscow, Russian Federation);
sbu54@bk.ru

Abstract: A historiographical review of modern research in the post-Soviet period to the present, affecting the least studied and rarely covered aspects of the Battle of Stalingrad, is presented. An attempt was made not only to determine the thematic groups of such publications, but also to identify the reason for the poor study of the issue, to assess the degree of prospects for research in these areas.

Keywords: Battle of Stalingrad, historiography, post-Soviet period, front, rear, population, military economy.

FREE THOUGHTS

THE BLACK SOIL (CHERNOZEM) HOFFMANN

Sergey F. Dmitrenko,

PhD, Associate Professor, Contemporary Russian Literature Department
of the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
(Moscow, Russian Federation);
dmitrenko@litinstitut.ru

Abstract: In an essay dedicated to the memory of the outstanding Russian-German studies Alla Botnikova (1924–2022), a researcher of E. T. A. Hoffmann's connections with Russian literature and Russian reality, draws attention to the universality of the romantic worldview and its possibilities for understanding historical reality, the importance of ethical and aesthetic education in the family, the timely formation of children's and adolescent reading.

Keywords: E. T. A. Hoffmann, A. B. Botnikova, Boris Sveshnikov, "Golden Pot", Vladimir Sergeevich Solovyov, George Berkeley.

CHRONICLE**“THE QUIETEST GENIUS OF THE RUSSIAN LITERATURE”:**

Round table dedicated to the 210th anniversary of the birth Iv. Al. Goncharov

(October 10, 2022, Moscow,

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing)

Olga Yu. Salenko

Abstract: The round table was held by the Department of Russian Classical Literature and Slavic Studies of the Gorky Literary Institute on October 10, 2022. It discussed the current problems of studying the creative biography of I. A. Goncharov.

Keywords: I. A. Goncharov, “Ordinary History”, “Frigate Pallada”, “Oblomov”, “Cliff”, “Extraordinary History”, P. A. Zeleny, Viktor Rozov, Eduard Artemyev, Moscow University, “A few days from the life of Il. Il. Oblomov”, art, music, songs.

“THEY FOUGHT FOR THE MOTHERLAND”:

Round Table

(February 2, 2023, Moscow; A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences)

Anna S. Akimova

Abstract: The review presents the main content and course of the Round Table devoted to the study of the history of the Battle of Stalingrad and its reflections in literature and art. The organizers were the IMLI RAS, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing. The meeting was attended by leading historians of the IRI RAS and the Russian State Archive of Modern History (RGANI), literary historians of the IMLI RAS, literary critics and teachers of the Literary Institute and the Moscow Pedagogical State University (MPSU).

Keywords: The Great Patriotic War, World War II, the Battle of Stalingrad, Stalingrad, the order “Not a step back!”, front-line writers, A. N. Tolstoy, M. A. Sholokhov, V. S. Grossman, Yu. V. Bondarev, V. P. Nekrasov, “In the trenches of Stalingrad”.

ISSN 2408-9451

Вестник Литературного института имени А. М. Горького
№ 1' 2023

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Литературный институт имени А. М. Горького»
123104, г. Москва, Тверской бульвар, 25

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-19959 от 29 апреля 2005 г.

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» — 20577

Адрес редакции:
123104, г. Москва, Тверской бульвар, 25
Телефон редакции: (495) 694 06 61, 694 11 41
Факс: (495) 694 06 61
E-mail: vestlit@litinstitut.ru

Подписано в печать 12.04.2023
Цена договорная
Тираж 1000 экз.

ISSN 2408-9451

9 772408 945009